

Министерство образования и науки Российской Федерации
Борисоглебский государственный педагогический институт
Воронежский государственный университет
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Продолжающееся научное издание

Выпуск 3

Воронеж
2012

ББК 81
УДК 81-11

Сборник адресован филологам, специалистам в области семантических и когнитивных исследований, преподавателям русского и иностранного языков, а также всем интересующимся проблемами лингвистической семантики и когнитивной лингвистики.

Рецензенты:

профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского *Е.Н. Лагузова*

профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета *О.Н. Чарыкова*

Редколлегия:

доцент, кандидат филологических наук *М.В. Шаманова*, доцент, кандидат филологических наук *Е.В. Борисова* – научные редакторы; профессор, доктор филологических наук *Н.М. Вахтель*, профессор, доктор филологических наук *И.А. Стернин*.

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт», протокол № 02 от 29.03.2012

© Коллектив авторов, 2012

Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. М.В. Шамановой, Е.В. Борисовой. – Вып. 3. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 132 с.

ISBN 978-5-85897-552-6

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.Н. Анисимова

Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова

Семантика глагольной лексики в составе пейзажных описаний

Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0291 «Лингвистический анализ пейзажных описаний» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

Как известно, «глагол является центром грамматической и семантической структуры предложения...» [Балалыкина 2006: 6]. Семантика глагольной лексики в пейзажных описаниях классической русской литературы отличается своеобразием, заслуживающим особого внимания. В.Н. Рябова при анализе пейзажных зарисовок в творчестве А.П. Чехова обнаружила, что на первом месте по частотности стоит именно глагол, который в большей степени обладает изобразительной семантикой [Рябова 2002: 103].

Насколько велика роль глагольной лексики подтверждают следующие фрагменты пейзажных описаний, они же продемонстрируют её разнообразие смысло- и формовыражения. Н.В. Гоголь «Майская ночь, или Утопленница»: *Задумавшийся вечер мечтательно обнимал синее небо, превращая все в неопределенность и даль.* В.П. Астафьев «Царь-рыба»: *Сеево звезд на небе сгустилось, потемнела речка, и тени деревьев, объявившиеся было при месяце, опять исчезли. Лишь отблескивала в перекатах Опариха, катясь по пропаханной, вилючей бороздке к Енисею.*

Согласно распространенному делению глаголов по признаку статичности / динамичности мы объединили рассматриваемые лексемы в два основных типа: глаголы состояния и глаголы действия, – граница между которыми достаточно условна, так как один глагол может выступать то со значением действия, процесса, то со значением состояния, качества в зависимости от контекста, кроме того, два значения могут как бы накладываться друг на друга. Особенно трудно разграничить эти значения у глаголов, характеризующих интересующие нас природные явления, поскольку падать – это обычное состояние снега, светить – солнца, течь – реки и т.п. В научной литературе предложены разнообразные типы семантической классификации глаголов русского языка [Васильев 1990; Семантические типы предикатов 1982; Семантические классы русских глаголов 1982;

Апресян 2009], материалы которых привлекаются в настоящем исследовании, однако единой концепции в современной лингвистике пока не выработано.

Безусловно, для глагольных единиц особенно важно их контекстуальное окружение, однако для анализа целесообразно восстановить прямой порядок слов, поэтому данные ниже примеры приведены в той форме, в которой они существуют в рассматриваемых текстах, и со связанными с ними существительными, но порядок слов при этом всегда прямой (существительное + глагол).

В создании пейзажных описаний участвуют глаголы **состояния**, представленные следующими лексемами со значениями:

1) **состояния, связанные с явлениями неживой природы:** (свежесть утра) *веяла*, (земля) *стала прохватываться* (морозцем), (снег) *начал сеяться*, (небо) *синело*, (месяц) *глядит*, (ветер) *гулял*, (месяц) *блещет, греет*, (пруд) *блестел, дышал* (свежестью), (зелень) *сверкала*, (снег) *мелькает, вьётся, хрустит, тает*, (долины) *сохнут и пестреют*, (солнце) *играет*, (вода) *текла*, (берег) *виднелся*, (солнечный луч) *грел*, (аромат) *держится*, (ветер) *свистал*, (хлопья облаков) *летели*, (солнечные лучи) *ниспадали*, (земля) *дышала* и др.;

2) **состояния, связанные с растениями:** (бурьян) *чернел, глушил* (своей густотой); (сучья) *царапались*, (травка) *пахнет*, (шиповник) *цветёт*, (травы) *пахнут*, (рожь) *волнуется* и др.;

3) **состояния, связанные с животными, птицами, насекомыми:** (стаи уток) *толпились*, (вол) *лежащий*, (коты) *обитали*, (стада) *шумят*, (пчёлы) *реяли*, (ласточки) *вились*, (берёзки) *рисовались*, (муравьи) *лежали* и др.

Существует также пласт слов, участвующих в описании различных природных явлений и семантически не связанных с определенными лексико-семантическими группами субстантивов. Среди них большая группа глаголов обозначает «распространение чего-либо»: *простираться, объять, покрывать, просачиваться, потопить* (багрянцем), *раскинуться, растилаться, затягиваться* (занавесом дождя) и т.п. Не все из них можно признать глаголами состояния, поскольку таковыми принято считать исключительно единицы несовершенного вида, и мы не можем не учитывать эту хорошо известную взаимозависимость лексического и грамматического факторов в пределах русского глагола.

Стоит отметить активность форм с суффиксом *-ну-*: (речка) *мелькнула*, (мороз) *блеснул*, (ветер) *рванулся*, (снег) *согнул* (осинку). С его помощью стательные глаголы (*мелькать, блестеть, рваться*) приобретают значение динамичных лексем одноактного способа действия, сему 'порывистости'.

Глаголы **действия** представлены, прежде всего, глаголами движения со значением 'перемещение в пространстве': (месяц) *поднялся*, (собаки) *сбежались*, (волк) *выходит*, (гусь) *ступает, скользит, падает*, (птицы) *пролетали*, (звёзды снега) *спустились* (с неба). Это, как правило, стандартизо-

ванные лексемы, описывающие движение живых существ (но не только), вписанных в пейзаж. Возможна детализация действий животных путём употребления ряда глагольных лексем: *Лиса мышковала. Она становилась вдыбки, извиваясь, прыгала вверх и, припадая на передние лапы, рыла ими, окутываясь сияющей серебряной пылью, а хвост ее, мягко и плавно скользя, ложился на снег красным языком пламени* (М.А. Шолохов. Поднятая целина).

Также достаточно много глаголов действия обозначают характерные для тех или иных живых существ виды активности ('издавать звуки', 'принимать пищу' и т.п.): (гусь), *пьющий* (воду); (птицы) *щебетали, пели*; (соловей) *пел*; (собака) *залаяла*, (шмели) *жужжжали*, (скотина) *заревела*, (коровы) *мычали*, (филин) *заухал*, (кукушка) *прокуковала*, (рябчики) *пересвистываются*, (муравьи) *выползли*.

Следует также отметить использование глаголов и глагольных сочетаний определенного способа глагольного действия, обозначающих начало, развитие и конец действия: (птица) *долетит*, (ночь) *догорала*, (лодка) *зачернела*, (снег) *загорелся* (серебряным полем), (сугроб) *зашевелился*; (дождик) *стал накрапывать*, (трава) *зазеленела*, (небо) *продолжало спускаться* (на землю). И.А. Гончаров «Обрыв»: *Вот ближе, ближе: вон запестрели цветы в садике, вон дальше видны аллеи лип и акаций*. Н.В. Гоголь «Заколдованное место»: *... и пошел по дорожке. Молодой дубовый лес стал редеть; мелькнул плетень*. В последних примерах становление глагольного действия передаёт изменение природного объекта в восприятии человека при движении в сторону описываемого пейзажа. И это одно из проявлений принципиальной антропоцентричности пейзажных описаний. Между тем проявлений таких (когда глагол передаёт ощущения человека в форме воздействия природных объектов) встречается достаточно много: *Утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостью* (А.С. Пушкин. Барышня-крестьянка); *Из-за реки послышалась кукушка* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина). Также глагольная семантика может приписывать явлениям природы свойства живого существа, например: (природа) *ждала* (зимы), (весна) *зовёт*; (вишни и яблони) *толпились*, (чибицы) *заплакали*, (небо) *отвечало* (на его взгляд), (осины) *не простят*, (зима) *хочет взять* (своё), (мороз) *пишет*, (ветер) *хозяйствует*, (месяц) *красовался*. Это могут быть как переосмысленные глаголы с семантикой конкретного физического действия (*писать*), так и лексемы речи, чувства или обозначения взаимоотношений людей (*отвечать, плакать, простить*): *Метель и ветер рванулись ей навстречу и заспорили с ней о двери* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина). Ощущения человека, воспринимающего пейзаж, передаются также стандартным образом наряду с вышеуказанным способом: *Нога скрипела на снегу..., нога, обутая в валенок, поскользнулась* (М.М. Пришвин. Глаза земли).

Обращает на себя внимание участие глаголов в создании разнообразных сравнительных конструкций: *казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); *Земля на огороде, как мак, глянцеви́то-мокро чернела; в темноте как будто текла невидимая, мрачная река, всё в одном направлении, гудя шёпотом, говором и звуками копыт и колес* (Л.Н. Толстой. Война и мир). Глагол *казаться* в подобных случаях встречается довольно часто, с его помощью подчёркивается личностно-человеческое восприятие и описание пейзажа. Он может иметь вспомогательное значение в составе сравнительной конструкции, как в вышеприведённых примерах, или вполне самостоятельный предикативный статус: *Два дня ему казались новы / Уединенные поля, / Прохлада сумрачной дубровы, / Журчанье тихого ручья* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); *Все ночные звуки стали казаться ему похожими на отдаленную диковинную и грустную музыку* (М.А. Шолохов. Поднятая целина).

Большую роль в создании пейзажа играют глагольные единицы, обозначающие смену дня и ночи: *рассвело*, (солнце) *уходило, выглянуло, взойдёт, спускалось, вышло*; (ночь) *наступила*, (утро) *настало*, (заря) *встаёт*. Одни из них относятся к специфической лексике, обычно описывающей природные явления (*наступить, надвигаться*), некоторые глаголы приобретают новые семы (луна *катилась по небу*, солнце едва *выказалось* из-за зеленых вершин) в контексте пейзажной зарисовки. Чрезвычайное значение при этом (как и в других случаях) имеет порядок слов, кроме того семантику глагола во многом определяет окружение, среди которого наибольшим влиянием обладают управляемые глаголом слова (субстантивы-конкретизаторы, как правило) и все от них зависящие (обычно множественные адъективы): *...заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); *Утром восходило опять радостное солнце и играло в каждой повисшей на листьях капельке, в каждой луже, заглядывало в каждое окно и било в стекла* (И.А. Гончаров. Обрыв).

В использовании рассматриваемых глагольных лексем отражаются представления русского человека из области процессуальных понятий относительно природных объектов. Семантика глагольной лексики в составе пейзажных описаний включает такие признаки, как статичность / динамичность, производящий субъект, способ протекания действия и обстоятельства его совершения.

Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Часть II: Глагол. Служебные части речи. Междометия. Модальные слова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. – 180 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.

Рябова В.Н. Пейзажная единица текста: семантика, грамматическая форма, функция: на материале произведений А.П. Чехова. Дис. канд. филол. наук. – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2002. – 196 с.

Семантические классы русских глаголов. – Свердловск, 1982. – 151 с.

Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 365 с.

Е.А. Блудова
*МОУ СОШ №16 с. Казьминское,
Кочубеевский район, Ставропольский край*

Семантическое развертывание номинации «окно» в поэтической речи М.И. Цветаевой

Язык художественного текста – это особая знаковая система, которая характеризуется неоднозначностью семантики и множественностью интерпретаций. Чтобы узнать, как устроен художественный мир писателя, разобраться, почему он так устроен, можно проанализировать символику произведения, так как отображаемые знаками языка предметы и явления реальной действительности, отношения между ними объективируют потребности и интересы художника слова, выражают его фокус зрения на мир.

Поэзия М.И. Цветаевой – своеобразный сплав жизненных фактов и авторских размышлений, возникающих как бы наедине с собой. Лирические произведения поэтессы – это возможность выразить себя, свое богатство, душевное и духовное, осмыслить скрытые от поверхностного взгляда «основы бытия». Страсть к постижению, напряженность эмоций и мыслей, динамизм повествования обуславливают структуру поэтического языка М.И. Цветаевой. Топосы стихотворений принадлежат к вечным символам: море, небо, дом. Это позволяет поэту отразить свое внутреннее, свой эмоциональный мир, свое представление о гармонии и красоте через внешнее. Метамотивом творчества поэта становится фиксация дисгармонии, существующей в человеческих отношениях, мысль о смерти, которая уравнивает всех, о душе, устремленной к высокому, о творчестве как своему высшему предназначению.

Исследование фактического материала показало, что в произведениях М.И. Цветаевой имеются слова, которые выступают в качестве своеобразных слов-символов, идеологем [Четверикова 2010]. Одним из таких символов в ее творчестве является номинация «окно» – репрезентант мотива одиночества, с одной стороны, и маркер «законного» мира, в который че-

рез окна-глаза всматривается душа поэта: *Крик разлук и встреч – / Ты, окно в ночи! / Может – сотни свеч, / Может – три свечи...* («Вот опять окно»); *Глаза – без всякого тепла:/ То зелень старого стекла, / Сто лет глядящегося в сад, / Пустующий – сто пятьдесят (Дом).*

Считаем возможным выделить в поэзии М.И. Цветаевой следующие семантические группы (далее – СГ), связанные с образом окна: СГ₁ «окно», СГ₂ «дом», СГ₃ «стекло», СГ₄ «душа», СГ₅ «выход в окружающий мир» (см. табл. 1):

Таблица №1

Семантическое развертывание номинации «окно»

СП1 «Окно»	СП2 «Дом»	СП3 «Стекло»	СП4 «Душа»	СП5 «Выход в окружающий мир»
К окнам За окном Музыка Под окном Окна двorcов Выбитое Левое	Глаза дома Под крышей Чердачное Старое	Дрему- чее, как сон зелень старого стекла зеленова- тое туманное, выбитое,	Умиротво- ренная Усталая Разверстая Тихая Покой	За окнами «жизнь засы- пала»; за ок- нами «пыш- ная пена»; люди; мечта, плескание ве- сел; на под- оконнике – букет

Рассмотрим стихотворение М. И. Цветаевой «Вот опять окно...», вошедшее в цикл «Бессонница» (1916): *Вот опять окно, / Где опять не спят. // Может – пьют вино, / Может – так сидят. // Или просто – рук / Не разнимут двое.* На наш взгляд, это одно из самых лиричных стихотворений М. Цветаевой. Оно о душевных переживаниях, грусти, которая заполнила сердце и душу любящего человека, оно об одиночестве. Окно – это тонкая прозрачная преграда, отделяющая внешний мир и мир дома, внутренний мир героини и тех, кто скрыт от взора. Но горящее в ночи окно – знак чьей-то бессонности. Что бы ни было за ним – радость ли, горе, одиночество, счастье любви, – такое окно, подчеркивает автор, всегда знак чего-то важного в судьбах людей, некий сигнал в бескрайнем океане темноты: *Крик разлук и встреч – / Ты, окно в ночи!*

В тексте смысловое наполнение номинации «окно» раскрывается при помощи лексем «дом», «глаза», «встречи», «разлуки»; синтаксических конструкций со значением отрицания: «нет сна», «нет покоя». «Окно в ночи», освещенное сотней свеч или же всего тремя, для поэта – символ разлук и встреч, надежды. Лирическая героиня соотносит свои переживания и

думы, свою бессонницу с этим светящимся одиноким окном: *Нет и нет уму / Моему покоя / И в моем доме завелось такое.*

Номинация «окно» в произведении полисемантически, ибо маркирует наличие таких смысловых доминант, как душевное волнение, друг, Бог, свет (огонь): *Помолись, дружок за бессонный дом, / За окно с огнем!* Так поэт объективирует свои ценностные ориентации, свое представление о гармонии человеческих отношений.

В цикле «Бессонница» выход из дома в ночь, с одной стороны, и образ бессонного дома, окна с огнем, с другой – две характеристики единого состояния души лирической героини: состояния движения и бодрствования. И постепенно выкристаллизовывается метафора «дом – душа», областью референции которой становится внутреннее пространство мира души и его состояния, поскольку М.И. Цветаева воспринимает и отражает мир собственным Я, на него проецируя весь окружающий мир.

В 1923 году М.И. Цветаевой написано стихотворение «Окно». Безглагольность строк поначалу затрудняет понимание произведения: *Атлантским и сладостным / Дыханьем весны – Огромною бабочкой / Мой занавес – и – / Вдовую индусскую / В жерло златоустое, / Наядою сонною / В моря заоконные...* В высказывание поэтом втянуто так много разнородных предметов, что, несмотря на внешнюю фрагментарность стихотворения, создается глубокомысленный контекст. Содержание всего обозначенного – в одном движении, в одном желании, в мечте, в силе эмоции, которая динамична, и этой динамикой охвачены все реалии действительности, которые попадают в фокус зрения автора, и сама лирическая героиня, желающая стать частью свободного мира. Номинации *весна, бабочка, моря* маркируют этот смысл, а лексемы *стекло, окна, занавес* можно понимать как нечто сдерживающее свободный полет души, некую преграду. Образ *наяды*, исчезающей в морской пучине, – освобождение поэта от пут смертной телесной оболочки, духовная свобода, проявлением которой является и само творчество. Сопоставление авторской интерпретации ключевого слова «окно» в стихотворении «Атлантским и сладостным...» с узуальным ассоциативным полем подтверждает существование определенного культурного стереотипа восприятия окна как выхода в иное, запредельное пространство, сулящее свободу и новые возможности.

Окно в поэтическом образе мира М.И. Цветаевой всегда должно быть открытым, что означает свободный выбор места обитания души, возможность улететь «в моря заоконные». Стремление «за окно» связывается у поэта с желанием подняться над повседневностью, бытом, который мешает проявлению искренних чувств, мешает осуществлению мечты о любви «под небом», «о там, ставшем здесь», «о чуде чужого», о том третьем свете души, который был для нее по-настоящему родным. Образ окна сохраняет в творчестве поэта на протяжении всего творчества свою семантическую значимость. В ряде стихотворений Марины Цветаевой в последние

годы ее жизни прослеживается тема холода, объективированная в том числе и образом «стылого окна».

М. Цветаева стремится к выходу за пределы дома, души, людских земных союзов: *За предельные пределы / Станций! Понимаешь, что из тела / Вон – хочу! <...> ... За потустороннюю границу:/ К Стиксу!* («Древняя тщета течет по жилам...», 1923).

В творчестве поэта номинация «стекло» также приобретает символическое значение. Взгляд в окно – отражение настроения того, кто смотрит; взгляд в окно – это взгляд в мир *через стекло*, которое есть тонкая грань между собственным «я» и миром, «я» и другими. В творчестве Цветаевой прослеживается связь номинации «стекло» со смысловыми образованиями «взгляд», «туман», «усталость», «умиротворенность», «душа». Душа как необъяснимая, непостижимая разумом жизненная сила, данная человеку свыше, – главное в поэзии М. Цветаевой (*Душа у меня – царь, тело – раб; ... душа сбылась – Умысел мой самый тайный*), основное для неё – в других.

Понятие «дом» для М.И. Цветаевой – особый уклад жизни, символизирующий не столько очаг, местообиталище, сколько состояние души, а ещё шире – Родину. Необходимо отметить, что кроме собственно образа дома существуют и его составляющие, которые играют в произведениях поэта конструктивную и смысловую функции. Кресло, кровать, книги, зеркало – все может рассказать о самой героине, о ее сокровенном, тайном. Дом – это освоенное место и обитель человека. В своей пространственной организации дом уподобляется человеческому организму: крыша – голова; кухня – чрево; очаг – сердце; окна – глаза, лестница или крыльцо – ноги [Адамчик 2006: 46-47]. Игра поэта с пространством, расширение дома до безграничности то вверх, то вниз, а то и вширь свидетельствуют об открытости внутреннего пространства дома. В образе мира М.И. Цветаевой дом открыт только для своих. Один из явных показателей открытости / закрытости дома – окно, распахнутое или занавешенное. В образе дома, скрывающегося среди лип, «под плащом плюща», поэт видит «девический дагерротип» своей души. Уединенность дома, его несоответствие громадам новых построек, его одиночество в пустующем саду – олицетворение самого автора. «Зелень старого стекла» – воплощение глаз поэта, единственный закон которых быть «зерцалами самих себя», снов его души: *Стекла, дремучего, как сон / Окна, единственный закон / Которого: гостей не ждать, / Прохожего не отражать* («Дом», 1931). Способность пространства принимать «форму души» превращает устойчивый дом в сферу духовного мира М.И. Цветаевой: *Из-под нахмуренных – / О, зелень юности моей! // Та – риз моих, та – бус моих, / Та – глаз моих, та – слёз моих...* (Дом, 1931). Отсутствие дома, домашнего очага, трагическая разрозненность семьи рожают в произведениях М.И. Цветаевой мотивы одиночества, смерти, надвигающейся тьмы.

Таким образом, авторское слово «пробуждает» у читателя его собственную систему смыслов, которая вводит мир произведения в непосредственное и непринужденное соприкосновение с внутренним миром адресата. В развитии, обогащении форм осмысления человеком действительности и заключается основная психологическая функция искусства.

Адамчик В.В. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В.В. Адамчик. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – 240 с.

Четверикова О.В. Когнитивно-прагматический потенциал языковых средств экспликации авторских смыслов в поэтическом тексте (на материале произведений первой половины XX века): монография. – Тверь: ООО «Альфа-Пресс», 2010. – 400 с.

Цветаева М.И. Сочинения: в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1988. – Т.1: Стихотворения, 1908 – 1941; Поэмы: Драматические произведения / Сост., подготовка текста, вступ. статья и коммент. А. Саакянц. – 719 с.

Е.В. Борисова
*Борисоглебский государственный
педагогический институт*

Принципы семантико-функциональной классификации односоставных предложений в современном русском языке

Естественный язык, как хорошо известно, представляет собой знаковую систему. Отличительной чертой языковой системы является асимметрия языкового знака. Она проявляется в том, что полного соответствия между означающим и означаемым не существует. Это позволило С. Карцевскому блестяще обосновать мысль о дуализме языкового знака. Он писал, что означающее и означаемое, образовав пару, находятся в состоянии неустойчивого равновесия, и именно благодаря асимметрическому дуализму знака язык может развиваться [Карцевский 1965: 85]. Любое билатеральное языковое явление (в том числе и предложение), по выражению Ж.В. Грачёвой, представляет собой следствие борьбы и единства противоположностей: формы и содержания, системы и нормы, экспрессии и стандарта [Грачёва 2001: 101]. Вследствие отсутствия однозначных соответствий между планом выражения и планом содержания в языке лингвист в своих поисках может двигаться в двух противоположных направлениях: либо от формы к содержанию (формально ориентированный способ координации планов), либо «в направлении от смысла к форме, от семантической элементарности к семантической усложненности» [Белошапкина 1981: 59] (содержательно ориентированный способ координации планов). Названные способы отвечают потребностям разных этапов единого процесса познания языка, логически и исторически предполагают друг друга. Формально ориен-

тированный способ предполагает в первую очередь квалификацию различных видов языковой формы – как явления, данного исследователю в прямом и непосредственном наблюдении. Соответственно языковое содержание рассматривается лишь попутно – как нечто закономерно вытекающее из формальных различий. Односторонний подход к языковым явлениям, характерный для предшествующих этапов развития лингвистики в целом и синтаксической науки в частности, дает верные результаты не всегда. Нередко исследователь, находясь под воздействием «гипноза формы», внешне не похожие, но с семантико-функциональной точки зрения тождественные явления разводит по разным классификационным подразделениям. Возникающие трудности обусловлены возможностью форм использоваться и в первичных, и во вторичных значениях. Подойти к «тайному тайных языка» (В.А. Звегинцев) – к внутренней сущности языковых явлений – позволяет второй, содержательно ориентированный способ координации языковых планов, который требует выделения типовых содержательных схем, выражаемых определенными наборами языковых форм как в первичных, так и во вторичных значениях.

В последние десятилетия, как известно, в науке о языке сформировалась новая, номинативно-прагматическая парадигма, направленная «на изучение внешних связей языка – с действительностью, которую он отражает, и с говорящим человеком, которому он служит» [Ломов 1996: 81]. В круг научных представлений, идущих от этой парадигмы, достаточно свободно вписывается экзистенциальная концепция предложения, в своих общих чертах восходящая к идеям русского философа и логика М.И. Каринского [Каринский 1914]. Согласно этой концепции, любое без исключения предложение в содержательном отношении оказывается двучастным: оно состоит из константной идеи существования (бытия), с одной стороны, и переменной величины – того, что утверждается как существующее, с другой. Утверждение, что нечто существует или, наоборот, не существует, является «базовым» для предложения. Это, как остроумно заметила Ж.В. Грачёва, «священная корова» предложения [Грачёва 1998: 69]. Значение существования манифестируется либо специальными бытийными глаголами: *Грибов этой осенью **было** много; Учителем она **стала** хорошим*, либо личным окончанием полнознаменательного глагола (в прошедшем времени – суффиксом -л): *С понедельника мне нездоровится; Он запел веселую песню*. Переменная величина, которая интерпретируется как существующая, может быть представлена двояко: либо в виде отдельно взятого, изолированного семантического объекта (*В доме тепло; За речкой – сосновый лес; Морозит*), либо в виде отношения «определяемое – определяющее», соединяющего два семантических объекта (*Мой сын – школьник; Подруга оказалась в отъезде; Листва на березах была зеленая; Опустошен поблеклый сад дождями*).

Развивая идеи М.И. Каринского, А.М. Ломов разработал принципы содержательного (семантико-функционального) анализа синтаксических явлений. В соответствии с внутренней логикой экзистенциальной концепции достаточный номинативный минимум всякого предложения образуют два компонента – константный экзистенциальный (бытийный) и переменный субстанциальный (вещественный) компоненты. При такой трактовке главный член односоставного предложения расценивается как семантически двуслойное явление. Он состоит из бытийного (экзистенциального) компонента, указывающего на наличие/отсутствие связи между составляющими номинативного центра предложения, и вещественного (субстанциального) компонента, обозначающего изолированные предметы, признаки, процессы или целые “положения дел” [Ломов 1994: 44-45].

Традиционная типология односоставных предложений, ориентированная прежде всего на языковую форму, не лишена внутренних противоречий, когда группы предложений выделяются то по семантике, то по форме, вследствие чего в один класс попадают синтаксически и семантически неоднородные предложения. Апеллируя к сущностным содержательным признакам предложения, А.М. Ломов выстраивает номинативную типологию простых предложений. В современном русском языке систему односоставных предложений конституируют пять классов, различаемых по характеру языковой категоризации вещественного компонента: предметные, признаковые, процессные, дебитивные и функтивные односоставные предложения. Кроме того, в рамках процессных предложений довольно четко выделяются два класса, противопоставление которых основывается на функциональных различиях одного и того же семантического объекта – процесса: активно-процессные (*Всюду трещало и выло; С крыши каплет*) и пассивно-процессные предложения (*Со стола прибрано; Об этом давно забыто*).

Односоставные предметные предложения обозначают бытие/небытие отдельно взятых элементов действительности, категоризованных языком как грамматические «предметы»: *Ночь; Вблизи разъезда селение; На море был шторм; У брата нет денег*.

В односоставных признаковых предложениях сообщается о наличии какого-либо признака-состояния, мыслимого как бессубъектный, существующий независимо от чьей-либо воли: *Мне стало грустно; У них там как в больнице; У нас без перемен; До берега рукой подать; Наташке на это дело начихать*.

Конституирующим значением односоставных дебитивных (от лат. *debitum* – обязанность, долженствование) предложений в современном русском языке является значение необходимости в наличии/отсутствии того или иного «положения дел»: *А если в доме неожиданно стали делать повторный ремонт – беда: кто-то, скорее всего, взял под него кредит, и не факт, что деньги отдаст, и тогда расплачиваться вам* (Новая газета).

12.05.2010. № 49).; *Даже на Висле слышны истошные вопли отдельных российских поклонников фигурного катания: «Провал! Катастрофа! Вернуть Плющенко и Слуцкую!»* (Известия. 29.01.2007. № 14).

В предложениях данного разряда в качестве необходимых трактуются целые «положения дел», семантическим коррелятом которых в языке выступают небазисные (свернутые) пропозиции. Последние строятся на основе инфинитива, являющегося аналогом сказуемого и предполагающего реализацию аналога подлежащего – имени в дательном падеже: *Изумляет Василия наш президент. Хорошие слова говорит: при такой налоговой политике экономике не подняться* (Новая газета. 03-06.08.2006. № 58); *Не к Малахову же было ей идти обсуждать насущнейшую из проблем, почему поссорился Авраам Руссо с продюсером Иосифом Пригожиным* (Известия. 13.10.2006. № 190).

Общеизвестно, что предложение не является точным отражением ситуации. Оно не должно, да и не может, указывать на все элементы описываемого отрезка действительности. При обычном человеческом общении в высказывании отражаются лишь некоторые значимые в данный конкретный момент элементы. Часто повторяющиеся и вполне очевидные детали отражаемого «положения дел» могут опускаться ввиду их ясности, известности. Эту языковую тенденцию мы наблюдаем в рамках дебитивных предложений, в которых инвариантное модальное значение необходимости не получает специального лексического выражения.

Язык, как известно, исторически изменчив. Поэтому отдельные его единицы, в том числе и предложения, подвергаются столь существенной деформации, что со временем утрачивают свой изначальный облик.

Естественно, что ни в одном из этих случаев частеречная семантика уже не в состоянии выполнять роль дифференциатора моделей предложения: в первом случае потому, что существенная часть субстанционального компонента последовательно не получает вербального выражения, во втором случае потому, что границы между репрезентантами субстанционального компонента и другими элементами предложения на формально-синтаксическом уровне оказываются стертыми. В связи с этим дифференцирующую роль принимают на себя семантические явления иного плана – те, которые не связаны жестко с системой частей речи и которые могут внешне обнаруживаться только косвенным путем, как это имеет место в дебитивных и функтивных (по традиционной терминологии, инфинитивных и безлично-инфинитивных) предложениях [Ломов 1994: 32-42].

Односоставные функтивные (по традиционной терминологии, безлично-инфинитивные) предложения фиксируют существование / несуществование реалий, для выражения которых язык использует косвенные номинации, определяющие эти реалии путем указания на выполняемую ими функцию: *Ей оказалось некуда спешить; Подругам есть о чем поговорить.*

Таким образом, номинативный (семантико-функциональный) подход позволяет по-новому осмыслить синтаксические роли некоторых языковых форм в русском языке, уточнить принципы квалификации и классификации простых предложений.

Белошапкова В.А. О принципах описания русской синтаксической системы в целях преподавания русского языка нерусским // Русский язык за рубежом. – 1981. – № 5. – С. 58-63.

Грачёва Ж.В. Деформированные синтаксические структуры в языке современной газеты. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 1998. – 15 с.

Грачёва Ж.В. Экспрессия и стандарт в газетной речи // Культура общения и её формирование. Вып. 8. – Воронеж: Полиграф, 2001. – С. 101-107.

Каринский М.И. Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных. – Пг., 1914. – 348 с.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / В.А. Звегинцев // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85-90.

Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 280 с.

Ломов А.М. Лингвистика и аналитическая философия // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1. Гуманитарные науки. – Воронеж, 1996. – № 1. – С. 76–85.

К.О. Киреева
*Борисоглебский государственный
педагогический институт*

О некоторых особенностях употребления прилагательных *красный* и *red* в русском и английском языках

Проблема цвета давно привлекает внимание исследователей не только в области лингвистики, но и в области психологии, физиологии, биологии. Цвет окружает нас повсюду, часто именно от цвета зависит наше настроение, самочувствие, чувства, эмоции.

Е.Ю. Мягкова и Е.А. Таныгина отмечают, что цвет содержит в себе уникальную информацию об окружающей человека природе и традициях народа. Важную роль при исследовании цвета и цветовой символики играет исторический и культурный опыт человека, накладывающий свой отпечаток на использование цветолексики в переносном значении [Мягкова 2009: 47].

Рассмотрим подробнее некоторые особенности использования цветообозначений **красного цвета** в русском и английском языках.

Красный цвет – мощнейший цвет из всей имеющейся цветовой гаммы. Это зенит цвета. Он символизирует Янь – энергию, связан с активным

мужским началом, цвет жизни, огня, войны, энергии, агрессии, опасности, импульса, эмоций, страсти, любви, радости, праздничности, жизненной силы, здоровья, физической силы и молодости.

В символике красного цвета присутствует и негативный аспект – этот цвет иногда связывали со злом, особенно в египетской мифологии, где красный цвет был цветом бога Сета. Даже в христианстве, где красный цвет – в основном символ самопожертвования Христа, он был также эмблемой воинов Господа – крестоносцев, кардиналов и паломников. Красное на белом может символизировать пролитую кровь и смертельную бледность. В первобытных ритуалах охра (красная минеральная краска) использовалась, чтобы «вписать жизнь» в мертвых, изобразить умерших людей полными жизни и энергии [Праченко 2003: 58].

Интересно, что, как цвет возбуждения, он также связан со сферой секса, например, с фаллическим культом в Древней Греции и с «блудницей в багряном» в проституции. Этот цвет – манипулятор сексуальных отношений. Он толкает на интимные отношения, даже если нет истинных чувств. Красный цвет – цвет эротики и всего эротического.

Но чаще символизм этого цвета носит позитивный характер. Красный говорит о могуществе, воле к победе, лидерстве. Красный цвет – цвет сильной энергии. Выделяясь среди других, он связывается, в частности, с отстаиванием своих прав, самоуверенностью. В психологии отношений этот цвет тоже играет не последнюю роль. Он всегда ассоциируется с любовью, с чувствами, с комфортом, с теплотой, с началом жизни. Красный цвет – «ангел хранитель» всех представительниц женского пола. Его используют в целях борьбы против соперничества и сглаза [www.colorzone.ru/pages_o_cvete_psyho.html]. Праздники и дни святых отмечены в календаре красным цветом, что стало основанием для появления выражения *красный день*.

О.В. Праченко отмечает, что пурпурный цвет с древних времен – цвет королевской власти и достоинства, что было основано на высокой стоимости ткани, окрашенной в этот цвет. Краску получали из секрета двух ценных видов моллюсков, сам процесс ее получения был дорогостоящим. Пурпурные одежды носили высшие священнослужители, судьи, чиновники и военачальники в Древнем Риме. В эпоху Римской империи этот цвет считался императорским. Жены Византийских императоров рожали в комнате, обитой пурпурной материей; отсюда произошло выражение *born in/to the purple* – рожденный в пурпуре (о человеке знатного рода). Кардиналов до сих пор именуют «возведенными в пурпур», хотя их одеяния скорее красного цвета: *to raise to the purple* (букв. подняться к пурпурному цвету) – сделаться кардиналом [Праченко 2003: 58].

Красный – национальный цвет Британии. В красном бархате короновались английские короли и коронуются по сей день. Шотландскую королеву Марию Стюарт, долгие годы бывшую соперницей английской королевы

Елизаветы I, в конце концов казнили, и на эшафот она поднималась в красном.

Корни символизма красного цвета могут быть связаны с этимологией данного цветообозначения. Согласно словарю М. Фасмера, значение «красный» вторично по отношению к «красивый, прекрасный»: *прекрасный*, укр. *красний* "красивый", ст.-слав. *краснь ѡраіος, speciosus, περιχαλλς, perpulcher, τερπνός, iucundus, атоепис, λευχείμων*, болг. *красен* "красивый", сербохорв. *красан* (красан), *красна* (красна) ж. "красивый, великолепный", словен. *krásan*, чеш. *krásný* "прекрасный", словц. *krasny* – то же, польск. *krasny* "прекрасный, пригожий", в.-луж. *krasny* "красивый", н.-луж. *kšasny* – то же [Фасмер 2004].

В. Даль в словарной статье **Красный** также обращает внимание на связь лексем *красный* и *красивый*: **КРАСНЫЙ**, по цвету: рудо, алый, чермный, червленой: кирпичный, малиновый, огневой и пр. разных оттенков и густоты; сравнит. степень *краснее*. | о доброте, красоте: красивый, прекрасный; превосходный, лучший; сравнит. степень *краше* [Даль 2006].

Уже в толковом словаре С.И. Ожегова у лексемы *красный* встречаем не только значение «цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака. *Красное вино*», но и указание на отношение к революционной деятельности, к советскому строю и к Красной Армии [Ожегов 1968]. Так, в советский период появляются слова и выражения: *красноармеец, красная армия, красный флот, красные войска* и т.д. В словаре фиксируется употребление исследуемой лексемы в народной речи и поэзии для обозначения чего-нибудь хорошего, яркого, светлого: *красный денёк, красный угол* (в старых крестьянских избах: передний, противоположный печному, обращённый на юго-восток угол, в котором ставился стол и вешалась икона). Встречаем также, что данная лексическая единица употребляется для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь (*красная рыба*). С этим значением связаны выражения: *красная книга, красное дерево* и т.д. [Ожегов 1968].

О.В. Праченко обращает внимание на то, что в русском языке реализуются в основном такие символические значения ФЕ с компонентом цвета "красный", которые связаны с молодостью, красотой. Например: *красный молодец, красная девица* – о молодом человеке, здоровом, красивом, пользующемся симпатией у окружающих; *красное солнышко* (в значении праздничности момента, а также как привет, доброжелательное отношение к окружающим); *красный денек* (солнечный, поднимающий настроение); *красное словцо* (острота, острая шутка, метко сказанное слово); *красить* (украшать): *печаль на красит, горе не цветит* [Праченко 2003: 58]. Итак, значения фразеологизмов и пословиц с этим компонентом имеют в русском языке в основном положительный оттенок. В словаре В. Даля встречается 19 пословиц со словосочетанием "красное солнышко". Например: *Краше красного солнышка, светлее ясного месяца* (об иконе). *Дождик вы-*

мочит, а красно солнышко высушит. Красное солнышко на белом свете черную землю греет и др.

В толковом словаре английского языка встречаем толкование лексемы **Red**:

red /red/ abj **-dd-** – **1** of the colour of blood or fire: *a red rose/dress/ We painted the door red.* **2** (of human hair) of a bright brownish orange or copper colour **3** (of the human skin) pink, usually for a short time: *red with embarrassment/anger* | *The child's eyes (=the skin round the eyes) were red from crying.* **4** (of wine) of a dark pink to dark purple colour **5 be like a red rag (BrE) || a red flag (AmE) to a bull** infml to be likely to cause uncontrollable anger: *She's an ardent feminist, so jokes about women are like a red to a bull to her: ~ ness n* [U].

red – n **1** [C;U] (a) red colour: the reds and yellows of the evening sky | You mix red and yellow to make orange. | The colour red is often used as a sign of danger; and in signs on roads meaning 'stop' . → see Feature on page A6 **2** [U] red clothes: dressed in red **3 in/into/out of the red** in/into/out of debt: Your account is in the red. → opposite **in the black** (BLACK2); see also **paint the town red** (PAINT), see **red** (SEE) [LONGMAN 2005].

Отметим, что одно из значений красного цвета связано, с одной стороны, с чисто физиологической реакцией организма (из-за стыда или смущения), а с другой – с психологическим признаком, ассоциирующимся с чем-либо недостойным, неприличным, безнравственным, позорящим. Помимо этого, фразеологизмы с исследуемой лексемой отражают физиологическое состояние человека в момент проявления сильных эмоций, символизирующие высшую, крайнюю степень чего-либо. Выражения с таким значением встречаются как в русском, так и в английском языках. Например:

Не красней, девка, коров доючи, красней, девка, с парнем стоячи (в овин ходючи)!

red lamp/ light (slang) (букв. красный фонарь/свет) – публичный дом;
paint the town red – означает вести бурную ночную жизнь (ходить по барам, клубам, весело проводить там время);

to get/have a red face – покраснеть от смущения;
to give someone a red face – вогнуть кого-либо в краску, смутить кого-либо;

red in the face – покрасневший, смущенный;
to blush/go red (букв. вспыхнуть докрасна) – покраснеть от смущения;
to become red in face – побагроветь от стыда, смущения, гнева;
to turn purple with rage – побагроветь, покраснеть от ярости, смущения;
purple in the face (букв. пурпурный в лице) – красный (от ярости, злости);

like a red rag (to a bull) (букв. красная тряпка) – нечто приводящее в бешенство (как быка красный цвет) и т.п.

И в русской, и в английской культурах красный – цвет опасности: сигнал светофора, указывающий, что нужно остановиться, знак в английском метро, предупреждающий о пустом пространстве между перроном и вагоном, и т.д. Фразеологические единицы хорошо отражают это:

to see the red light (букв. видеть красный свет) – предчувствовать приближение опасности, беды;

red alert – используется для предупреждения о внезапной и очень опасной ситуации;

a red-light district (букв. район красного фонаря) – опасный район;

in the red – выражение, которое будет применено к вам в банке, если вы потратили денег больше, чем у вас на счету, до тех пор, пока вы не пополните счет.

Подводя итог, отметим, что цветообозначения играют большую роль в русском и английском языках. Однако нельзя не согласиться с С.В. Дмитриевой и Л.Б. Тулиной в том, что цвет – это культурный феномен, который развивается и определяется по-разному в зависимости от эпохи, общества и цивилизации [Дмитриева 2009: 47].

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.

Дмитриева С.В., Тулина Л.Б. О некоторых особенностях цветообозначений в английском и французском языках // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2009. – С. 43-47.

Мягкова Е.Ю., Таныгина Е.А. О некоторых особенностях употребления прилагательных *blue* и *синий* в английском и русском языках // Сопоставительные исследования 2009. – Воронеж: издательство «Истоки», 2009. – С. 47-50.

Ожегов С.И. Словарь русского языка – М.: Сов. Энциклопедия, 1968.

Праченко О. В. Семантика фразеологизмов и пословиц с компонентом «цвет» (на материале русского и английского языков) // Русская и сопоставительная филология. Взгляд молодых. – Казань, 2003. – С. 57-61.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Астрель, 2004.

Dictionary of English Language and Culture. – LONGMAN. – 2005.

<http://symbol.grimuar.info>

http://www.colorzone.ru/pages_o_cvete_psyho.html

Г.В. Киселёва

*Борисоглебский государственный
педагогический институт*

Замкадьё как символ российской провинции

В современном газетном и особенно широко в Интернет-дискурсе активно функционирует новое слово *Замкадьё*, не получившее пока статуса инвентарной лексической единицы и не зафиксированное в лексикографи-

ческих источниках. Ещё не установился графический облик слова, о чём свидетельствуют многочисленные варианты его графического оформления: *Замкадье* (самое частотное), *замкадье*, «*замкадье*», *заМКАДье*, а также переданное средствами латинской графики, обычно в названиях сайтов: *Zamkadie*; *zaMKADie.su*.

Как известно, имена существительные с префиксом *за-* и суффиксом *[j]* называют место, территорию, расположенную позади, по ту сторону того, что названо мотивирующим словом (*запястье*, *заречье*). Тип продуктивен, главным образом, в сфере географической терминологии [Русская грамматика 1980, т.1: 232], достаточно привести примеры: *Забайкалье*, *Заволжье*, *Запорожье*, *Заполярье*. Лексема *Замкадье* мотивирована аббревиатурой *МКАД* (московская кольцевая автомобильная дорога). Сегодня можно говорить о формировании гнезда однокоренных слов, мотивированных названной аббревиатурой: *Замкадье*, *Домкадье*, *Примкадье*. Деривационный потенциал лексической единицы *Замкадье* развивается очень активно, особенно в сравнении с инвентарными лексемами, от которых обычны преимущественно имена прилагательные (*заволжский*, *зарубежный* и под.): *замкадный*, *замкадовский*, *замкадыш*, *замкадка* (лицо женского пола), *незамкадность* и даже *Мкадье* и *Внутримкадье* как номинации территории не вне, а внутри *МКАДа*.

Развивается синтаксическая сочетаемость нового слова, появляются устойчивые расчленённые номинации: *Ближнее*, *Дальнее Замкадье*, *Восточное*, *Западное*, *Южное*, *Северное Замкадье*.

Корпус текстов, включающих слово *Замкадье*, тематически, стилистически оценочно неоднороден. Так, в сегменте текстов-объявлений о предложении недвижимости, в заголовках подобных сайтов [см., например: www.qr-ugol.ru/Zamkade.html], в туристическом дискурсе лексема *Замкадье* выполняет прежде всего рекламную функцию, выступая синонимической заменой топонимов *Подмосковье* и *Московская область*, своей свежестью, новизной привлекая внимание пользователей. Не случайно поэтому она обычна в позиции заголовка размещённой на сайтах информации: *Южное заМКАДье*, *Домодедово, окрестности*. *Бирюлёво-Западное и ЗаМКАДье*.

Фотосайты, размещающие отдельные фотографии, фотоальбомы и фотогалереи, слайд-шоу, также широко «эксплуатируют» слово *Замкадье* как наименование рубрики, под которой размещают фотографии различных мест Подмосковья и отдалённых уголков России и даже Дальнего Зарубежья. Приведём типичные контексты: подпись под фото: *Весеннее Замкадье*. Заголовок: *Нереально далекое и холодное заМКАДье!* (Норильск) [фотосайт о земле www.fototerra.ru].

Активно функционирует лексема *Замкадье* и в официальных электронных новостных лентах, связанных с актуальной темой расширения Москвы за счёт районов Московской области. Приведём лишь один типичный при-

мер. *Вся власть в замкадье* (заголовок). Уже большие недели общественность обсуждает планы расширения российской столицы. О том, что Москва когда-нибудь раздвинет свои административные границы, разумеется, говорили давно, почти всегда. Но конкретные данные были опубликованы только сейчас... [Новая газета. 20.07.2011].

В небольшом количестве текстов словом *Замкадье* называют территорию любой области при её противопоставлении областному центру: *Киевское, Санкт-Петербургское Замкадье, украинское заМКАДье*. Подобные примеры демонстрируют затемнение внутренней формы слова, превращение в немотивированное наименование.

Наконец, самыми частотными являются тексты, в которых слово *Замкадье* употребляется в значении 'любое место за пределами Москвы, независимо от степени удалённости (от Камчатки, Сибири до ближнего Подмосковья), отличающееся от столицы по уровню жизни; провинция'. Происходит концептуализация, осмысление современной российской реалии: расслоения общества, в том числе и территориального, приводящего к противопоставленности условий материального и духовного бытия жителей столицы, с одной стороны, и остальной России, находящейся порой очень близко, за границей МКАДа и даже видной из окна московской многоэтажки, с другой. В подобных текстах *Замкадье* осмысляется как огромная территория страны, целое государство, с населением (типичным представителем которого является замкадыш), отличающимся от столичного и внешним обликом (поведением, манерой одеваться), и жизненным укладом, и способом существования, и интеллектом.

Нам уже приходилось писать об изменении содержания концепта *провинция* на рубеже XX – XXI веков [Киселёва 2008]. Средства массовой информации, а теперь и Интернет-дискурс формируют образ российской провинции как территории всей России, в противоположность столице (источники подобной концептуализации см. в словаре В.И. Даля). Провинцией называют не глухие, захолустные, труднодоступные места, отдалённую российскую глубинку, а малые и даже крупные города, расположенные и вблизи от столицы. Однако если совсем недавно, в первом десятилетии XXI века, слово *провинция* получало положительные коннотации, осмыслялось как огромное пространство России, которое является источником духовного возрождения страны, то новая лексическая единица *Замкадье* как репрезентант концепта *провинция* обладает отрицательной коннотацией, что особенно ярко воплощено в многочисленных названиях, слоганах, определениях, текстах с эксплицированной негативной оценкой. Приведём лишь отдельные примеры из большого массива текстов: *Замкадышам – Замкадье, Москва – для москвичей! МКАД – российский рубеж, отделяющий цивилизацию от периферии. Даже имея компьютер, замкадское быдло не может произвести ничего стоящего и интересного. Несмотря на огромные пространства Замкадья, научно-техническая революция смогла*

его обойти [<http://lurkmore.to>]; *Учись, дремучее Замкадьё! Полное и беспросветное замкадьё: хрущевка с замазанными швами, сушащееся на балконе белье и беззаботная детвора, играющая в футбол.*

Итак, Замкадьё в современном виртуальном пространстве выступает как символ огромной российской территории, за исключением двух её столиц: административной и культурной, России без столицы, без власти, без образования и культуры, России, обращённой в прошлое и не имеющей будущего.

Киселёва Г.В. Изменение содержания концепта *провинция* в современном медийном дискурсе // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» IX Кирилло-Мефодиевских чтений. Москва-Ярославль – Ремдер, 2008. С. 81–85.

Русская грамматика: В 2 томах. – М.: Наука, 1980.

URL: <http://www.fototerra.ru>

URL: <http://www.qp-ugol.ru/Zamkade.html>

URL: <http://zamkad.ucoz.ru/photo>

URL: <http://lurkmore.to>

Л.В. Кожанова, В.П. Фролова
Воронежский государственный университет
инженерных технологий

Индивидуально-авторские фразеологизмы в прозе Б.Л. Пастернака

Проблема индивидуально-авторского использования фразеологизмов разрабатывается в последние годы особенно активно. Это объясняется, во-первых, тем, что анализ окказиональных образований, причина появления которых кроется обычно в поисках новых средств экспрессии и остроумия, важен для определения творческого метода писателя, для характеристики общих тенденций развития и использования русской фразеологии, во-вторых, тем, что, «функционально-эстетическое преобразование языковых единиц в художественном произведении само по себе представляет явление искусства» [Рудяков 1977: 45].

Особый интерес для исследования представляют и индивидуально-авторские фразеологические новообразования Б.Л. Пастернака, среди которых выделяются также многочисленные и разнообразные трансформации фразеологических единиц (ФЕ).

«Быть новатором в языке, – писал Г.О. Винокур, – значит сознательно и намеренно употреблять в своей речи такие средства языка, какие представ-

ляются несуществующими в данной языковой традиции, в данных условиях общения через язык и, следовательно, новыми, небывалыми» [Винокур 1943: 7].

В настоящей статье автор придерживается понимания фразеологии в широком смысле слова вслед за Н.М. Шанским, В.Л. Архангельским, М.М. Копыленко, З.Д. Поповой и некоторыми другими учеными-языковедами.

Пословицы, поговорки и крылатые слова признаются фразеологическими единицами.

В своем творчестве Б.Л. Пастернак нередко использует выразительные качества фразеологических единиц, изменяя их семантику, форму (т.е. лексический состав, морфологическую и синтаксическую структуру), сочетаемость с другими словами и т.д. Различные приемы преобразования основаны на структурно-семантических особенностях ФЕ – раздельнооформленности, образности, степени утраты компонентами фразеологизма лексического значения и др.

Индивидуально-авторские трансформации ФЕ являются одним из средств реализации экспрессии, оценочности, комизма в художественном произведении.

Очень часто писатель изменяет, обновляет структуру ФЕ, распространяя ее членами предложения, относящимися к тому или иному компоненту ФЕ: *играть только одну роль* (ДЖ, IX, 14, 308); *задеть за его лучшие струны* (ДЖ, V, 5, 148); *ноги прекрасно знали куда несли его* (ДЖ, II, 6, 35); *по вашим словам* (ДЖ, VIII, 7, 276); *до победного конца* (ДЖ, XI, 9, 369); *со всего разгона* (ДЖ, XV, 7, 483); *стоит больших трудов* (ДЖ, V, 14, 168) и т.п. [Пастернак 1998].

Введенные в состав определения с эмоционально-оценочным содержанием способствуют передаче авторской оценки действующих лиц: *бес вселился в мою трудолюбивую душу* (ПЛ, 309) [Пастернак 1990].

Отмечаются и нарушения синтаксической структуры ФЕ: *совесть чиста* (ДЖ, XII, 6, 397) – (ср.: *с чистой совестью*); *зачатие непорочно* (ДЖ, IX, 3, 291) – (ср.: *непорочное зачатие*); *не в один день Москва построилась* (ДЖ, II, 19, 67) – (ср.: *Москва не сразу строилась*) [Пастернак 1998].

Как стилистический прием используется инверсия: *с ног до головы* (ДЖ, II, 19, 67); *сыр-бор загорелся* (ДЖ, II, 21, 72); *голову кружить* (ДЖ, X, 5, 324); *под руку попадаться* (ДЖ, XIV, 11, 451); *слов на ветер не бросать* (ДЖ, XIV, 11, 451) [Пастернак 1998].

Введение в состав ФЕ новых слов способствует конкретизации обобщенного значения ФЕ в определенной ситуации.

Используется и противоположный прием: сокращение (редукция) структуры ФЕ: *как божий день* <ясно> (ДЖ, X, 6, 329); *обдавать* <жаром и> <холодом> (ДЖ, VI, 8, 202); *ясно как* <божий> <день> (ДЖ, IX, 4, 291); *как грибы* <после дождя> (ДЖ, V, 1, 141); *всеми фибрами* <души> (ДЖ, IX, 4,

291); <как> на дрожжах (АЧ, 7, 38); до поры <до времени> (ДЛ, 7, 93); <как> две капли воды (ПТб, 328); само собой <разумеется> (ДЖ, XII, 7, 371); <сам> себе голова (ДЖ, X, 4, 321); <еле>-еле душа в теле (ДЖ, XIII, 10, 401); еще пока цветочки, <а ягодки потом> (ДЖ, XVI, 4, 513) и т.п. [Пастернак 1998, 1990].

Например:

«Своя рука владыка, себе головы, хозяева?» (ДЖ, X, 4, 321); «Мне это ясно, как день, я это чувствую всеми своими **фибрами**, но как выразить и сформулировать эту мысль?» (ДЖ, IX, 4, 291); «В тот миг он несет совершенную ересь и его надо оспаривать, он вдруг становится **две капли воды** Медея...» (ПТб, 328).

Наблюдаются случаи конверсии одного из компонентов нормированных ФЕ: *прожигать жизнь* → **прожигатель жизни**; *играть с огнем* → **игра с огнем** в следующих контекстах:

« – Тот **прожигатель жизни**, который погубил тебя. Кто он такой?» (ДЖ, XIII, 11, 405); «Не к чему тогда и комитет, и **игра с огнем**, и лезть под землю!» (ДЖ, II, 6, 43); «Три попытки уйти от партизан кончились его поимкой. Они сошли ему даром, но это была **игра с огнем**» (ДЖ, XI, 1, 337).

Одним из распространенных способов индивидуально-стилистической трансформации ФЕ является замена одного из компонентов ФЕ нейтральным или эмоционально окрашенным словом, что позволяет писателю заострить внимание читателя на данном выражении или выразить свое авторское отношение к описываемому лицу, предмету или явлению: *не нюхать алгебры* (ДЖ, I, 8, 34) – (ср.: *не нюхать пороха*); *повернуть оглобли* (ДЖ, VIII, 5, 272) – (ср.: *повернуть лыжи*); *свалился как с облаков* (ДЖ, IV, 9, 297) – (ср.: *как с луны свалился*); *по сути вещей* (ДЖ, X, 6, 325) – (ср.: *по сути дела*); *тогда видно будет* (ДЖ, X, 7, 336) – (ср.: *там видно будет*); *переполнить меру терпения* (ДЖ, XI, 5, 347) – (ср.: *переполнять чашу терпения*); *петь с общего голоса* (ДЖ, XIII, 13, 409) – (ср.: *петь с чужого голоса*); *навязнуть в ушах* (ДЖ, V, 10, 162) – (ср.: *навязнуть в зубы*); *вылупить белки* (ДЖ, VI, 1, 177) – (ср.: *вылупить глаза*); *стоять в голове* (ДЖ, VII, 4, 120) – (ср.: *стоять в горле*); *водить на чистую воду* (ДЖ, V, 11, 124) – (ср.: *выводить на чистую воду*); *шарам своим не верить* (ДЖ, VIII, 8, 279) – (ср.: *глазам своим не верить*); *переложить гнев на милость* (ДЖ, VIII, 9, 282) – (ср.: *сменить гнев на милость*); *не глядеть дальше своего носа* (ДЖ, XI, 9, 378) – (ср.: *не видеть дальше своего <собственного> носа*); *на нем (искусстве – Л.К.) шапка горит* (НП, 2, 367) – (ср.: *на воре и шапка горит*); *грызть таблицы (производных и дифференциалов)* (ОГ, I, 10, 171) – (ср.: *грызть гранит науки*) и т.д. [Пастернак 1998, 1991].

Обратимся к текстам.

«Ну, конечно, она ставит его на место, припоминая ему, как он еще мал. Квадратные уравнения! А они еще и **не нюхали алгебры**» (ДЖ, I, 8, 34);

«Между тем, как это ни маловероятно, я ни разу в Москве не догадался о тождестве, существовавшем между Марбургом этих упоминаний и тем, ради которого я **грыз таблицы производных и дифференциалов** и с Мак-Лоррена перескакивал на Максвелла, окончательно мне недоступного» (ОГ, I, 10, 171);

«Вообразили, что время, когда следовали внушениям нравственного чутья, миновало, что теперь надо **петь с общего голоса** и жить чужими, всем навязанными представлениями» (ДЖ, XIII, 13, 409);

«Слова, которые произносил Гинц, давно **навязли** у них **в ушах**» (ДЖ, V, 10, 162).

Из пастернаковской прозы извлечены также примеры трансформированных автором ФЕ, в которых отмечается нарушение структуры: *заварить кашу* → *заварившие кашу*; *витать в облаках* → *витающий в облаках*; *не находить себе места* → *не находя себе места*; *не показывать вида* → *виду не показывая*; *промочить горло* → *промочивши горло* и др.

Например:

«И делая исключение для отца и матери, Миша постепенно преисполнился презрением к взрослым, **заварившим кашу**, которую они не в силах расхлебать» (ДЖ, I, 7, 29);

«Он производил впечатление добряка, **витающего в облаках**» (ДЖ, III, 10, 54);

«Он метался, как зверь, по комнате, нигде **не находя себе места**» (ДЖ, II, 13, 59);

«Тогда он повернулся к ней и стал объяснять, и **виду не показывая**, какая у него цель, чтобы не задеть ее самолюбия...» (ДЛ, 4, 84);

«Ораторствовали, кричали, **промочивши горло**, и наперебой острили» (ДЖ, IV, 4, 110).

Наблюдаются также случаи изменения морфологической структуры одного из компонентов ФЕ, например, *мелкая душонка*.

«Но мне трудно примириться с мыслью, что они герои, светлые личности, а я **мелкая душонка**, стоящая за тьму и порабощение человека» (ДЖ, XIII, 15, 410).

Яркими примерами пастернаковских новообразований являются следующие: *пистолет и порох*; *колыбель русского будущего*; *атаманово ухо*; *курицыно отродье*.

«— Ах вы не вспыхивайте так сразу, молодой человек, пожалуй, вы все же скорее в отца. Такой же **пистолет и порох**» (ДЖ, XIV, 1, 425);

«— Сибирь, это поистине Новая Америка, как ее называют, таит в себе богатейшие возможности. Это **колыбель великого русского будущего**, залог нашей демократизации, процветания, политического оздоровления» (ДЖ, XIV, 2, 428);

*«По преемственности, шедшей от Разина и Пугачева, этого приближенного за доверие, оказываемое ему Ливерием, звали **атамановым ухом**»* (ДЖ, XI, 8, 355);

*«Эх ты, как и сердчат на тебя, **курицыно отродье**»* (ДЖ, XV, 6, 480).

Таким образом, справедливо замечание А.И. Федорова о том, что «утверждению в языке новых выразительных средств, в том числе и фразеологизмов, способствует или мешает развитие художественного стиля. Писатель, если он оригинален, старается отойти от сложившихся литературных образцов, отбирая из народной речи наиболее яркие, свежие факты в соответствии с экспрессивной оценкой» [Федоров 1973: 146-147].

Сказанное с полным правом можно отнести и к Б.Л. Пастернаку, явившемуся подлинно самобытным, оригинальным художником слова.

Средства народного языка писатель вводит в канву литературных произведений, расширяя таким образом средства художественного изображения, подчиняя их своему идейно-эстетическому замыслу.

Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. – М., 1943. – 237 с.

Пастернак Б.Л. В статье используются сокращения, обозначающие источники: АП – Пастернак Б.Л. Апеллесова черта // Воздушные пути. Проза разных лет. – М.: Совет. писатель, 1982. – С. 19-39; ДЖ – Пастернак Б.Л. Доктор Живаго // Избранное в двух томах. Т.2. – СПб.: Кристалл, 1998. – 560 с.; ДЛ – Детство Люверс // Воздушные пути. Проза разных лет. – М.: Сов. писатель, 1982. – С. 56-108; НП – Пастернак Б.Л. Несколько положений // Собр. сочин. в 5-ти т. Т.4. Повести. Статьи. Очерки. – М.: Худ. лит-ра, 1991. – С. 366-370; ОГ – Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Собр. сочин. в 5-ти т. Т.4. Повести. Статьи. Очерки. – М.: Худ. лит-ра, 1991. – С. 149-239; ПЛ – Пастернак Б.Л. (письмо – Л.К.) К.Г. Локсу < 28 января 1917 г.> // Пастернак Б.Л. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. – М.: Искусство, 1990. – С. 309-311; ПТБ – Пастернак Б.Л. (письмо – Л.К.) Т. и Н.А. Табидзе (8 апреля 1936 г.) // Пастернак Б.Л. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. – М.: Искусство, 1990. – С. 327-329. Ссылки даются по указанным изданиям в скобках (римская цифра – часть, арабские – глава, страница).

Рудяков Н.А. Стилистический анализ художественного произведения. – Киев: Высшая школа, 1977. – 193 с.

Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1973. – 172 с.

Р.А. Котык, О.В. Смирнова
Борисоглебский государственный
педагогический институт

Компонентный анализ и лексико-семантическая классификация слов, обозначающих огнестрельное оружие

Данная статья посвящена изучению семантических отношений лексики, объединяющей наименования оружия в русском языке. Этот разряд лексики занимает немаловажное место в языке и процессах коммуникации.

Пользуясь материалами Большого толкового словаря русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, мы выявили 65 наименований оружия. На базе словарных дефиниций при помощи метода компонентного анализа определен семный состав слов данной группы.

Исходя из данных компонентного анализа, все наименования оружия по общности той или иной семы мы объединили в ЛСГ («Артиллерийские орудия», «Огнестрельное оружие», «Холодное оружие», «Метательное оружие») и выявили в их составе более узкие объединения – «микрообъединения» (антонимическую и синонимическую парадигмы, лексико-семантические подгруппы, установили родо-видовые отношения).

Рассмотрим отношения внутри ЛСГ «Огнестрельное оружие».

Термин *огнестрельное оружие* обозначает оружие, стреляющее посредством воспламенения пороха или других взрывчатых веществ [БТС 2003: 697].

В Большом толковом словаре находим 26 таких наименований, представленных следующими дефинициями:

- автомат* – ручное автоматическое скорострельное оружие;
- аркебуз (аркебуза)* – старинное фитильное ружье, заряжаемое с дула;
- берданка* – однозарядная винтовка (находившаяся на вооружении российской армии в 1870-1891);
- браунинг* – небольшой автоматический пистолет;
- бульдог* – револьвер особой системы с коротким стволом;
- винтовка* – ручное огнестрельное оружие с винтовой нарезкой в канале ствола и магазином для патронов;
- винчестер* – название магазинных, а позже и автоматических винтовок;
- гладкостволка* – гладкоствольное ружье;
- двустволка, двухстволка* – двуствольное охотничье ружье;
- дробовик* – ружье, стреляющее дробью;
- карабин* – винтовка с укороченным стволом;
- кольт* – револьвер, пистолет или какой-либо другой вид стрелкового оружия особой системы;
- маузер* – род автоматического пистолета и винтовки;

мелкокалиберка – мелкокалиберная винтовка;
мушкет – старинное фитильное ружье крупного калибра;
наган – система револьверов, револьвер такой системы;
обрез – винтовка или ружье с обрезанным, укороченным стволом;
однорядка – однозарядное ружье, пистолет;
одностволка – одноствольное охотничье ружье;
парабеллум – род автоматического пистолета;
пистолет – ручное огнестрельное оружие с коротким стволом, обычно автоматическое, для стрельбы в близкие цели;
пищаль – тяжелое ружье, заряжаемое с дула;
пулемет – скорострельное автоматическое оружие для стрельбы пулями;
револьвер – небольшое многозарядное ручное огнестрельное оружие с магазином в виде вращающегося барабана;
ружье – ручное огнестрельное оружие с длинным стволом;
фузея – старинное кремневое гладкоствольное ружье.

Из выписанных определений выделяем отдельные признаки – семы. Этими признаками будут: ‘огнестрельное оружие’, ‘автоматическое’, ‘скорострельное’, ‘старинное’, ‘фитильное’, ‘длинноствольное’, ‘заряжаемое с дула’, ‘однорядное’, ‘нарезное’, ‘магазинное’, ‘короткоствольное’, ‘для поражения близких целей’, ‘кремневое’, ‘многозарядное’, ‘гладкоствольное’, ‘двуствольное’, ‘ручное’, ‘барабанное’, ‘мелкокалиберная’, ‘охотничье’.

Кроме названных сем, вводим в список семы ‘современное’ (антонимична семе ‘старинное’), ‘дальнобойное’ (антонимична семе ‘для поражения близких целей’).

Составив список сем, строим таблицу семного состава данной лексической группы (Таблица 1).

Таблица № 1

Семный анализ группы слов, обозначающих огнестрельное оружие

	огнестрельное оружие	автоматическое	кремневое	ручное (приводимое в действие руками)	фитильное	магазинное	заряжаемое с дула	старинное	современное	длинноствольное	короткоствольное	нарезное	гладкоствольное	дальнобойное	для поражения близких целей	многозарядное	однорядное	двуствольное	мелкокалиберное	скорострельное	охотничье
автомат	+	+							+		+	+		+		+				+	
	*								*		*	*		*		*					
аркебуз (аркебуза)	+				+		+	+		+			+	+			+				
	*												*	*			*				
берданка	+			+				+		+		+		+			+				
	*			*				*		*		*		*							

браунинг	+	+						+		+	+			+	+					
бульдог	+			+		+		+		+	+			+	+					
винтовка	+			+		+		+	+		+		+		+					
винче- стер	+	+				+		+	+		+		+		+					
гладко- стволка	+			+				+	+			+	+			+	+			
дву- стволка, двух- стволка	+			+				+	+			+	+		+		+			+
дробовик	+			+			+	+		+			+		+	+	+			
карабин	+			+		+		+		+			+		+					
кольт	+	+		+		+		+		+				+	+					
маузер	+	+						+	+	+	+		+	+	+					
мелкока- либерка	+					+		+	+		+				+			+		
мушкет	+				+		+	+		+			+	+		+	+	+		
наган	+			+		+		+		+	+			+	+					
обрез	+			+		+		+		+	+	+		+	+	+	+			
одноза- рядка	+			+	+			+		+	+			+	+		+			
одно- стволка	+			+				+	+			+	+			+				+
парабел- лум	+	+						+		+	+			+	+					
пистолет	+	+				+		+	+		+	+	+		+	+	+			
пищаль	+		+		+		+	+		+			+			+				
пулемёт	+	+						+	+	+	+		+		+				+	
револьвер	+			+		+		+		+	+			+	+					
ружьё	+		+	+	+		+	+	+			+	+		+	+	+			
фузея	+		+					+		+			+			+				

*— данные семы в этих словах представлены в дефинициях имплицитно.

Лексико-семантическая группа «Огнестрельное оружие» включает:

1) антонимические парадигмы: 'старинное' – 'современное', 'длинноствольное' – 'короткоствольное', 'дальнобойное' – 'для поражения близких целей', 'нарезное' – 'гладкоствольное', 'многозарядное' – 'однорядное';

2) синонимические пары: *автомат* – *пулемет*, *берданка* – *однорядка*, *винтовка* – *ружье*, *пистолет* – *револьвер*;

3) тематические группы (по способу приведения оружия в действие):

а) «Автоматическое оружие»: *автомат*, *браунинг*, *винчестер*, *кольт*, *маузер*, *мушкет*, *парабеллум*, *пистолет*, *пулемет*;

б) «Кремневое оружие»: *пищаль*, *ружье*, *фузея*;

в) «Ручное оружие» (приводимое в действие руками): *берданка*, *бульдог*, *винтовка*, *гладкостволка*, *двустволка*, *дробовик*, *карабин*, *кольт*, *наган*, *обрез*, *однорядка*, *одностволка*, *револьвер*, *ружье*;

г) «Фитильное оружие»: *аркебуза*, *мушкет*, *пищаль*, *ружье*;

4) родо-видовые отношения:

а) *автомат* – гипероним, *пулемет* – гипоним;

б) *винтовка* – гипероним, *берданка*, *винчестер*, *карабин*, *маузер* – гипонимы;

в) *пистолет* – гипероним, *браунинг*, *кольт*, *маузер*, *парабеллум* – гипонимы; г) *револьвер* – гипероним, *кольт*, *наган* – гипонимы;

д) *ружье* – гипероним, *аркебуза*, *гладкостволка*, *двустволка*, *дробовик*, *мушкет*, *обрез*, *однорядка*, *одностволка*, *пищаль*, *фузея* – гипонимы;

е) в тематической группе «Автоматическое оружие» сема 'автоматическое' выступает как гипероним, а члены тематической группы *автомат*, *браунинг*, *винчестер*, *кольт*, *маузер*, *мушкет*, *парабеллум*, *пистолет*, *пулемет* – как гипонимы;

ж) в тематической группе «Кремневое оружие» сема 'кремневое' выступает как гипероним, а члены тематической группы *пищаль*, *ружье*, *фузея* – как гипонимы;

з) в тематической группе «Ручное оружие» сема 'ручное' выступает как гипероним, а члены тематической группы *берданка*, *бульдог*, *винтовка*, *гладкостволка*, *двустволка*, *дробовик*, *карабин*, *кольт*, *наган*, *обрез*, *однорядка*, *одностволка*, *револьвер*, *ружье* – как гипонимы;

и) в тематической группе «Фитильное оружие» сема 'фитильное' выступает как гипероним, а члены тематической группы *аркебуза*, *мушкет*, *пищаль*, *ружье* – как гипонимы;

к) гиперсема 'огнестрельное оружие' обобщает гипосемы 'автоматическое', 'кремневое', 'ручное', 'фитильное' и является базовым семантическим показателем всей ЛСГ группы.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.

Т.Н. Куренкова

*Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М.Ф. Решетнёва*

Презентация микрополя «Деньги» в ЛСП «Экономика» в произведении И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»

Функционирование языка предусматривает одновременное использование единиц всех уровней. Выражение определенной категориальной семантики в речи достигается именно взаимодействием разноуровневых средств языка. Он является сложной системой, а лексика – одна из его подсистем. Структурный подход к изучению словарного состава языка расширил возможности исследователей. А.Т. Липатов считает, что процесс обобщения лежит в основе всего развития языка. В результате такого процесса слова объединяются в группы, основанные на их семантическом сходстве. Чаще всего их называют лексико-семантическими группами слов [Липатов 1981: 51]. Надо отметить, что многие ученые считают понятия ЛСГ и семантическое поле синонимичными. Важным признаком, различающим понятия СП и ЛСГ, считает В.В. Левицкий, является языковая или внеязыковая обусловленность связей, объединяющих элементы той или иной микросистемы. Элементы СП объединены, прежде всего, общностью внеязыковых связей и отношений; элементы ЛСГ связывают и объединяют, прежде всего, внутриязыковые отношения. СП включает в свой состав слова одного порядка – либо с конкретным, либо с абстрактным значением. ЛСГ, напротив, может состоять: а) из слов, обозначающих материальные объекты; б) из слов, обозначающих идеальные объекты; в) из слов с абстрактным и конкретным значением. Так как отграничение ЛСГ осуществляется на базе какого-либо многозначного слова, то это многозначное слово является доминантой группы и обязательно входит в ее состав. Остальные члены группы находятся с доминантой в отношении синонимии. «Идентификатор СП находится всегда вне поля и, как правило, представляет собой не слово, а словосочетание, обозначающее родовое понятие, по отношению к которому все члены поля являются видовыми понятиями» [Левицкий 1988: 70].

Для исследования словарного состава термин «СП» нам видится более удачным, чем «ЛСГ», так как он обозначает более широкую группировку слов, включающую слова различных частей речи, характеризующуюся наличием общего дифференциального признака у соответствующих элементов и явлением аттракции. Представляется, что в понятии поля удалось

найти такую величину, которая позволяет с большой степенью адекватности описать микроструктурные взаимодействия слов, происходящих на уровне семантики в разных аспектах языковой системы.

Во многих произведениях художественной литературы предложения, связанные с темой экономика, придают тексту своеобразный колорит и очарование. Казалось бы, их роль не столь уж важна, но нам трудно представить себе, например, произведение И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» без лексических единиц с семантикой экономики. Более того, они просто необходимы для передачи особенностей, нравов и обычаев той переходной эпохи от одной экономической формации к другой. По тому, как человек относится к деньгам, мы можем судить о его социальном статусе и культурном уровне. Особое внимание в произведениях авторов разных стран и эпох привлекает описание обстановки, жилища, материального положения любого персонажа, а тем более главных героев. И это объяснимо, ведь тема денег в той или иной степени волнует каждого человека в его повседневной жизни и, значит, является актуальной на любом историческом этапе развития общества. Более того, денежные знаки, монеты, платежные средства, экономические отношения изменяются с течением времени, иногда очень существенно. Читая произведения прошлых веков, встречаешься со словами, значение которых уже не понятно большинству наших современников. Да и современная экономическая лексика является достаточно сложной для обычного человека. Гармоничное включение экономической лексики в текст художественного произведения является большим достижением И. Ильфа и Е. Петрова, оно дает нам представление об экономической и частично политической жизни той сложной переходной эпохи, где тесно переплетены старые капиталистические и новые социалистические тенденции в жизни страны и общества.

Рассмотрим произведение И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Исследование проводилось на фактическом языковом материале, полученном в результате сплошной выборки из произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Объем исследованного текста составляет 90765 слов. В ходе исследования было обнаружено 3164 лексических единиц, которые могут быть отнесены к лексемам с семантикой экономика, что составляет 3,49% от всех слов данного произведения. После исключения повторов проанализировано 1813 лексических единиц, составляющих ЛСП «Экономика». В процентном отношении они составляют 2% от всех слов. В построенном и проанализированном ЛСП «Экономика» было выделено 9 крупных микрополей: «Рынок», «Финансовые операции», «Деньги», «Работа», «Компании и предприятия», «Советское хозяйство», «Люди с деньгами», «Характеристики экономических отношений», «Miscellanea», это микрополе содержит лексические единицы с семантикой экономика, которые встречаются в тексте и не поддаются дальнейшей классификации.

Если рассмотреть ЛСП «Экономика» в данном произведении с точки зрения частотности, то получим следующие данные. До исключения повторов самым крупным микрополем является микрополе «Работа». Оно содержит 763 лексические единицы, что составляет 0,84% от всех слов произведения. На втором месте идет микрополе «Рынок» с 541 лексемой (0,6%), третье место занимает микрополе «Деньги» – 482 лексемы (0,53%). Далее по убывающей располагаются микрополя:

- «Финансовые операции» – 470 (0,52%);
- «Компании и предприятия» – 303 (0,33%);
- «Советское хозяйство» – 251 (0,28%);
- «Miscellanea» – 170 (0,19%);
- «Люди с деньгами» – 136 (0,15%);
- «Характеристики экономических отношений» – 48 (0,05%).

После исключения повторов картина немного меняется. Микрополе «Работа» остается самым большим. Его объем равен 374 лексическим единицам. Второе место также занимает микрополе «Рынок» с 346 лексемами. Третье место получает микрополе «Финансовые операции» (270 лексем). Далее идет микрополе «Деньги» (232), «Советское хозяйство» (189), «Компании и предприятия» (170), «Miscellanea» (132), «Люди с деньгами» (65), «Характеристики экономических отношений» (35).

Таким образом, первых два и последних три, то есть самые крупные и самые мелкие микрополя, сохранили свои позиции после исключения повторов. Микрополя «Деньги» и «Финансовые операции» поменялись местами так же, как и микрополя «Компании и предприятия» и «Советское хозяйство».

Рассмотрим структуру микрополя «Деньги» внутри ЛСП «Экономика» более подробно. Само ЛСП «Экономика» содержит 1813 лексических единиц и состоит из 9 микрополей, которые в свою очередь могут распадаться на ряд подполей. Микрополе «Деньги» содержит 482 лексические единицы до исключения повторов и 232 ЛЕ после исключения повторов, что составляет 15,23% (до исключения повторов) и 12,8% (после исключения повторов) лексем ЛСП «Экономика» в исследуемом произведении. Данное микрополе распадается на 9 подполей: «Капитал» (18 лексических единиц, что составляет 7,76% лексем микрополя «Деньги» и 0,99% лексем ЛСП «Экономика»), «Пачка» (9 лексем, 3,88% микрополя «Деньги» и 0,5% ЛСП), «Бумажка» (8 ЛЕ, 3,45% микрополя и 0,44% ЛСП), «Денежные средства» (104 ЛЕ, 44,83% микрополя и 5,74% ЛСП), «Валюты-монеты» (30 ЛЕ, 12,93% микрополя и 1,66% ЛСП), «Рубль» (11 ЛЕ, 4,74% микрополя и 0,61% ЛСП), «Миллион» (14 ЛЕ, 6,03% микрополя и 0,77% ЛСП), «Тысяча» (25 ЛЕ, 10,78% микрополя и 1,38% ЛСП), «Копейка» (13 ЛЕ, 5,6% микрополя и 0,72% ЛСП).

Как видно из вышеприведенных данных, самые крупные подполя данного микрополя – это подполе «Денежные средства» и подполе «Валюты-монеты», а самое небольшое – подполе «Бумажка».

Приведем примеры из произведения «Золотой теленок», характерные для каждого подполя микрополя «Деньги».

Подполе «Капитал»: *Весь мой капитал, основной, оборотный и запасный, исчисляется пятью рублями...* (ЗТ 302).

Подполе «Пачка»: *«А может, его... малой скоростью, – подумал Александр Иванович, продолжая вытягивать пачки и ужасаясь, – в разные города? Строго конфиденциально. А?»* (ЗТ 530).

Подполе «Бумажка»: *После всех ухищрений на одеяле образовались три стопки: одна – большая, из чистых, новеньких бумажек, вторая – такая же, но из бумажек погрязнее, и третья – маленькая и совсем грязная* (ЗТ 398).

Подполе «Денежные средства»: *Раз в стране бродят какие-то денежные знаки, то должны же быть люди, у которых их много* (ЗТ 300).

Подполе «Валюты-монеты»: *Где мексиканские доллары, турецкие лиры, где фунты, рупии, пезеты, центавосы, румынские леи, где лимитрофные латы и злотые?* (ЗТ 531).

Подполе «Рубль»: *Я не протягиваю лапу за кислым исполкомовским рублем* (ЗТ 298).

Подполе «Миллион»: *– Паниковский, – сказал Остап, – вам было поручено встретиться сегодня с нашим подзащитным и вторично попросить у него миллион, сопровождая эту просьбу идиотским смехом?* (ЗТ 367).

Подполе «Тысяча»: *Но художник успел отхватить за выдумку тысячи полторы* (ЗТ 355).

Подполе «Копейка»: *Там мне за нее ничего не дадут, ни копейки* (ЗТ 465).

Таким образом, мы рассмотрели отдельные направления возможного анализа ЛСП «Экономика» в произведении И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» и одного из его микрополей.

Выявление лексических единиц, их анализ и классификация по микро полям, построение структуры поля, выделение дифференциальных признаков внутри микрополей, определение объема каждого микрополя как части единого ЛСП, сравнение микрополей между собой – все это неотъемлемые элементы анализа любого ЛСП. Также за рамками данной статьи остались такие необходимые элементы анализа, как анализ типов связей между лексемами внутри микрополя, стилистические особенности лексем микрополя, средства выражения и т.д.

Левицкий В.В. Типы лексических микросистем и критерии их различия // Филологические науки. – 1988. – № 5. – С. 66-73.

Липатов А.Т. Лексико-семантические группы слов и моносемные поля синонимов // Филологические науки. – 1981. – № 2. – С. 51-57.

Список сокращений названий источников

ЗТ – Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. – Новосибирск: Ассоциация «ВИКО», 1992.

Ю.А. Литвинова

Воронежская лесотехническая академия

Семантика слова “city” в английском языке

Традиционно лексикографы описывают значение слова в объеме небольшого количества основных семантических компонентов. Однако общеизвестно, что анализ значений слова в контексте всегда выявляет семы, которые не входят в словарное толкование слова в словарях. Значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически также всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем описание этого значения в толковом словаре. Эти факты позволяют говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах, а также о разных типах значений и соответственно формах, способах описания значений лексических единиц как элементов языкового сознания носителей языка: лексикографическое значение, коммуникативное значение, психолингвистическое значение [Стернин, Саломатина 2011: 20].

Лексикографическое значение слова представлено по-разному в разных словарях. Это обусловлено лексикографическими традициями, типом словаря, индивидуальным опытом лексикографа и многими другими факторами. Возникает проблема обобщения описаний слова в разных лексикографических источниках для повышения объективности описания слова как словарной (системной) единицы языка. С этой целью должны быть разработаны принципы обобщения словарных дефиниций и создан алгоритм обобщения лексикографических данных, в результате которого может быть получено лексикографическое описание слова, учитывающее результаты работы группы авторов имеющихся словарей, что позволит существенно повысить объективность отражения значений в словарных дефинициях.

Метод обобщения словарных дефиниций направлен на получение максимально полного описания значения исследуемого слова в системе языка на базе совокупности имеющихся толковых и энциклопедических словарей с дифференциацией современных и устаревших значений в его смысловой структуре. Данный метод основан на *принципе дополнительности словарных дефиниций* разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга [Стернин, Саломатина 2011, с. 23].

Целью данной статьи является выявление описания значений слова “city” с помощью алгоритма обобщения лексикографических значений [Стернин, Саломатина 2011].

Покажем применение алгоритма обобщения словарных дефиниций при описании лексикографических значений слова *город*.

С целью обобщенного описания лексикографических значений лексемы “city” были проанализированы следующие словари: Webster’s New World College Dictionary [9], Collins Cobuild English Language Dictionary [10], Longman Dictionary of Contemporary English [11].

Словарные дефиниции лексикографических значений слова “city”

1. A center of population larger or more important than a town or village [9]; a large town where there are many houses, offices, factories, shops, theatres etc. and where many people live and work [10]; a large important town, especially one with a cathedral [11]. Обобщающая дефиниция:

Важный большой город, главным образом, с Кафедральным Собором, где есть много домов, офисов, фабрик, магазинов, театров и много другого, где живет и работает много людей и, который больше, важнее поселка городского типа и деревни.

New York city; capital city

2. All the people of a city; the city is used to refer to the people who live there; the people who live in a city; [9], [10], [11]. Обобщающая дефиниция:

Люди, которые живут в городе.

The city has been leaving in fear since last week’s earthquake.

3. A part of London where many important financial institutions, for example, the Bank of England and the Stock Exchange have their main offices [10]; the area of London which is Britain’s financial center, and the important institutions there [11]. Обобщающая дефиниция:

Финансовый центр Лондона, где расположены основные офисы важных ведомств.

City banker.

4. Местная самоуправляющаяся административно-территориальная единица, чьи границы и права самоуправления определяются уставом штата, в котором она расположена (в США) [9].

5. Любой большой городской муниципалитет в провинции (в Канаде) [9].

6. Небольшой населенный пункт с королевским уставом, где был или есть Епископальный престол (в Великобритании) [9].

7. Город-государство в древней Греции [9].

Лингвострановедческий словарь «Американа» под ред. Г.В. Чернова представляет лексему “city” как 1) большой город \ Юридически (согласно законам США), муниципальную корпорацию со своим уставом (“charter”), регистрируемым властями штата, обычно больше поселка городского типа (“town”), поселка (“township”), деревни (“village”) или округа (“borough”).

Как правило, статус города основывается на численности населения, но конкретно определяется законами каждого штата. В США существует около 19 тыс. крупных городов [12, с. 178].

Населенный пункт “city” – это самоуправляемая территория, то есть территория, которая обладает правовым статусом города, который считается частью США. На него в полной мере распространяются положения Конституции США. Он пользуется правами самоуправления на основании устава (регистрационный документ, определяющий статус и характер управления корпорацией, включая муниципальную корпорацию “municipal corporation”), утверждаемого в рамках федерального законодательства или законов данного штата, или же является самоуправляющейся административной единицей – “home rule” (“home rule” – вид самоуправления муниципальной корпорацией, при котором устав муниципальной корпорации разрабатывается непосредственно в городе или поселке специально избранной комиссией и утверждается не властями штата, а избирателями – жителями города. Примерно половина муниципалитетов США получили от властей штата такое право). Самоуправляемые территории (обычно это крупный город “city”, деревня “village”, и в некоторых штатах поселок городского типа “town” или район города “borough”), как правило, создаются по инициативе жителей района. Именуются также муниципальными корпорациями – “municipal corporation”. Муниципальная корпорация – местная самоуправляющаяся административно-территориальная единица, которая имеет свой утвержденный устав и обладает правами юридического лица.

Итак, информация, представленная в лингвострановедческом словаре, позволяет выделить следующие компоненты значения лексемы “city”:

- 1) юридически (согласно законам США) муниципальная корпорация;
- 2) есть свой устав, регистрируемый властями штата или утвержденный жителями города;
- 3) больше поселка городского типа, поселка, деревни или округа;
- 4) обладает правами самоуправления на основании устава.

Таким образом, информация, полученная в результате исследования лингвострановедческого словаря, позволяет дополнить описание семантики слова при обобщении лексикографических значений.

С учетом лингвострановедческой информации значения слова “city” могут быть представлены в следующем виде:

1. Важный большой город, главным образом, с кафедральным собором, где есть много домов, офисов, фабрик, магазинов, театров и много другого, где живет и работает много людей и, который больше, важнее поселка городского типа и деревни;
2. Люди, которые живут в городе;
3. Финансовый центр Лондона, где расположены основные офисы важных ведомств (Брит.);

4. Самоуправляемая территория, чьи границы и права самоуправления определяются уставом штата, где она расположена. Права самоуправления могут также определяться уставом, разработанным непосредственно в городе и утвержденным жителями данного города. Статус основывается на численности населения, но конкретно определяется законами каждого штата (в США);

5. Любой большой городской муниципалитет в провинции (в Канаде);

6. Небольшой населенный пункт с королевским уставом, где был или есть Епископальный престол (в Великобритании);

7. Город-государство (в древней Греции).

Таким образом, анализ дефиниций толковых словарей и обобщение их данных по специальному алгоритму позволяет даже в условиях использования только словарной информации значительно углубить описание семантики слова. Обобщенное лексикографическое значение слова является основой описания семантики слова в языковом сознании языка, но требует пополнения описания текстовыми и психолингвистическими методиками.

Стернин, И.А., Саломатина, М.А. Семантический анализ слова в контексте.- Воронеж: «Истоки», 2011.

Словари

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого и великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль; Предисл.: А.М. Бабкин, В.П. Вамперский.- М.: Рус. яз., 1998 – Т.1: А-З.- 1998.

2. Толковый словарь русского языка. / Ред. Д.Н. Ушаков. Т.1: А- КЮРИНЫ. – 1935.

3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80.000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Рос. акад. Наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2005.

4. Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А.П. Евгеньевой; РАН Ин-т лингвист. исслед. – М.: Рус.яз: Полиграфресурсы, 1999 – Т. 1: А-Й. – 4 –е изд., стер. – 1999.

5. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед.; Сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000.

6. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160.000 слов / Т.Ф. Ефремова, - М.: Астрель: АСТ, 2006. – Т.: А-Л.- 2006.

7. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1970-1978. Т.7: Гоголь-Дебит. – 1972.

8. Webster`s New World College Dictionary. – Gramercy Books, New York. 1997.

9. Collins Cobuild English Language Dictionary. – HarperCollins, 2008.

10. Longman Dictionary of Contemporary English: The complete guide to written and spoken English. – International students edition. – Harlow. Longman, 1999.

11. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под. ред. Г.В. Чернова. – Смоленск: Издательство «Полиграмма», 1996. – 1185 с.

А.Д. Сергеева
Армавирская государственная
педагогическая академия

Функционирование колоративов «белый», «синий» в лирике И.А. Бунина

И.А. Бунин создал в литературе свой особый, неповторимый художественный мир, характеризующийся специфическим видением действительности, своеобразным эмоциональным освещением ее и оригинальным интеллектуальным осмыслением. Для него главное – выявить через формальные элементы текста выраженное в них «космологическое чувство всебожия» [Иезуитова 1998: 98], что собственно и составляет для писателя понятие «жизнь». Свое потаенное «внутреннее» Бунин передает через мастерски воссозданное «внешнее» – через атрибуты природного мира, служащие носителями бытийного начала и маркерами душевного состояния.

Одной из наиболее существенных особенностей бунинского поэтического стиля является использование в тексте слов-колоративов как маркеров авторских эмотивно-смысловых доминант. Система цветообозначающих слов характеризуется у Бунина приоритетной областью функционирования: это природный мир. Общая палитра цветовой лексики отражает не только специфику мировидения И.А. Бунина, но и передает особенности чувственного восприятия поэтом окружающей действительности, его образ мира. В статье рассматривается функционирование белого и синего колоративов в лирике И. А. Бунина.

Белым цветом в поэтических произведениях И.А. Бунина маркированы:

– природные и атмосферные явления: *И холодный туман на полях / Целый день неподвижно белеет* («Осыпаются астры в садах», 1888);

– луна, звезды, свет от них, отражения на воде, дневной свет, рассвет, восход: *Свет лунный, вечный, неизменный, / Как тонкий дым, белел на них* («Колизей», 1916);

– реалии из мира человека: Сидит ливиец в белом балахоне, / Глядит на снег, кипящий в глубине («Полдень», 1909);

– животный мир и растительность: *Яблони в белых кудрявых цветах* («Первый соловей», 1916);

– неживая природа: *Белеют стены скал, смотря на дальний юг* («На острове», 1901).

Синий цвет используется И. А. Буниным для обозначения:

– небесного пространства: *И синий небосклон над бором / Был чист и радостно-высок* («Сказка», 1903-1904);

– водных пространств: *Древнюю чашу нашел он у шумного синего моря* («Надпись на чаше», 1903);

– пространства земли, которое кажется синим из-за сгустившихся сумерек либо из-за яркого сияния неба: *Ты, после дня тревоги и печали, / Даруешь мне вечернюю зарю, / Простор полей и кротость синей дали* («За все тебя, Господь, благодарю!», 1901); мира природы: *И синие подснежники цветут, / И под ногами лист шуришит дубовый* («Молодость», 1916);

– различных объектов, находящихся в земном и небесном пространстве, как правило, приобретающих цвет в сумерках, при непогоде или, наоборот, от ясного сияния неба: *В горах, от снега побелевших, / туманно к вечеру синевших* («Миньона», 1916);

– реалий из мира человека и внешности: *Синие обои полиняли, / Образа, дагерротипы сняли* («Синие обои полиняли», 1916);

– абстрактных понятий: *А будут дни – угаснет и печаль, / И засинеет сон воспоминанья* («Спокойный взор, подобный взору лани», 1901).

Для того чтобы наглядно показать, как слова-колоративы отражают специфику авторского взгляда на мир, перейдем к анализу стихотворения «Голуби» (1903). В тексте можно выделить две части. В первой дается описание ненастного дня, а во второй описывается солнечный день, и эмоциональный отклик лирического героя на изменения в природе находит свою языковую объективацию, в том числе и с помощью слов-колоративов.

В первой части человек предстает только как созерцатель. Его присутствие косвенно обозначено номинациями *балкон, цветник, сад*: *Раскрыт балкон, сожжжен цветник морозом. // Опустошен поблекший сад дождями* (Голуби, 1903).

Заметим, что в творчестве Бунина нередко встречаются такие объекты, как окно и балкон, что обусловлено особенностями миропонимания поэта: эти предметы маркируют нахождение героя как бы на границе двух миров: человеческого и природного, бренного и вечного. Раскрытый балкон означает открытость лирического героя миру, его желание познать природу и слиться с ней. Природные реалии в этой части произведения репрезентированы номинациями *небо, ветер, тучи, ливень*, объективирующими грустно-печальное настроение субъекта речи: *Как лунный камень, холодно и бледно / Над садом небо. // Ветер в небе гонит / Свинцовые и дымчатые тучи. // И крупный ливень с бурей то и дело / Бежит, дымится по саду...* (Голуби, 1903).

Герой воспринимает стихии как нечто одушевленное, на что указывают сочетания приведенных существительных с глаголами: *ветер <...> гонит <...> тучи; ливень <...> бежит, дымится по саду*. В первой части стихотворения мы не встречаем прямого упоминания чувств и действий человека, но пейзаж дается через его восприятие. Герой замечает лишь увядание и пустоту: *сожжжен цветник морозом; опустошен <...> сад дождями*; видит тусклые и мрачные краски: *поблекший сад; как лунный камень, холодно и бледно <...> небо; свинцовые и дымчатые тучи*. Лексемы *сожжжен*,

опустошен, холодно характеризуют не только видимый мир, но и указывают на холод и опустошение, царящие во внутреннем мире человека. Прилагательное *свинцовые*, которым обозначается цвет туч, одновременно передает ощущение тяжести на душе героя. Таким образом, общий тускло-серый цветовой фон первого отрывка созвучен душевному состоянию героя.

Во второй части картина резко меняется, что маркировано интонационно, синтаксически (сложным союзом «но если» в составе восклицательного предложения) и лексически (номинация «радость»): *Но если / Внезапно глянет солнце, что за радость / Овладевает сердцем!* Эмоции лирического героя (*радость овладевает сердцем; охвачен какой-то робкой радостью*) и его действия (*жадно дышишь; уходишь с открытой головою по аллее; замрешь, боясь их потревожить*) обозначены прямо. Красота природы пробуждает в человеке светлые чувства, выводит его из мрачного состояния, утешает и заставляет действовать. На смену блеклым серым тонам приходят яркие краски (*синеет небо яркое; белый турман; лазурная лужа*).

Помимо текстовой оппозиции «природа – человек» (*солнце, небо, турман – радость*) возникает противопоставление «небо – земля», которое акцентировано колоративной лексикой и символическими образами (*синеет небо – лазурная лужа; белый турман, небесная лазурь*): *Меж тем как над аллеей все приветней / Синеет небо яркое – и вдруг / С гумна стрелой мчится белый турман / И снежным комом падает к балкону, / За ним другой – и оба долго, долго / Пьют из лазурной лужи, поднимая / Свои головки кроткие ...* (Голуби, 1903).

«Бесконечность, вечность, истина, преданность, вера, чистота, целомудрие, духовная и интеллектуальная жизнь – ассоциации, которые возникли во многих древних культурах и выражают общую мысль, что синий цвет неба – наиболее спокойный и в наименьшей степени "материальный" из всех цветов» [Тресиддер 1999: 334]. В лирике И.А. Бунина синий большей частью используется для обозначения цветового признака какого-либо пространства. В анализируемом тексте колоратив «синий» служит репрезентантом небесного пространства. Синева неба, отражаясь в дождевой воде, приобретает лазурный оттенок. И.А. Бунин использует в тексте устно-поэтический эпитет «лазурный», который на первый взгляд вступает в некоторое противоречие с обыденным словом «лужа». Однако Бунину важно показать, что эмоция восторга, восхищения красотой природного мира позволяет в самых непривлекательных, казалось бы, вещах, предметах увидеть необыкновенное, высокое. Белые голуби «долго, долго / Пьют из лазурной лужи». Они, словно посланники других миров, связывают мир земной и небесный, горный. В словаре символов читаем: «Белый цвет <...> символ чистоты, истины, невинности и жертвенности или божественности» [Тресиддер 1999: 23]. «Голубь символизирует мир, чистоту, любовь,

безмятежность, надежду, <...> чистую душу» [Тресиддер 1999: 60, 61]. В тексте стихотворения в образе белого голубя соединяется земная и небесная красота, но чтобы это понять, нужно уметь эту красоту видеть, уметь радоваться ей.

Связь неба и земли прослеживается и через колоративы синий (небо) – лазурный (лужа). В последних строках (*... и мнится, / Что пьют они не дождевую воду, / А чистую небесную лазурь*) Бунин уже говорит о мироздании. «Лазурь представляет возрождение, духовное образование человека» [Шейнина 2007: 362]. В природе заключена, по мысли И.А. Бунина, абсолютная и вечная гармония, и приобщиться к вечному можно через созерцание и постижение этой гармонии. Таким образом, цветообозначения в контексте бунинских поэтических произведений – не только внешний признак, это еще и способ глубинной характеристики мира, отражающий особенности авторского мировосприятия, представления автора о связях и отношениях человека и окружающей его реальной действительности. Функции колоративов в поэзии И.А. Бунина контекстуально обусловлены; их семантика созвучна душевному состоянию лирических героев и самого автора.

Бунин И.А. Собрание сочинений: в 4-х томах. – М.: Изд-во: Правда, 1988. – Т. 1. – 596 с.

Иезуитова Л.А. Творчество Бунина – единая книга о «себе» (Об одной функции бунинского метатекста) // Автоинтерпретация: сборник статей / Под ред. А.Б. Муратова, Л.А. Иезуитовой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – С. 97-133.

Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.

Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Торсинг», 2007. – 591 с.

КОГНИТИВНЫЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Ефимова
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

Убедительность текста при разном стилевом оформлении

Восприятие текста представляет собой интересную научную проблему. Нам интересно проверить гипотезу, что одно и то же содержание в разном стилевом оформлении будет восприниматься по-разному и будет в разной степени эффективно в зависимости от возраста, пола, профессии, жизненного опыта, а также общего объёма и содержания когнитивной базы реципиентов.

Нам показалось интересным исследовать это общественное явление экспериментальными методами. Мы взяли притчу «Три сита Сократа» и представили её в виде текстов разных стилизованных жанров: литературно-художественный стиль, официально-деловой стиль, архаический стиль, стихотворная форма, сказочная форма. Стилистая трансформация исходного текста притчи выполнена автором, содержание текста не модифицировалось.

1. Литературно-художественный стиль (притча)

Однажды к древнегреческому философу Сократу прибежал взволнованный человек и попытался что-то ему рассказать:

- Сократ, я хочу тебе рассказать, как один друг...
 - Подожди, подожди! – прервал его мудрец. – Ответь мне сначала на вопрос: просеял ли ты то, что хочешь рассказать мне, через три сита?
 - Какие ещё три сита? – удивился мужчина.
 - Позволь мне объяснить тебе: попытайся сначала пропустить свой рассказ через три сита. Если он просеется, тогда расскажешь мне. Первое – это сито правды. Правда ли то, что ты хочешь мне рассказать?
 - Не знаю... – с сомнением в голосе сказал посетитель. – Я слышал это от других...
 - Но тогда ты, должно быть, просеял твой рассказ через второе сито! – продолжал Сократ. – Это сито доброты. Действительно ли то, что ты хочешь мне сказать, – это нечто доброе, созидательное?
 - Нет, не думаю, – честно признался собеседник. – Но...
- Мудрец снова остановил его:

– Тогда возьмём ещё третье сито и поставим вопрос: так ли уж необходимо, чтобы ты сказал мне то, с чем ты пришёл?

– Нет в этом необходимости...

– Значит, – улыбнулся Сократ, – если в этом нет ни правды, ни доброты, ни необходимости, то оставим это! Не говори и не обременяй этим ни меня, ни себя.

2. Официально-деловой стиль

Один взволнованный гражданин пришел к Сократу с намерением рассказать ставшие ему известными сведения о некоем гражданине Н. Сократ предложил взволнованному гражданину сначала обдумать необходимость этого сообщения и ответить, может ли тот ручаться за достоверность той информации, которую хочет сообщить. Взволнованный гражданин ответил, что не может, поскольку слышал ее от других. Тогда Сократ спросил, является ли данная информация доброй, созидающей. Взволнованный гражданин ответил, что она таковой не является. Сократ задал взволнованному гражданину третий вопрос – действительно ли необходимо ему узнать данную информацию. Взволнованный гражданин вновь ответил отрицательно. Тогда Сократ улыбнулся и сказал взволнованному гражданину, что если в его сообщении нет ни правды, ни доброты, ни необходимости, то лучше не обременять этой информацией ни Сократа, ни самого взволнованного гражданина.

3. Архаический стиль

Некий взволнованный господин обращается к мудрому Сократу.

Г. Не соблаговолите ли вы, мудрейший Сократ, выслушать меня? У меня есть новость об одном известном вам господине, достойная Вашего благосклонного внимания.

С. Но, прошу вас, дражайший, подождите! Желаю я, чтобы свои слова вы изначала просеяли через три моих сита.

Г. Извольте объяснить, что вы имеете в виду под этими ситами?

С. Первое сито таково: будет ли услышанная мною весть правдивой?

Г. Право, не знаю даже. Весть сию от других слышал я.

С. Второе сито суть доброта. Позвольте узнать, то, что собираетесь вы мне рассказать, нечто доброе и созидающее?

Г. Помилуйте, вы вводите меня в заблуждение. Пожалуй, нет, эта весть не кажется мне благой.

С. Тогда последнее сито: найду ли я сие измышление надобным для себя? Считаете ли вы до сего часа все еще желательным известить меня о нем?

Г. Не кажется мне, что испытываете вы в сем необходимость.

С. Тогда, по всему вероятно, следует вам начать хранить безмолвие и не обременять вестью ни меня, ни себя, коль нет в ней ни правды, ни доброты, ни необходимости.

4. Стихотворная форма

Любитель посплетничать в гости к Сократу

Направился, чтоб на друзей клеветать.
 Не чувствуя страха он перед расплатой,
 Готовился что-то дурное сказать.
 Сократ, не будь глуп, попросил у невежды
 Исполнить сначала лишь просьбу его
 (Философ заранее чаял надежду,
 Что зло языка можно ссечь у него):
 «Хочу я, чтоб прежде, чем что-то мне скажешь,
 Просеял слова чрез три сита мои.
 Лишь только тогда старика ты уважишь,
 Сам, видя, сколь пользы содержат они.
 И первому ситу я имя дал Правда,
 Просей сквозь него, я второе отдам.
 Зачем мне судить по кому о неправде?
 Мне то не по статусу, не по годам.
 Второе возьми – Доброта его имя,
 Не надо мне зла, его много везде.
 Я слышать хочу, что душой не коримо,
 Поэтому помню о доброй нужде.
 Вот сито последнее – Необходимость.
 Мне нужно ли то, что ты хочешь сказать?»
 Молчит сплетник мой, чуя неоспоримость
 Того, кто умеет мораль открывать.

5. Сказочная форма.

Пришла Лиса Патрикеевна к мудрому Ворону Вороновичу и говорит:
 – Здравствуй, Воронович. Вот ты на дереве сидишь, на всех сверху глядишь, а что внизу делается – не знаешь!
 Молчит старый Ворон. Лиса ближе подошла, лукаво смотрит и снова молвит:
 – Ах, Ворон Воронович, один-одинешенек сидишь и не ведаешь, что же у нас произошло!
 Молчит мудрый Ворон, но поднял глаза свои, смотрит из-под бровей на плутовку. Она еще ближе подошла к дереву и сладко запела:
 – Да что расскажу-то! Вот у Зайчихи...
 Прервал ее Ворон и спрашивает:
 – А правду ли хочешь ты мне сказать? А от самой ли Зайчихи узнала ты весть?
 Задумалась Патрикеевна, обошла дерево с другой стороны и снова молвит:
 – Глазки не видели, ушки не слышали, но рассказать хочется! Вот у Зайчихи...
 Снова прервал ее Ворон и спрашивает:

– А будет ли доброю весть твоя? Обрадуется ли Зайчиха, узнав, что о ней так говорят?

Еще больше растерялась Лиса, но снова не сумела промолчать:

– Глазки не видели, ушки не слышали, но рассказать хочется! Вот у Зайчихи...

В третий раз прервал ее мудрый Ворон и спрашивает:

– Тогда нужна ли мне твоя весточка? Будет ли польза мне от нее?

Опустила Лиса Патрикеевна глаза, не знает, что сказать. Тогда улыбнулся старый Ворон и промолвил:

– Иди, Лиса, к себе домой, да не говори больше ни про кого злых, нечестных и ненужных вещей.

И поплелась плутовка восвояси.

С разными стилевыми вариантами притчи был проведен психолингвистический эксперимент, в котором участвовало 25 групп носителей языка по 15 человек в каждой группе. Проведенное исследование относится к разряду рецептивных экспериментов, которые оценивают содержание воспринятой информации реципиентами некоторого текста. Испытуемым была предложена анкета следующего содержания, на вопросы которой требовалось ответить односложно:

- Нравится?
- Понятен смысл?
- Интересно слушать?
- Возьмете на заметку что-то из услышанного?
- Мудрец поступил правильно?
- Будете теперь поступать так же?

Эксперимент проводился в устной форме, время ответа на вопросы не ограничивалось. Большинство испытуемых отвечало на вопросы в составе группы 5-15 человек, однако часть реципиентов была опрошена индивидуально. Результаты эксперимента были подведены по возрастным группам испытуемых: 5-10, 10-15, 15-25, 25-50 и ≥ 50 лет. Приведем полученные результаты.

Таблица 1.

Результаты эксперимента по возрастным группам

Вопросы		Нравится слушать	Понятен смысл	Интересно слушать	Возьмете себе на заметку что-то из рассказа	Мудрец поступил правильно	Будете теперь поступать так же
Стиль / форма	Возраст						
Литературно-	5-10	73%	80%	73%	40%	100%	67%
	10-15	67%	73%	87%	73%	100%	47%

художественный стиль	15-25	93%	100%	87%	80%	100%	87%
	25-50	87%	100%	100%	60%	100%	73%
	≥50	93%	100%	100%	67%	100%	73%
Официально-деловой стиль	5-10	0%	0%	0%	13%	27%	0%
	10-15	7%	20%	13%	27%	80%	47%
	15-25	27%	40%	20%	67%	93%	53%
	25-50	47%	67%	27%	87%	100%	67%
	≥50	33%	60%	47%	47%	93%	73%
Архаический стиль	5-10	0%	7%	0%	0%	13%	7%
	10-15	40%	93%	87%	53%	80%	67%
	15-25	67%	100%	67%	60%	100%	60%
	25-50	33%	93%	40%	73%	100%	40%
	≥50	93%	100%	93%	47%	100%	67%
Стихотворная форма	5-10	93%	27%	80%	7%	53%	20%
	10-15	40%	87%	40%	53%	87%	67%
	15-25	33%	100%	60%	53%	93%	87%
	25-50	93%	100%	93%	80%	100%	87%
	≥50	100%	100%	100%	73%	100%	67%
Сказочная форма	5-10	100%	100%	100%	87%	100%	93%
	10-15	60%	100%	60%	67%	93%	73%
	15-25	47%	100%	33%	80%	100%	67%
	25-50	100%	100%	93%	97%	100%	53%
	≥50	100%	100%	100%	67%	100%	47%

Обсуждение результатов исследования

Проведённое исследование показало следующее.

1. Лучше всего детьми группы 5-10 лет воспринимается сказочная форма повествования (100% опрошенных), подростками группы 10-15 лет – текст литературно-художественного стиля (67%), молодыми людьми в возрасте 15-25 лет – текст литературно-художественного стиля (93%), группой среднего возраста – 25-50 лет лучше всего было воспринято услышанное в сказочной (100%) и стихотворной (93%) форме, а самые высокие показатели получились у реципиентов старшего возраста, входящих в группу ≥50, где одинаково хорошо был воспринят текст в стихотворной (100%) и сказочной (100%) форме.

2. На вопрос «Возьмете себе на заметку что-то из услышанного?» меньше всего положительных ответов было получено от групп детей 5-10 (29,4%) и 10-15 лет (65,6%), а также от опрашиваемых группы ≥50 лет (60,2%). Первые данные могут быть объяснены малым жизненным опытом

реципиентов, вторые, наоборот, достаточным жизненным опытом. Среди представителей старшей группы звучали распространённые ответы типа: «Мне уже поздно что-то брать на заметку», «А зачем, тут (в месте проживания опрашиваемого) и сплетничать не о ком».

3. Большее количество людей согласилось следовать советам, прослушав притчу в литературно-художественном стиле (69,4%), чуть меньше – в сказочной форме (66,6%), ещё меньше – в стихотворной форме (65,6%). Меньше половины опрошенных согласились следовать текстам, написанным в архаическом и официально-деловом стиле, что объясняется их малой доступностью для понимания основной массы опрошенных. Также звучали ответы «Хотелось бы, но не буду, сплетничать люблю», что является ярким примером вербальной морали, обнаруживающей знание этических норм, но не предполагающее следования им.

4. Почти полное процентное сходство наблюдается в ответах на вопросы «Нравится?» и «Интересно слушать?» (61% / 64%). При дополнительных просьбах объяснить разницу между данными словами не все опрашиваемые смогли дать точный ответ, что позволяет сделать вывод о нахождении понятий «нравится» и «интересно» в одном смысловом поле реципиентов. Те, кто попытался определить различие, сошлись во мнении, что не все тексты могут быть интересны, необходимы и применимы в качестве руководства к действию, но они вполне могут восприниматься чисто с эстетической точки зрения, чем и будут нравиться.

Таким образом, мы убедились, что не все типы текстов в равной мере доступны для понимания и восприятия, особенно при учете возрастного фактора группы, что доказывает необходимость обязательного учета возрастного фактора в процессе речевого воздействия.

Для дальнейшего исследования интересно проследить роль гендерного фактора при восприятии разных стилевых разновидностей текста, а также при восприятии мужчинами и женщинами одного и того же текста.

Т.А. Сироткина
Сургутский государственный
педагогический университет

Особенности репрезентации концепта «этнос» в региональных текстах

По мнению лингвистов, существуют региональные особенности языковой категоризации действительности [Щербак 2008: 213]. Эта справедливая мысль имеет отношение не только к рассматриваемым А.С. Щербак

способам репрезентации антропонимических концептов, но к способам репрезентации концепта «этнос», о котором пойдет речь в настоящей статье.

Одной из существенных для языкового сознания категорий, на наш взгляд, является категория этничности – универсальная познавательная категория, посредством которой человек определяет принадлежность себя и других к тому или иному этносу. Категория этничности находит свою языковую экспликацию в материально выраженной совокупности определенной группы лексики (этнонимов). Базовым для данной категории является концепт «этнос», который имеет особенности репрезентации в региональных текстах. Рассмотрим это на примере этнонимии Пермского края.

В диалектных и фольклорных текстах рассматриваемого региона в основном актуализируются образы народов, имеющих глубокие корни на территории Пермского края. К числу их можно отнести *вогулов (манси), коми-пермяков, русских, татар, удмуртов*. В деревне Акчим до XX века сохранялись рассказы о населяющих в прошлом край *вогулах*: «*Когда-то, говорят, вогулка въезжала на гору, на Писанку*»; «*Два вогула привели вогулку, свою девчонку. Она в совике, как куколка. Они, косы, лежат не так, и длинные, и наплетут всего*»; «*На Урале вогулы-то ишо есть, болтаются так человека два, можот до пятка, а так все перевелись, нету вогулов*». Употребительна в народной речи и собирательная форма данного этнонима – *вогульё*: «*А вот вогульё раньше-то, деды сказывали, дак они раньше ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножом его так р-раз*» [Акчим].

Концепт, по наблюдениям лингвистов, состоит из отдельных, но в то же время спаянных в единую структуру фрагментов – областей концепта. В силу разного рода коммуникативных задач вербализации может подвергаться только одна из областей концепта. Области активизируются и находят проявление через языковые знаки [Алимурадов 2003: 214 - 217].

Поскольку под этничностью понимают присущие данному сообществу язык, особенности духовной культуры и т.д., то очевидно, что образующий категорию этничности концепт «этнос» состоит из областей «язык», «материальная культура», «духовная культура», «внешность» и некоторых других.

Область «язык» – одна из особо важных. Отличие по языку – основное отличие одной нации от другой, что хорошо репрезентируется в текстах живой речи: «*Зырянский у них язык свой. На заводах работали. Санки у них свои были. С русскими по-русски, меж собой по-зырянски говорили*»; «*Мама! Как вогулы-то говорят? По-русски, по-татарски?*»; «*Есть татаре, у их зовут «абдул непутный ревет*»; «*Да ты никакой язык не понимаешь. Ни белорусской, ни татарской*»; «*От ихнова слова от мордвинского*»; «*Своя нация – цыганы. Говорят по-своему между собой, не поймёшь*» [Акчим].

По наблюдениям Ю.А. Сорокина, противопоставление своей и чужой культур может осмысляться как оппозиция признаков свое – «естествен-

ное», чужое – «неестественное». «Неестественным может считаться, что существуют люди, не понимающие или не говорящие на родном реципиенту языке» [Сорокин 1988: 5].

В народной культуре существует особое восприятие соотношения языка и этнонима: *«Если украинец приедет и свой разговор – то хохол, а если разговор русский – то украинец»* [Акчим].

Подвижность и условность этнического самосознания русских в условиях коми-пермяцкого окружения связана прежде всего с наличием билингвизма: *«Наша деревня была в русском языке, мы по коми не разговаривали»* [СРГКПО 2006: 15]; *«У меня паспорт русский, я русская считаюсь. И сама русской считаю себя, а по-пермячки знаю все, родители были пермяки»* [СРГКПО 2006: 18].

Именно по языковым особенностям жители соседних деревень могут получить отэтнонимные прозвища. «Диалектолог довольно часто сталкивается с тем, что на относительно небольшой территории сосуществует несколько лингвистических (или этнолингвистических) общностей, представители которых, руководствуясь базовым противопоставлением «свое – чужое», дают иногда довольно экзотические названия своим соседям» [Рыко 2001: 17].

А.И. Рыко называет такие прозвища квазиэтнонимами и отмечает в окрестностях д. Гороватка Жарковского района Тверской области следующие из них: поляки, мордва, шведы. В нашем материале таким прозвищем является, например, прозвище жителей д. Сыпучи *монголы*, этимология которого не установлена.

Область «материальная культура» также важна при различении «своего» и «чужого»: *«Платок-от у тебя каки-то татарской. Раньше оне всё такие любили»*; *«Вот ляпа. Обляпалась вся. Штаны как у татарки выпушилены наверх. Вот чудо морское»* [Акчим].

Как отмечает Ю.А. Сорокин, «понятие «чужой» может связываться с носителями определенной культуры, контакты с которой либо наиболее интенсивны, либо особо значимы для культуры реципиента» [Сорокин 1988: 4]. Как мы видим из вышеприведенных примеров, для русских Прикамья наиболее актуальными оказываются представления о соседнем татарском населении.

Область «духовная культура» актуализируется в основном своей религиозной ипостасью: *«В Вёлсе две церкви было. Одна для русских, друга для татар»* [Акчим].

В речи диалектоносителей хорошо представлены взаимоотношения православного и старообрядческого населения. Так, православные в оценке старообрядцев являются «басурманами»: *«Не читаю я ничё у басурманина, они щепетники»* [СРГЮП: 44]. Напротив, в оценке православных, странным считается поведение представителей разных старообрядческих согласий – беловеров, голбинцев: *«Беловеры ни с кем не кормили детей, каж-*

дый в отдельной чашке, и сами так же» [СРГЮП: 49]; «Кроме старовров-то у нас голбинцы были, в голбцах молились» [СРГЮП: 195].

Но первое отличие, по которому можно узнать представителя этноса – какие-либо внешние признаки: «У них своя нация – сами черные, под вид цыганов. Раньше назывались казаки. И они гордились, что так назывались»; «Возулы – народ, особая нация, степные люди, косы носят, глазки у них узенькие, похожи на первобытных людей, бог у них тоже свой. Они сюда приезжали» [Акчим].

Таким образом, особенности репрезентации концепта в региональных текстах обусловлены прежде всего экстралингвистическими факторами, которые влияют на актуализацию этнонаименований, а также связаны с этническим фрагментом региональной картины мира.

Алимурадов О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность: Монография. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2003. – 306 с.

Рыко А.И. Русские «иностранны» (народные микроэтнонимы и изоглоссы) // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. – Петрозаводск, 2001. – С. 17-23.

Сорокин Ю.А., И.Ю. Марковина. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. – Днепропетровск, 1988. – С. 4-10.

Щербак А.С. Языковые способы репрезентации ономастических концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 5. – С. 207-214.

Список сокращений

Акчим – материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь, 2006.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. – Пермь, 2010.

И.А. Стернин

Воронежский государственный университет

Закон кумуляции оценочной информации в тексте

При восприятии реципиентом письменного текста действуют многочисленные когнитивные закономерности, обуславливающие то или иное его понимание. Эти когнитивные закономерности имеют как субъективный характер (индивидуальная когнитивная база человека, его индивидуальные рецептивные схемы понимания информации - [Баранов 2007, Стернин 2011]), так и объективный характер (общие социально одобренные рецептивные схемы понимания информации, а также общие законы функциони-

рования текстовой информации). К последним относится закон кумуляции оценочной информации в тексте.

В большом по объему тексте действует закон кумуляции (то есть последовательного накопления и усиления) оценочной информации, который предопределяет итоговый оценочный смысл текста как общую негативную или позитивную информацию о том или ином лице, организации, событии, которое является предметом обсуждения в тексте. В практике лингвистической экспертизы обычно приходится анализировать кумулятивный эффект в отношении негативной информации.

Таким образом, *кумуляция оценки* – это последовательное, постепенное накопление и суммарное усиление оценки некоторого субъекта, предмета, явления в сознании читателя по мере ознакомления читателя с большим текстом, выражающееся в «выставлении итоговой оценки» читателем данному субъекту, предмету, явлению («хвалят», «ругают») по прочтении текста.

Читатель по мере чтения им текста анализирует высказываемые в тексте оценочные суждения о некотором лице, предмете, явлении, как прямые, так и скрытые, суммирует одинаковые оценки (что ведет к усилению яркости данной оценки в его сознании) или учитывает и противоположные оценки (что ослабляет оценку, делает более сбалансированной оценку итоговую – «и хвалят, и ругают»).

При этом не имеет значения языковая форма, в которой выражены те или иные оценочные суждения – эксплицитная или скрытая, неважно, представляют ли собой отдельные текстовые утверждения фактологические сведения или оценочные мнения. В любом случае читатель фиксирует и осознает тот или иной оценочный знак, характеризующий в тексте тот или иной предмет описания и «выставляет итоговую оценку».

Доминирующая оценка содержащихся в тексте высказываний аккумулируется читателем в общий оценочный смысл – «ругают» или «хвалят».

При этом существенно, что обоснованность позитивных или негативных утверждений и оценок может читателем не анализироваться. Для анализа читателю необходимо читать медленно, с пристрастием, выявлять утверждения и аргументы. Большинство читателей читают поверхностно, улавливая и сохраняя в оперативной памяти наиболее яркие утверждения (факты) и оценочный знак отдельных фрагментов текста – а это именно предикаты типа *ругают, хвалят*.

Эти оценки и являются основой результирующего оценочного смысла текста, который потом попадает в долговременную память реципиентов. В сознании реципиента после прочтения текста формируется обобщенный (результирующий) оценочный смысл текста: *хвалят, ругают (того-то, то-то)*; при этом могут быть восприняты и осознаны как более обобщенные («ругают»), так и более конкретные смыслы типа «пишут, что он до-

пускал какие-то налоговые нарушения»; «что-то там было у них с оформлением земельных участков» и под.

Покажем действие закона кумуляции оценки на примере большого по объему текста (более трех газетных полос), ставшем предметом иска двух предприятий по умалению деловой репутации.

Судом в качестве предмета анализа для эксперта определены, в частности, следующие фрагменты текстов:

«Как стало известно журналистам регионального делового издания, в отношении Михаила Кирпичева, генерального директора ЗАО «Воронежтелекабель», одним из учредителей которого является ОАО «Связьстрой-1», заместителя председателя комитета Воронежской областной Думы, члена регионального политсовета партии «Единая Россия», поступил ряд запросов, ответы на которые могут привести к череде неблагоприятных сенсаций. В этом случае может пострадать не только репутация бизнесмена, народного избранника и единоросса, но и организаций, в которых он работает и числится.

В первую очередь от ОАО «Связьстрой-1 (руководитель – В.С. Дорошенко) и политсовета ВРО ВПП «Единая Россия» (секретарь политсовета – В.И. Нетесов) ждут ответа на вопрос: «Мог ли М. Кирпичев, используя свое положение депутата и партийца, через подставных лиц (пенсионеров – льготников Панинского района) получить земельные участки в селе Рыкань с последующей их передачей менеджменту ОАО «Связьстрой-1 »и помощникам этой организации»;

подзаголовок «Не исключено, что руководство предприятий ОАО «Связьстрой-1» и ЗАО «Воронежтелекабель» наносит ущерб государству в виде серьезной неуплаты налогов и непрозрачного ведения бизнеса»;

«Невольно возникает вопрос: неужели при такой выручке 130 миллионов рублей уплаченных налогов – это много? А может, наоборот, мало? А может быть, эта налоговая нагрузка – вызов? Вызов налоговикам, правоохранительным органам, бюджетам всех уровней, региональной власти, включая губернатора А. Гордеева?

Еще большие вопросы вызывает у экспертов среднемесячная начисленная заработная плата для тех самых 2000 работников. Судите сами: в 2009 году она составляла на предприятии 10,4 тыс. рублей, а в 2011 году стала чуть больше – 11,3 тыс. рублей. И это в строительстве! Для сравнения: согласно данным статистики, средняя номинальная начисленная плата в ноябре 2010 г. для Воронежской области составляла 15865 рублей. Как такое может быть? ... Хотя если судить только по официально выдаваемой работникам зарплате, то это предприятие можно было бы отнести едва ли не к отстающим, ведь такой показатель выглядит извинительным разве что для какой-нибудь шарашкиной конторы, едва сводящей концы с концами. В чем же здесь дело?

А вдруг за этим кроется оптимизация налогов? А вдруг труженики предприятия получают дополнительно что-нибудь в конверте, в обход налогообложения? А вдруг в этих таинственных технологиях замешаны «фирмы-однодневки»?»;

«Возникает вопрос: неужели руководитель ОАО «Связьстрой-1» Василий Серафимович Дорошенко не знает о том, что налоговая нагрузка, которую несет его предприятие, заметно ниже среднеотраслевой? Может ли человек, работающий в структуре «Связьстрой 1» с 1973 года и за это время прошедший путь от прораба до генерального директора, не знать всю специфику деятельности компании изнутри? Или, может быть, Василий Серафимович давно уже является генеральным директором лишь номинально, а вместо него «Связьстрой-1» руководят совсем другие люди, новое поколение менеджеров, например, руководитель одной из дочерних структур предприятия, депутат областной Думы Михаил Кирпичев?»;

«P.S. Наши эксперты собрали и продолжают обработку информации о деятельности Дорошенко и Кирпичева. Предполагаем, что это будет интересно и правительству области, и надзирающим ведомствам, и другим структурам, осуществляющим контроль за законностью действий граждан и организаций»;

«В прошлом номере газета «Экономика и жизнь – Черноземье» уже опубликовала результаты журналистского расследования «Дорошенко и Кирпичев – лидеры воронежского социально ответственного бизнеса?». В этой статье была вскрыта нелицеприятная тенденция к оптимизации налогов, реализуемая компанией ОАО «Связьстрой-1» и ее дочерним предприятием ЗАО «Воронежтелекабель»»;

«... На этом сомнительные махинации руководства данных структур не заканчиваются, и ключевые персоны журналистского расследования могут быть также замешаны в схемах незаконного приобретения земельных участков через подставных лиц. В связи с этим логично возникает ряд вопросов. Достоин ли В. Дорошенко того, чтобы считаться топ-менеджером возглавляемой им компании? Достоин ли М. Кирпичев баллотироваться в депутаты Госдумы и в праймериз? А может быть, некоторые подробности их деятельности вполне заслуживают того, чтобы стать предметом пристального внимания со стороны правоохранительных органов?»;

«Но мы смело можем утверждать, что Михаил Кирпичев, работая директором одного из предприятий, входящих в группу компаний «Связьстрой-1», как и его патрон Василий Дорошенко, не является образцом по уплате налогов.

Так, например, при выручке предприятия «Связьстрой-1» в 2010 году в 1,5 млрд. рублей налоговая нагрузка составила лишь 2,4 (при среднеотраслевой свыше 11), в ЗАО «Воронежтелекабель» – 3,4 (при среднеотраслевой свыше 10).

Есть основания полагать, что эти предприятия оптимизируют уплату налогов, и не исключено, что они общались с «фирмами-однодневками». Данные предположения подтверждает то, что при налоговой проверке ОАО «Связьстрой-1» за 2009 год было доначислено 29 млн. рублей. Фактически налоговики заставили предприятие доплатить то, что нужно было уплатить. Обращает на себя внимание и размер ежемесячной средненачисленной заработной платы: по двум предприятиям она составляет порядка 10 тысяч рублей (в ноябре 2010 года среднемесячная зарплата по Воронежской области составляла около 16 тысяч). То есть, при такой низкой официальной оплате труда сказать, что руководители этих бизнес-структур заботятся о своих работниках, тоже вряд ли возможно»;

«Как это ни странно (а может быть, это и совсем не странно, а вполне естественно для обсуждаемых дельцов), такие руководители, как Дорошенко и Кирпичев, не особо утруждаются нормальной, не то что излишне пунктуальной уплатой налогов. Напротив, похоже, что они пытаются сорвать куш везде, где только это возможно»;

«Не может не настораживать и оборотная сторона деятельности этих господ. Как мы уже говорили, это далеко не самые бедные люди, имеющие дома, инфраструктуру, квартиры, дорогие машины – однако официально декларируемые доходы не очень-то сочетаются с тем имуществом, которые у них имеется. Посудите сами: тот же М. Кирпичев получил в 2010 году чуть более 1 млн. рублей доходов (почти как рядовой чиновник средней руки). При этом его доходы складываются не только из зарплаты директора ЗАО «Воронежтелекабель», но и из гешефта от областной Думы и зарплаты от Воронежского государственного технического университета. Получается, что Кирпичев получает официальную зарплату на предприятии, где он является директором, на уровне мелкого индивидуального предпринимателя, торгующего на рынке.

Его патрон, глава, айсберг Василий Дорошенко недалеко ушел от своего подчиненного: его доход составляет чуть более 2 млн. рублей, причем зарплата была получена не только от ОАО «Связьстрой-1» – она складывалась из четырех сегментов, в том числе зарплаты в ООО «Воронежская инвестиционная палата».

Кстати, для экспертов, проводивших журналистское расследование, вообще было удивительно, как при таких документах тот же М. Кирпичев смог получить для своего предприятия кредит в сумме 214 миллионов рублей в «Промсвязьбанке» и «Московском индустриальном банке». Неужели специалисты финансово-кредитных учреждений не обратили внимания ни на заниженные налоги, ни на небольшую оплату труда на этом предприятии? Как специалисты банков пошли на такой риск?»;

«Впрочем, Кирпичев и Дорошенко могут отбиться от фискальных структур, благо для этих целей есть даже депутатский мандат (о совести здесь речи не идет)»;

«Насколько правдива информация о том что, имея выручку за 2010 год более 1 миллиарда рублей, по мнению экспертов делового сообщества, предприятие несет недостаточную налоговую нагрузку»;

«С другой стороны, когда вспоминаешь о том, что это та же самая структура, которая не могла нормально построить даже какие-то гаражи, не вызвав нареканий у прокуратуры, возникает по меньшей мере недоумение»;

«Хватает контрастов и в деятельности дочерних структур предприятия «Связьстрой-1». Похоже, что опыт материнской компании принят ими на вооружение. Взять хотя бы ЗАО «Воронежтелекабель». С одной стороны, его руководитель Михаил Кирпичев – народный избранник, член регионального политсовета партии «Единая Россия».

Он может гордиться тем, что в сентябре прошлого года ему выпала честь побеседовать с губернатором Алексеем Гордеевым. Кстати, во время этой встречи Михаил Иванович рассказывал главе региона о своих планах по установке новой линии на «Воронежтелекабеле», в результате запуска которой на предприятии должны были возрасти налоговые отчисления, увеличиться число рабочих мест.

С другой стороны, показатели финансовой деятельности предприятия за последние два года заставляют в этих словах усомниться. Так, в 2009 году предприятие получило выручку в 287 миллионов рублей и уплатило всего 18 миллионов рублей налоговых отчислений. В 2010 году его выручка увеличилась на 22 миллиона рублей, до 309 миллионов.

Логично было бы ожидать, что и объем уплаченных налогов тоже увеличится – ан, нет: налоги, напротив, сократились на один миллион рублей! При этом среднемесячная начисленная заработная плата на предприятии осталась прежней – 10 тысяч рублей (то есть, в полтора раза ниже, чем в среднем по области). Равно как и новых рабочих мест на нем за год не прибавилось: как в 2009 году работали в «Воронежтелекабеле» 200 трудящихся, так и в 2010 году их число осталось прежним. Более того, о создании новых рабочих мест на предприятии и в этом году знающим структурам до сих пор ничего не известно. Может быть, Михаил Иванович сказал не совсем правду или у него возникли какие-то сложности с выполнением обещанного губернатору?»;

«Невольно возникают вопросы об истоках тех многочисленных контрастов, которые при внимательном рассмотрении не заметить сложно. Итак, с одной стороны перед нами человек с депутатским мандатом, заместитель председателя Комитета Воронежской областной Думы по промышленности, транспорту и связи. С другой – возникает вопрос, не имеет ли в данном случае место ситуация, когда крупное предприятие, не отличающееся особым педантизмом в уплате налогов, решило продвинуть в органы власти своего человека, который бы, во-первых, лоббировал прибыльные проекты, а во-вторых, используя тот же депутатский мандат, обеспечивал

предприятию прикрытие от всяческих проверок, могущих принести ему совершенно ненужные убытки в виде дополнительных налогов.

... журналисты регионального делового издания не могут избавиться от ощущения, что в лице «Воронежтелекабель» они имеют дело с абсолютно закрытой, непрозрачной и не набирающей новых сотрудников структурой».

В подавляющем большинстве этих фрагментов негативная оценка в адрес компаний «Воронежтелекабель» и «Связьстрой 1» выражена скрыто, в имплицитной форме – в виде предположения, гипотезы, версии, что, однако, как уже отмечалось нами выше, не имеет значения для действия закона кумуляции оценки в тексте, поскольку для формирования у читателя оценочного мнения форма его выражения несущественна – важно лишь улавливание читателем общего оценочного знака сообщаемой информации по мере развертывания текста.

Для того чтобы подтвердить действие в данном тексте закона кумуляции оценочной информации, был проведен рецептивный эксперимент [Стернин 2001].

Рецептивный эксперимент – это психолингвистический эксперимент, который позволяет верифицировать (то есть проверить, подтвердить или не подтвердить) конкретные воспринятые реципиентами смыслы текста – как отдельные утверждения, воспринятые и понятые читателем, независимо от того, выражены они в эксплицитной или скрытой форме, так и обобщенный смысл текста – результат интерпретации воспринятого реципиентами содержания текста и общую кумулятивную оценку текста. Кумулятивная оценка непосредственно отражается на формировании обобщающих (результатирующих) смыслов текста.

Участникам эксперимента (250 чел. разного пола, возраста и профессии) была предложена следующая инструкция:

«Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте.

После прочтения любого текста каждый читатель запоминает отдельные мысли (утверждения), выраженные авторами текстов.

В памяти читателя также формируется итоговый (результатирующий) смысл текста, представляющий собой обобщение прочитанного.

Цель нашего эксперимента – выявить, какие мысли (утверждения) авторов текстов Вы как читатель восприняли по прочтении всех текстов.

*Нам важно определить, какая информация **реально передается данным текстом читателю** – как в явной, так и в неявной форме.*

ЗАДАНИЕ

Прочитайте подряд предложенные Вам тексты и отложите их в сторону. Ответьте на вопросы:

1. Какие высказывания из предложенного ниже списка наиболее точно соответствуют выводам, сделанным Вами после прочтения статей как единого текста?

Отметьте в предложенном вам списке галочкой или крестиком те утверждения, которые, по Вашему мнению, наиболее точно передают смысл, сформировавшийся лично у Вас после прочтения текста.

Вы можете выбрать 1 утверждение, несколько утверждений или не выбрать ни одного, если они не отражают Вашего понимания текста.

Вы можете также самостоятельно сформулировать утверждение или утверждения, воспринятые Вами в тексте, и записать их в оставленные для этого свободные строки.

Нас интересует Ваше личное понимание, поэтому все Ваши возможные ответы будут правильными.

2. Какой общий смысл возникает при прочтении статей как единого текста?

Отметьте в предложенном вам списке галочкой или крестиком те обобщенные смыслы, которые, по вашему мнению, наиболее точно передают тот общий смысл, который сформировался у вас после прочтения текста.

Вы можете выбрать 1 смысл, несколько смыслов или не выбрать ни одного, если они не отражают ваше обобщенное понимание текста.

Вы можете также самостоятельно сформулировать смысл или смыслы, воспринятые Вами в тексте, и записать их в оставленные для этого свободные строки.

УТВЕРЖДЕНИЯ

(в список утверждений были включены и некоторые утверждения, содержащиеся в тексте, но не указанные судом)

№№	УТВЕРЖДЕНИЯ В ТЕКСТЕ	Присутствует в тексте
1.	Связьстрой-1 и Воронежтелекабель наносят ущерб государству в виде серьезной неуплаты налогов	
2.	Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель ведут непрозрачный бизнес	
3.	Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель проводят политику оптимизации налогов и не уплачивают налоги в	

	бюджеты всех уровней	
4.	Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель не занимаются благотворительностью, не благоустраивают территории, не помогают детским домам	
5.	Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель неуплатой налогов бросают вызов налоговикам, правоохранительным органам, бюджетам всех уровней, региональной власти, губернатору	
6.	Руководитель Связьстрой 1 Дорошенко знает, что его предприятие не платит налоги	
7.	Фактически фирмой Связьстрой руководит Кирпичев	
8.	Фирма Связьстрой не может нормально построить гаражи, не вызывая нареканий у прокуратуры	
9.	Кирпичев обманул губернатора, что создаст новые рабочие места	
10.	Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель решили продвинуть в органы власти Кирпичева, чтобы он лоббировал прибыльные проекты и прикрывал фирмы от проверок по неуплате налогов	
11.	Воронежтелекабель – абсолютно закрытое, непрозрачное и не набирающее новых сотрудников предприятие	
12.	Незаконная деятельность Дорошенко и Кирпичева представляет интерес для правительства области, надзирающих ведомств и других структур, осуществляющим контроль за законностью действий граждан и организаций	
13.	Газета готова предоставить информацию о незаконной деятельности Дорошенко и Кирпичева	
14.	Руководство компаний занимается сомнительными махинациями	
15.	Дорошенко недостойн быть топ-менеджером Связьстрой-1	
16.	Кирпичев недостойн баллотироваться в Государственную Думу и участвовать в праймериз	
17.	Некоторые подробности деятельности Дорошенко и Кирпичева заслуживают внимания правоохранительных органов	
18.	Кирпичев не должен был участвовать в праймериз и попадать в списки перед выборами в Госдуму	
19.	Кирпичев не реализует на предприятии Воронежтелекабель значимых социальных проектов	
20.	Кирпичев не является активным депутатом	
21.	Кирпичев не ведет благотворительной деятельности, не шефствует над детскими домами и приютами	
22.	Используя работу в общественной приемной «Единой России», Кирпичев уговорил пенсионеров продать участки и не предупредил, что им надо будет платить налоги	
23.	Кирпичев – воплощение всего худшего в воронежском парламентаризме	

24.	Кирпичев не работает в комитете Думы, не старается увеличить поступление налогов	
25.	Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель мало платят своим сотрудникам, не заботятся о них	
26.	Дорошенко и Кирпичев – дельцы	
27.	Кирпичев незаконно получил 90 тыс. р. от областной Думы	
28.	Кирпичев незаконно получил кредит 214 млн. для предприятия	
29.	Кирпичев лоббирует интересы Связьстроя, прикрывает депутатским мандатом ее непрозрачную деятельность	
30.	Кирпичев «здорово постарался в направлении» присвоения «сказочного места» – участков около Рыкании	
31.	Кирпичев организовал и осуществил аферу с перепродажей участков	
32.	Общественная приемная партии «Единая Россия» причастна к афере с земельными участками	
33.	Кирпичев затесался в партию власти и паразитирует на партийном ресурсе, извлекая из него выгоду	
34.		
35.		
36.		
37.		

ОБОБЩАЮЩИЕ СМЫСЛЫ

№№	ОБЩИЕ СМЫСЛЫ ПОСЛЕ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА	Присутствует в тексте
1.	Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель нарушают законы и моральные нормы	
2.	Руководители предприятий Связьстрой-1 и Воронежтелекабель Дорошенко и Кирпичев недостойны быть депутатами	
3.	Предприятиями Связьстрой-1 и Воронежтелекабель должны заняться правоохранительные органы	

Пол М Ж
 Возраст До 25 лет 26-60 лет Старше 60 лет
 Профессия _____

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!»

Полученные результаты были обработаны. Приведем утверждения, в отношении обоих предприятий – ОАО «Связьстрой-1» и ЗАО «Воронеж-телекабель», подтвержденные максимальным количеством испытуемых (некоторые утверждения характеризуют руководителей предприятий, но в контексте имеется в виду деятельность руководимых ими предприятий, а не их личная деятельность как физических лиц):

Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель ведут непрозрачный бизнес	82,2%
Связьстрой-1 и Воронежтелекабель наносят ущерб государству в виде серьезной неуплаты налогов	75,1%
Используя работу в общественной приемной «Единой России», Кирпичев уговорил пенсионеров продать участки и не предупредил, что им надо будет платить налоги	67,1%
Некоторые подробности деятельности Дорошенко и Кирпичева заслуживают внимания правоохранительных органов	66,2%
Руководство компаний занимается сомнительными махинациями	64,9 %
Кирпичев «здорово постарался в направлении» присвоения «сказочного места» – участков около Рыкани	64, 9%
Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель решили продвинуть в органы власти Кирпичева, чтобы он лоббировал прибыльные проекты и прикрывал фирмы от проверок по неуплате налогов	64%
Кирпичев недостоин баллотироваться в Государственную Думу и участвовать в праймериз	64%
Кирпичев организовал и осуществил аферу с перепродажей участков	63,6%
Кирпичев незаконно получил кредит 215 тыс. для предприятия	62,2%
Кирпичев лоббирует интересы Связьстроя, прикрывает депутатским мандатом ее непрозрачную деятельность	62,2%
Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель мало платят своим сотрудникам, не заботятся о них	53,8%
Руководитель Связьстрой 1 Дорошенко знает, что его предприятие не платит налоги	50,7%
Кирпичев затесался в партию власти и паразитирует на партийном ресурсе, извлекая из него выгоду	50,7%

Таким образом, эксперимент подтвердил наличие в спорных текстах следующих конкретных утверждений о фактах или событиях, относящихся к деятельности ОАО «Связьстрой-1» и ЗАО «Воронежтелекабель».

Итоговый список верифицированных утверждений составлен с учетом повторяющихся смыслов, из которых в список включен смысл с наибольшей частотой выбора респондентами; приводятся только утверждения, подтвержденные более чем 50-тью процентами респондентов.

Подтвержденные экспериментом утверждения

1. «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» ведут непрозрачный бизнес

(подтверждено 82,2% испытуемых);

2. «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» наносят ущерб государству в виде серьезной неуплаты налогов (подтверждено 75,1% испытуемых);

3. Неуплата компаниями «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» налогов – это вызов налоговикам, правоохранительным органам, бюджетам всех уровней, региональной власти, губернатору (подтверждено 75,1% испытуемых);

4. «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» уклоняются от уплаты налогов, часть зарплаты выдают в конвертах, в обход налогообложения, используют фирмы – «однодневки» (подтверждено 75,1% испытуемых);

5. Руководитель «Связьстрой» Дорошенко знает, что его предприятие не платит налоги (подтверждено 75,1% испытуемых);

6. Михаил Кирпичев и его патрон Василий Дорошенко нарушают закон в сфере уплаты налогов (подтверждено 75,1% испытуемых);

7. Дорошенко и Кирпичев недоплачивают налоги (подтверждено 75,1% испытуемых);

8. Связьстрой-1 и Воронежтелекабель недоплачивают налоги и используют «фирмы-однодневки» (подтверждено 75,1% испытуемых);

9. Некоторые подробности деятельности Дорошенко и Кирпичева заслуживают внимания правоохранительных органов (подтверждено 66,2% испытуемых);

10. Предприятие «Связьстрой-1» недоплачивает налоги государству (подтверждено 75,1% испытуемых);

11. Налоговики заставили «Связьстрой-1» доплатить налоги (подтверждено 75,1% испытуемых);

12. М. Кирпичев, используя свое положение депутата и партийца, через подставных лиц (пенсионеров-льготников Панинского района) получил земельные участки в селе Рыкань с последующей их передачей менеджменту ОАО «Связьстрой-1» и помощникам этой организации (подтверждено 67,1% испытуемых);

13. Дорошенко и Кирпичев замешаны в схемах незаконного приобретения земельных участков через подставных лиц (подтверждено 67,1% испытуемых);

14. Незаконная деятельность Дорошенко и Кирпичева представит интерес для правительства области, надзирающих ведомств и других структур, осуществляющим контроль за законностью действий граждан и организаций (подтверждено 66,2% испытуемых);

15. Руководство компаний ОАО «Связьстрой-1» и ЗАО «Воронежтелекабель» занимается сомнительными махинациями (подтверждено 64,9 % испытуемых);

16. Предприятие «Воронежтелекабель» решило продвинуть в органы власти Кирпичева, чтобы он лоббировал прибыльные проекты и прикрывал фирму от проверок по неуплате налогов (подтверждено 64%

испытуемых);

17. Кирпичев и Дорошенко, имея депутатский мандат, могут успешно скрыть от фискальных структур свои финансовые махинации (подтверждено 62,2% испытуемых);

18. Кирпичев незаконно получил кредит 214 млн. р. для своего предприятия (подтверждено 62,2% испытуемых);

19. Предприятия «Связьстрой» и «Воронежтелекабель» мало платят своим сотрудникам, не заботятся о них (подтверждено 53,8% испытуемых).

Результаты эксперимента показали, что 19 содержащихся в тексте утверждений подтверждены более чем половиной испытуемых, что однозначно свидетельствует о наличии данных утверждений в тексте и реальном получении выражаемой ими информации читателями текста, независимо от того, выражены ли они в конкретном фрагменте текста в прямой (эксплицитной) или косвенной (скрытой) языковой форме. Большая часть реципиентов, таким образом, однозначно воспринимает данные 19 утверждений как *сообщенную в тексте фактологическую информацию* о фактах или событиях, относящихся к деятельности ОАО «Связьстрой-1» и/или ЗАО «Воронежтелекабель».

Все эти утверждения являются негативно-оценочными.

В эксперименте были также подтверждены три обобщающих (результатирующих) смысла, формирующиеся у читателей при прочтении всех текстов как целого:

Предприятия Связьстрой-1 и Воронежтелекабель нарушают законы и моральные нормы	75,6 %
Предприятиями Связьстрой-1 и Воронежтелекабель должны заняться правоохранительные органы	71,1 %
Руководители предприятий Связьстрой-1 и Воронежтелекабель Дорошенко и Кирпичев недостойны быть депутатами	58,2 %

Все три обобщающие смысла набрали в эксперименте заметно более 50% подтверждений, и все они являются негативно-оценочными. Таким образом, установленной является однозначно негативная оценка предприятий «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» в данном тексте.

Таким образом, в проанализированном тексте действует закон кумуляции оценочной информации: негативная оценка выявляется на протяжении всего текста, что подтверждено более чем 50-тью процентами испытуемых – все конкретные и обобщенные результирующие смыслы текста негативно-оценочны, что формирует общий негативный смысл, характеризующий предприятия «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель» – их деятельность оценивается негативно, они вызывает негативное отношение с моральной и правовой точек зрения.

Общий негативный смысл, формирующийся в сознании читателя в результате кумуляции негативной оценки конкретных утверждений в тексте, обобщает эти конкретные утверждения (прямые и косвенные) и является основой для формирования негативного образа предприятий «Связьстрой-1» и «Воронежтелекабель», что может умалять их деловую репутацию и стать предметом соответствующего иска к авторам текста.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта-Наука, 2007. – 592 с.
 Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. – Воронеж: Истоки, 2011. – 67 с.

О.В. Сухарева

Воронежский государственный университет

**Диатопическая и диахроническая вариативность
 англоязычных вторичных художественных онимов**
(в аспекте лингвокультурной концептологии)

Исследования национальной концептосферы народа и языка как средства доступа к концептуальному содержанию привели к возникновению лингвокультурной концептологии, которая сложилась на стыке лингвокультурного и лингвокогнитивного подходов. В.И. Карасик отмечает, что эти подходы к пониманию концепта не являются взаимоисключающими и «разделение движения вовне и вовнутрь является исследовательским приемом, в реальности движение является целостным многомерным процессом» [Карасик 2004: 11].

В рамках лингвоконцептологических исследований становится возможным посредством языка проникнуть в глубины национального сознания и получить данные о наполнении этнического менталитета представителей определенной лингвокультурной общности. По мнению В.И. Карасика, «лингвоконцептология синтезирует в себе идеи философского анализа познаваемого мира, когнитивного моделирования действительности, культурологического описания этнической и социально-групповой специфики миропонимания, семантического структурирования реальности [Карасик 2009: 4].

Базовой единицей лингвоконцептологии является лингвокультурный концепт, понимаемый как ментальное образование, которое представляет собой фрагмент жизненного опыта человека, «совокупность существенных признаков предмета, «погруженных» в культуру и язык» [Воркачев 2007: 6]. Определяющим в семантике культурного концепта считается образная составляющая, ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций либо прецедентных связей.

В фокусе нашего исследования находятся англоязычные художественные онимы, претерпевающие деривационные процессы вторичного лингвосемиозиса при актуализации культурных концептов (семантическую и словообразовательную деривацию, фразеологизацию). Мы опираемся на широкое толкование понятия «художественный оним» как категории имен собственных, функционирующих во всех сферах художественного творчества человека: фольклоре, литературе, кино и т.д. Данные номинанты национально-специфичны, отличаются подвижностью семантики и, функционируя в определенной лингвокультуре, претерпевают вторичную семиотизацию и обрастают этноконнотациями. Макрокомпонентом этноконнотации является этноконнотат (ЭК), включающий образную составляющую, маркированную признаками-спецификаторами культурно-исторического характера: территориальной /локус/, временной /темпус/ соотнесенности; этноэмотив (ЭЭ); а также признаками, связанными с особенностями функционирования культурного концепта в определенном социуме /социолект/ и определенной сфере употребления /функциолект/ [Быкова 2005: 42].

Особый интерес при исследовании этноконнотированных художественных онимов представляет отнесенность данных языковых единиц к конкретному ареалу культурного пространства (диатопическая вариативность): British English / American English и к определенному периоду времени (диахроническая вариативность).

Сопоставление семантических пространств британского и американского вариантов английского языка позволяет выявить группы актуальных концептов и изучить стереотипы сознания данных лингвокультурных общностей. В ходе исследования британского варианта нами была выявлена тенденция к наиболее частотному функционированию художественных онимов, маркированных признаком диатопической вариативности, репрезентирующих группу концептов «социальная принадлежность» (83%) по сравнению с американским вариантом (17%). Проиллюстрируем это следующими примерами: *Admirable Crichton* – *идеальный слуга, лакей*, в первичной номинации слуга в пьесе Дж. М. Берри «Crichton»; *Sam Weller*, в первичной номинации слуга Мистера Пиквика в романе Ч. Диккенса, во вторичной номинации означает *верный товарищ, слуга*; *Jeeves* – *идеальный слуга*, в первичной номинации безупречный камердинер в произведениях П.Г. Вудхауса; *Lady Bracknell*, в первичной номинации персонаж пьесы О. Уальда «The Importance of Being Earnest», во вторичной номинации *чопорная и самовлюбленная аристократка* (The Factson File Dictionary of Allusions 2009).

В американском варианте преобладает группа концептов «национальная принадлежность» (76%), что свидетельствует о ценности и коммуникативной значимости вербализуемого концепта для американцев: *Ozzie and Harriet*, в первичной номинации герои телевизионного сериала «The Adventures of Ozzie and Harriet», во вторичной номинации означает *идеальная*

американская семья 50-х (Wikipedia); *Arrow smith* – честный американец, в первичной номинации герой одноименного романа Л. Синклера [Американа 1996: 54]; *Aunt Jemima* – рабски покорная негритянка, «женский вариант» дяди Тома (фольклорный персонаж) [Американа 1996: 62].

Еще одним примером может послужить *Jim Crow*, в первичной номинации герой песни, исполнявшейся белыми артистами, старающимися выглядеть и петь как афроамериканцы, во вторичной номинации реализует три коннотативные семемы: K1(1) *a black, negro* [Oxford 1992: 486], *черный, негр*; K1(2) *racist and especially segregationist policies* (Wikipedia), *политика сегрегации и расовой дискриминации*, которые маркированы признаками-спецификаторами /темпус/: /late 1800s upto 1960s/, /локус/: /southern United States/ и признаком /презрительно/, /пренебрежительно/ в ЭЭ. Например, словосочетание *Jim Crow laws* означает *законы конца XIX-начала XX в., принятые законодательными собраниями бывших рабовладельческих штатов и создавшие систему расовой кастовости на юге*, *Jim Crow schools* – *сегрегированные школы в США* [Американа 1996: 475]. *Jim Crow* также актуализирует коннотативную семему K1(3) *ethnic discrimination, especially against blacks by legal enforcement of traditional sanctions*, *дискриминация по расовому признаку, особенно против черных, путем принуждения в соответствии с законодательством или традиционными санкциями* [Merriam-Webster 1999: 295].

В результате словообразовательной деривации онима класса собственных имен существительных *Jim Crow* мы наблюдаем транспозицию: 1) в класс прилагательных *an epithet for both overt and subtle forms of discrimination and segregation* [Merriam-Webster 1999: 295], *антинегритянский, расистский* [Жизнь и культура США 1998: .201] и 2) в класс глаголов *to Jim Crow* – *подвергать сегрегации, проводить расовую дискриминацию*. «*As with racial separation, the idea of keeping people "with their own kind" has nothing to do with combat readiness or stopping harassment. The purpose of Jim or Jane Crow policies is to keep an institutionally inferior group in its place*» [Washington Post 1997, on the role of women in the armed forces].

Диахроническая вариативность вербализованных концептов культуры отражает постоянное изменение и обогащение концептосферы народа, свидетельствует о динамичности концептов, в структуре которых актуализируются признаки, значимые для определенной культуры в соответствующий период развития лингвокультурной общности. Например, *Uncle Tom*, в первичной номинации персонаж произведения Г.Б. Стоу «*Uncle Tom's Cabin*», добродушный пожилой негр, сохраняющий рабскую покорность своим хозяевам, несмотря на унижительное и жестокое обращение [Жизнь и культура США 1998: 372]. Во вторичной номинации данный художественный оним в значении *a dutiful, long-suffering servant faithful to his white master or mistress* (Wikipedia), *исполнительный многострадальный слуга верный своему белому хозяину* маркирован признаком-

спецификатором /локус/: /устар./. В настоящее время негативное отношение к поведению главного героя в условиях усилившейся борьбы против дискриминации в американском обществе привело к тому, что **Uncle Tom** во вторичной номинации реализует коннотативную семему *a black person who seems too respectful to white people or too eager to be accepted in white society* (Longman 1998, с.1457), *презрительное обозначение негра, проявляющего чрезмерное подобострастие по отношению к белым* [Жизнь и культура США 1998: 372]. Данный этноконнотированный художественный оним маркирован признаком-спецификатором /локус/: /США/ и признаком /презрительно/ в ЭЭ. “*In the African-American community, one of the biggest insults you can direct at another African-American, from a historical point of view, is to call them ‘Uncle Tom’ or to imply that they are an ‘Uncle Tom,’*” said Mr. Carter. “*He owes me an apology for basically calling me an ‘Uncle Tom’ but without actually using the term*” [New York Observer 2009].

Следует отметить, что диатопическая вариативность часто выступает в комбинации с диахронической, т.е. этноконнотированные художественные онимы могут быть одновременно отмечены признаками-спецификаторами /локус/ и /темпус/. Единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного (культурного, художественного) смысла находит выражение в термине «хронотоп», получившем широкое распространение благодаря М.М. Бахтину [Культурология. XX век 1998: 289-290]. По его мнению, «существенно хронотопичен язык как сокровищница образов. Хронотопична внутренняя форма слова, то есть тот опосредствующий признак, с помощью которого первоначальные пространственные значения переносятся на временные отношения (в самом широком смысле)» [Бахтин 1975: 404].

Так, **Man Friday**, в первичной номинации персонаж произведения Д. Дефо «Robinson Crusoe», дикарь, который становится другом и помощником Робинзона. Во вторичной номинации **Man Friday** реализует две коннотативные семемы: K1(1) *a loyal and trusted male servant* [Longman1998: 827], *верный, преданный слуга* [НБАРС 2000: 404] и K1(2) *a trusted male assistant, who does many different job sin an office* [Oxford Guide to British and American culture 2005: 285], *a right-hand man* [Merriam-Webster 1999: 342], *компетентный помощник, ассистент, выполняющий поручения в офисе, правая рука*. «*And don't start giving me any of that Man Friday, racial stereotyping, bro!*» «*The reference is, apparently, to Robinson Crusoe's "man" (servant), whom he named "Friday"*» [BNC].

Позднее появились словосочетания **Woman Friday** и **Girl Friday**, во вторичной номинации означающие: (1) *a faithful female servant* [Wikipedia], *верная служанка* и (2) *a girl or woman who is employed in an office to do several different jobs, helping other people* [Wikipedia], *девушка или женщина, выполняющая различную работу в офисе*. Словосочетание Girl Friday маркировано признаком-спецификатором /темпус/: /устар./ в американском

варианте английского языка и маркировано признаком /снисходительно/, /пренебрежительно/ в ЭЭ: *Girl Friday* is a term, now frowned upon, for a resourceful female assistant [Merriam-Webster 1999: 342]. Поэтому предпочтителен вариант *Woman Friday*. Однако в Великобритании выражение *Girl Friday* широко используется и в настоящее время [Wikipedia]. «*Girl Friday/Man Friday – The Job Bank is looking for someone special! We are looking for someone bright with impeccable manners and a firm commitment to Excellence. We want someone of good character and unquestioned integrity...*» (<http://www.ltsemaj.com/joblistings>).

Таким образом, наши наблюдения диатопической и диахронической вариативности позволяют сделать вывод, что признаки /темпус/ и /локус/ являются релевантными смыслоразличительными признаками образной составляющей этноконнотированных художественных онимов. Диахроническая вариативность свидетельствует об открытости и динамичности концептосфер в двух ареалах англоязычного культурного пространства (британском и американском) и тенденциях их развития. Диатопическая вариативность показательна для отражения культурно обусловленных различий англоязычных единиц, функционирующих в условиях существования и развития конкретного языкового коллектива.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407.

Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2005. – 277 с.

Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ГНОЗИС, 2004. – 389 с.

Карасик В.И. Символические концепты // Лингвоконцептология: межвузовский научный сборник. – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 2. – С. 4-11.

Культурология. XX век: энциклопедия: А-Я / Отв. ред. Л.Т. Мильская. – СПб.: Университетская книга, Т.2: М-Я. – 1998. – 446 с.

Использованные источники

Американа: англо-русский лингвострановедческий словарь: свыше 20 тысяч словарных статей / В.Н. Беляков, М.В. Васянин, О.Н. Гришина; под ред. и общ. рук. Г.В. Чернова. – Смоленск: Полиграмма, 1996. – 1185 с.

Жизнь и культура США: Лингвострановедческий словарь / О.А. Леонтович, Е.И. Шейгал. – Волгоград: Станица-2, 1998. – 416 с.

НБАРС – Новый большой англо-русский словарь: В 3 т.: Ок. 250 000 лекс. единиц / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др.; Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна; Спец. англ. ред. Д. Томпсон. – Т. 2: G-Q. – 5-е изд. – 2000. – 828 с.

British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary / A.S. Hornby; Ed. Jonathan Crowther. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 1328 p.

Longman Dictionary of English Language and Culture / Ed. Director Della Summers. – Harlow: Longman, 1998. – 1528 p.

Merriam-Webster's dictionary of allusions / by Elizabeth Webber & Mike Feinsilber. – Merriam-Webster, 1999. – 592 p.

Oxford Guide to British and American Culture – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 533 p.

The Facts on File Dictionary of Allusions / M.H. Manser, D.H. Pickering. – Checkmark Books, 2009. – 532 p.

Wikipedia [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/>

А.А. Талицкая
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

Семантическая сфера геометрических фигур как продуктивный способ языковой репрезентации концепта «смерть»

Концепт «смерть» является базовым культурным концептом, так как его осмысление и языковое воплощение представлены в языковой картине мира любого народа. С позиций обыденного сознания смерть «представляется как нечто негативное..., и потому основной эмоцией, выражающей отношение к смерти, является страх... Смерть часто ассоциируется с темнотой, т.е. отсутствием света, мраком» [Деева 2008: 249].

В творчестве Н.А. Заболоцкого концепт «смерть» обретает дополнительные признаки, отражающие специфику поэтического мироощущения. Категория смерти как «центральная категория мироощущения Заболоцкого является своего рода преломляющей средой, сквозь которую воспринимается действительность» [Кекова 2007: 50]. Активным семантическим комплексом, формирующим определенный аспект в понимании концепта «смерть», служит сфера названий геометрических фигур.

В произведениях поэта название какой-либо геометрической фигуры сочетается с лексемами, репрезентирующими концепт «смерть». Наиболее продуктивно семантическая сфера геометрических фигур реализуется в сборнике «Столбцы». Выбор сюжетных ситуаций в «Столбцах» зачастую предопределен, тем или иным способом связан со смертью. Стихотворения дают картину смерти в разных ее ипостасях.

Так, в стихотворении «Часовой» (1927) одним из действующих лиц становятся мыши. Поэт создает их образ через использование лексемы со сравнительной семантикой: *Мышиные просунулись лица, Похожие на треугольники из мела, С глазами траурными по бокам.* Между лексемами устанавливаются родовидовые отношения, которые можно выразить сле-

дующей пропорцией: лица : глаза = треугольники : траурные. Иными словами, смерть осознается как часть всеобщей геометрии вселенной. Описание мышей строится с помощью приема персонификации: лексема *лицо*, в которой ядерной является сема «человек», употребляется по отношению к представителям животного мира. Использование такого приема становится показателем важной в картине мира Н. Заболоцкого мысли о всеобщем равенстве природы и человека.

Отметим также использование в этом тексте прилагательного *конусообразный*, связанного с геометризацией мира у Н. Заболоцкого: *А часовой стоит впотьмах В шинели конусообразной*.

Фигура треугольника становится в «Столбцах» своеобразным символом смерти, знаком ее прихода. Так, в стихотворении «Черкешенка» (1926) момент смерти напрямую связывается с этой фигурой: *и трупом падает она, смыкая руки в треугольник*. Концепт «смерть» репрезентируется с помощью лексем *труп* и *трупик* (они на *трупик известковый венец построили свинцовый*), причем, на наш взгляд, суффикс *-ик-* имеет уничижительное значение, создающее сниженный образ смерти.

В то же время состояние смерти трактуется как сон, на что указывает использование глагольной лексемы, реализующей указанный смысл: *и спит она...* Поэт актуализирует традиционную метафору «смерть-сон». Подобная двойственность, амбивалентность оказывается свойственна всему миру, неоднозначность восприятия смерти создается с помощью лексемы, эксплицирующей признак «двойной» (*и мир двоится предо мною*), антонимичных цветовых прилагательных (*И я стою – от света белый, я в море черное гляжу*), а также взаимопревращения различных пространственных объектов: *И выплывает вдруг Кавказ... в провал парадный Ленинграда* (идея превращения формируется предлогом *в*), *Нева Арагвою течет* (актуализируется утраченная семантика творительного превращения).

Двойственность тесно связана с образом стихии, *разрывающей тело на части*. В результате возникает традиционное противопоставление верх-низ, которое в стихотворении реализуется через «построение «векторных» стрелок, отсылающих соответственно к телесному верху и низу – голове (фокстрот – популярная женская прическа) и ногам (сапожки)... Текстовая периферия – начало и конец текста – подхватывает «стрелки», исходящие из композиционного центра. В первой строфе множество образов свидетельствует о «приуроченности к верху». Образ вершины горы замещает здесь образ человеческой головы, и в пространстве читательской рецепции происходит совмещение масштабов изображаемого – и антропоморфный образ, и образ ландшафтный» [Лощилов 1997: 180-181].

Треугольник упоминается и в стихотворении «Меркнут знаки Зодиака»: *Ведьма, сев на треугольник, Превращается в дымок*. Смерть в указанном контексте не называется прямо – поэт использует для ее обозначения перифрастический оборот с семантикой превращения, изменения. Такой же

прием встречается в стихотворении «Пекарня» (1928): *И кот, в почетном сидя месте, Усталой лапкой рыльце крестит... И вдруг исчез. Одно болотце Осталось в глиняном полу.* Лексемы *дымок*, *болотце* становятся наименованием нового способа бытия живых существ. Подобная текучесть, изменчивость всего живого является ценностным стержнем поэтического мира Н. Заболоцкого: *Что было раньше птицей, Теперь лежит написанной страницей; Мысль некогда была простым цветком; Поэма шествовала медленным быком* («Метаморфозы», 1937). *И туловище мужика вдруг принимает очертания жука, скатавшего последний шарик мысли...и предки равнодушною толпой сидят в траве и кажутся травой* («Осень», 1932).

Другой геометрической фигурой, связанной со смертью, является пентакль: *На груди пентакль печальный... Словно знак первоначальный Неразгаданных могил* («Царица мух», 1930).

В стихотворении «Болель» (1928) поэт использует названия геометрических фигур при описании состояния больного человека: *Больной, свалившись на кровать, Руки не может приподнять. Вспотевший лоб прямоуголен – Больной двенадцать суток болен... Тут лошадь веки приоткрыла, Квадратный выставила зуб.*

Состояние болезни трактуется как максимально приближенное к смерти, на что указывает глагол модальной семантики *мочь*, употребляемый в отрицательной форме, и количественное числительное, передающее длительность болезни.

В варианте стихотворения «Белая ночь» (1926), не включенном в основное собрание, смена времени суток осознается как гибель, на что указывает использование фразеологического оборота «дышать на ладан», имеющего значение «быть еле живым, умирать (о человеке)»: *а ночь уже на ладан дышит, качается как на весах*, а сама смерть осознается как перевернутость, нарушение привычных норм. Для создания подобного образного представления Н. Заболоцкий использует прием оксюморона, строящегося на сочетании пространственной лексемы *книзу* с лексемой *голова*, в которой ядерной является сема верха: *бегут любовники толпой, один – горяч, другой – измучен, а третий – книзу головой...*

В поэтическом мире «Столбцов» сама жизнь оказывается равной смерти. Рассмотренный прием оксюморона становится в стихотворении «Цирк» (1928) способом создания образа жизни: *И жизнь трещала, как корыто, Летая книзу головой.* Изменчивость, способность к смене одного явления прямо противоположным, всеобщая амбивалентность являются типичными чертами всего мира «Столбцов». В стихотворении «Белая ночь» эта способность реализуется на лексическом и синтаксическом уровнях: с помощью лексемы *меняться*, имеющей значение «становиться иным», и однородных сказуемых *подойти* и *отойти*, связанных повторяющимся сою-

зом *то* и указывающих на прямо противоположные направления движения: *Любовь... меняется местами, то подойдет, то отойдет*.

Индексами двух версий трансформированной реальности: фантастического, нереального мира и мира физически плотского, где взаимоотношения описываемых объектов даны в плане приземленной любовной игры, являются слова *сирены* и *девки*. Эти миры в стихотворении семантически адекватны друг другу, поэтому слова *сирены* и *девки* являются своеобразными контекстуальными синонимами [Кекова 1986].

Представление о состоянии смерти как некой перевернутости, т.е. неправильном состоянии, которое должно быть преодолено, развивается в стихотворении «Ивановы» (1928): *Хлещи широкими волнами И этих девок упокой На перекрестке вверх ногами! Он спит сегодня, грозный мир...*

Сочетание пространственной лексемы *вверх* с лексемой *нога*, содержащей ядерную сему низа, создает эффект оксюморона, подчеркивающий негативное восприятие смерти.

Значимым оказывается и употребление лексемы *перекресток*, так как перекресток традиционно символизирует необходимость выбора, невозможность следовать прежним путем. Смерть начинает восприниматься как этап, ставящий все живое перед определенным выбором. Эту мысль подтверждает и соединение лексем *упокоить* и *спать* в пределах одной поэтической строфы.

Мотив перевернутости в «детском» модусе реализуется в стихотворении «Игра в снежки» (1928): *Один, задрав кривые ноги, Скатился с горки*.

Инверсия верха и низа представляет собой пространственную метатезу (И. Лощилов), которая разворачивается в вертикальном измерении.

В лирике Заболоцкого 1946-1953 гг. понятие геометрической фигуры трансформируется, переходя в более узкое понятие памятника, которое в различных стихотворениях реализуется конкретными лексемами. В стихотворении «Сагурамо» (1947) его воплощением становится обелиск, имеющий геометрическую форму треугольника: *И сердце Ильи Чавчавадзе Гремело так громко и близко, Что молнией стала казаться Вершина его обелиска*.

Лексема *obelisk* содержит периферийную сему «смерть», а использование глагола с семантикой сравнения связывает ее с лексемой *молния*, передающей воздействие природных сил, не подвластных ни человеку, ни времени.

Отметим, что на третьем этапе творчества смерть осознается поэтом как сила, связанная с человеческой памятью, и поэтому воспринимается положительно. На подобную оценку указывает наличие лексем *вершина* (является частью семантической сферы «Верх», традиционно положительно маркированного члена бинарной оппозиции «верх-низ»), *сердце* (одна из основных лексем в лирике Н. Заболоцкого этого периода) и образ грузин-

ского поэта Ильи Чавчавадзе, творчество которого высоко оценивал Н. Заболоцкий.

Другим воплощением понятия «памятник» становится монумент: *Тут летчик у края аллеи Покоится в ворохе лент, И мертвый пропеллер, белея, Венчает его монумент* («Прохожий», 1948).

Концепт «смерть» репрезентируется прежде всего на лексическом уровне: лексемы *мертвый* и *покоиться* содержат ядерную сему «смерть».

Важно отметить, что признаком смерти наделяется не только сам умерший человек, но и предметы, связанные с его профессиональной деятельностью. Мысль о полном прекращении жизни во всех ее проявлениях приводит к появлению идеи общности человеческой памяти, не позволяющей погрузиться в полное забвение всему тому, что уже не существует. Эта идея реализуется в словосочетании *ворох лент*, создающем представление о том уважении, которое оказывают погибшему герою живые люди. Идея множественности выражается словом с количественной семантикой *ворох*.

Высокие смыслы человеческой деятельности, труда в различных его проявлениях (поэтический труд, труд летчика) передаются с помощью глагола *венчать*, который имеет высокую стилистическую окраску, а использование формы настоящего времени усиливает звучание идеи памяти.

В лирике Заболоцкого 1953-1958 гг. понятие геометрической фигуры расширяется до представления об архитектурных сооружениях, реализующих принципы закрытости, несвободы, ограниченности пространства. В стихотворении «О красоте человеческих лиц» (1955) признак мертвенности оказывается тесно связан с признаком холодности, что доказывается совмещением лексем, реализующих эти признаки, в пределах однородного ряда: *Иные холодные, мертвые лица Закрыты решетками, словно темница. Другие – как башни, в которых давно Никто не живет*. Указанные признаки являются основными составляющими образного представления «смерть как тюрьма», создаваемого сравнительными оборотами *словно темница, как башни*, в которых в качестве объекта сравнения выступают лексемы, вступающие с лексемой *тюрьма* в синонимические или тематические отношения.

Воздействие образа тюрьмы усиливают лексемы *решетка* (в контексте стихотворения происходит актуализация периферийной семы «граница»). Кроме того, решетка является обязательным атрибутом тюремного существования) и *закрыть* (содержит ядерную сему недоступности).

Итак, «мертвое» выражение лица делает внутренний мир человека недоступным, не позволяя никому в него проникнуть. Для актуализации указанного признака привлекается также «не-лексема», усиленная за счет соединения с отрицательным местоимением: *Никто не живет*.

Таким образом, названия геометрических фигур в художественном мире Н.А. Заболоцкого являются устойчивым знаком смерти. Восприятие по-этом смерти актуализирует традиционное противопоставление верх-низ. В

«Столбцах» происходит трансформация этой оппозиции, совмещение понятий верха и низа в приеме оксюморона. Результатом такого изменения является образ повешенного вверх ногами или книзу головой. В лирике позднего Н. Заболоцкого происходит возврат к традиционной модели: верх соотносится с такими архитектурными сооружениями, как обелиск, монумент. В лексемах, называющих эти сооружения, актуализируется сема памяти, выражая указание на существование человека после смерти в памяти других людей.

Деева Н.В. Ассоциативно-смысловое поле концепта «смерть» // Концепт и культура: материалы III Международной науч. конф., посвященной памяти д.ф.н., проф. Н.В. Феоктистовой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 247-253.

Кекова С.В. К специфике функционирования слова в поэтическом языке (на материале раннего творчества Н. Заболоцкого) // Функционирование языковых единиц: межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – С. 84-92.

Кекова С.В. Мироощущение Николая Заболоцкого: опыт реконструкции и интерпретации. – Саратов: СГСЭ ун-т, 2007. – 160 с.

Лощилов И. Феномен Николая Заболоцкого. – Helsinki, 1997. – 311 с.

Т.В.Тимошина

Воронежский государственный педагогический университет

Проблема индивидуального в семантике слова

Семантика слова имеет системный, групповой и индивидуальный аспекты.

Системный аспект семантики обычно описывается как системное значение слова – то есть значение, известное (гипотетически) всем носителям языка.

Групповой аспект семантики - это значение слова, функционирующее в определенной социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. аудитории. Например, в жаргоне таксистов *грач* – это пассажир, «голосующий» на обочине, в солдатском жаргоне *дембель* – увольнение в запас, в детской речи *бяка* – это все плохое, *бибика* - машина и под.

Индивидуальный аспект семантики наименее изучен и наиболее разнообразен. Индивидуальный аспект семантики отражает, по крайней мере, следующие семантические явления¹.

¹ В статье использованы материалы проекта «Русское быденное языковое сознание (экспериментальное исследование) на 2010-2012 г. Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», государственный контракт 16.740.11.0118 от 02 сентября 2010 г. под рук. И.А.Стернина, НИЧ 10075.

1. Индивидуальные слова – слова, функционирующие только в речи одного человека, придуманные им. Например, *рассмотреть* (шоколадку) – в значении *съесть*.

2. Индивидуальные значения общеизвестных слов. Например, психолингвистический эксперимент выделяет у значения слова *буробить* - значение *бурить*, *карьерист* – *работающий в карьере*, *тактичный* – *продумывающий ситуацию в военном деле*, *базарить* – *торговать на базаре*, *стебаться* – *обвинять себя*, *подхалим* - *мужчина, который живет за счет женщин*; *хвастун*; *апломб* – *опломбирование печатью* и под.

3. Индивидуальные актуализации значений общеизвестных слов в контексте. Слово актуализируется в речи в определенном актуальном смысле [Стернин 1979: 88-89], который характерен только для словоупотребления данного человека в данном контексте. Таковы, например, индивидуальные метафоры. Например: Не девка – *бритва* (в значении остроумная); девчонки коленки *оскалили* (то есть *показали, обнажили*) и т.д. В идиолекте писателя таких случаев очень много. Актуальный смысл слова в реальном словоупотреблении может включать семы, наводимые контекстом, которые также носят индивидуальный, единичный характер.

4. Индивидуальные компоненты системных значений слов. В языковом сознании отдельного носителя языка могут быть семы, которые отражают только его личное представление о значении слова.

Например, Воронеж – *много ворон, расположен в Волго-Вятском регионе*; облом – *относящийся к Обломову из романа Гончарова*; мат – *жаргонное слово* и под.

5. Индивидуальный набор значений слова (индивидуальный состав семантемы) в языковом сознании индивида. Индивид может знать только некоторые из системных значений слова, а также в его языковом сознании в семантему слова могут входить чисто индивидуальные или групповые значения.

6. Индивидуальная яркость отдельных значений в структуре семантемы, индивидуальная полевая организация семем в семантеме. Индивид может считать главными и важными совсем не те значения, которые считает таковыми остальной языковой коллектив.

7. Индивидуальная частотность отдельных значений в речи. В словоупотреблении индивида отдельные значения могут быть намного частотнее, чем в системе языка, а другие могут быть нечастотными или неупотребительными. Так, в языке писателей частотность значений используемых ими единиц разительно отличается от частотности этих значений в общенародном языке.

8. Индивидуальные реакции на определенные стимулы в психолингвистическом эксперименте

Это реакции, связь которых со стимулом сугубо индивидуальна для испытуемого и непонятна исследователю. Например:

ЗАКОН - мороз, стекло
 БАБСКИЙ – бабник, лето
 МУЖИК - тузик
 БОМБИТЬ –мандарин
 БОРЗЕТЬ – КВН
 ВЕНТИЛИРОВАТЬ – бывший парень
 ВЫВЕСКА – очки
 ГАДЮШНИК – прошло
 ГАСТАРБАЙТЕР – штука
 ДУМА – вещь, блондинка, запара
 АНГЛИЧАНИН – мокрый, голод
 ЖЛОБСКИЙ – с лупой, гладкий, вертеть
 ГНИЛОЙ - неуверенный
 ГРАМОТНЫЙ - дом, экран
 ВЕРТЕТЬ - суета, труба
 КИЛЛЕР - безработный
 НЮХАТЬ - слушать
 ОБАЛДЕННЫЙ - четкий
 ПОДХАЛИМ - в автобусе, видный, ехидно, университет, ух ты!
 ПОЗИТИВ - удивление
 АППЕТИТНЫЙ - оранжевый
 БОУЛИНГ - экватор
 ДЯДЬКА - маршрутка
 ГИБКИЙ – секс
 ГИГАНТ - 5000 лет до н.э.
 ДЯТЕЛ - молодец, тумка, школа
 и под.

9. Индивидуальное восприятие стимула в эксперименте

Например:

СТРАСТЬ – не радость
 ТОЧЕЧНЫЙ – науки
 СЕРВИС – сервис
 КАПАТЬ – накопать
 ЗАКЛЕВАТЬ – окно
 СНОБ – сено, на сене, отдых
 СТРАСТЬ – не радость
 СЕРВИС – сервис
 ЗАГНУТЬ - спину, шайбу
 ПУТАТЬСЯ – темноты
 ПЛАВАТЬ – в лицо
 ПИСК –Гугл, Яндекс

10. Индивидуальные идентифицирующие образы в психолингвистическом эксперименте

Выявляются *объективно-идентифицирующие* и *субъективно-идентифицирующие* образы. *Объективно-идентифицирующие* образы представляют собой актуализацию общественно известных образов. Субъ-

ективно-идентифицирующие образы представляют собой актуализацию образов, известных только одному субъекту – испытуемому.

Примеры объективно-идентифицирующих образов:

АМЕРИКАНЕЦ - Буш, Клуни
 АНГЛИЧАНИН – Стинг, Ш.Холмс
 АФРИКАНЕЦ - Нарцисс Пьер
 КИЛЛЕР - Гоша Куценко
 БОУЛИНГ – «Парнас» (сема предлагается в клубе «Парнас»)
 ИНТЕЛЛИГЕНТ – учитель, профессор
 ГАСТАРБАЙТЕР - таджик, армянин, грузин, молдаванин, абхазцы, вьетнамцы, узбек, я, Азербайджан
 МАСТЕР – кузнец, сапожник, столяр
 ПОДОНОК – Жириновский
 КАРЬЕРИСТ – Путин
 ГЕЙ – Моисеев
 ГЛАМУРНЫЙ – Собчак, Пэрис Хилтон, «Vogue»
 ГЕРОЙ - Робин Гуд, Форрест Гамп, Том Круз, «Крепкий орешек» (персонаж фильма «Крепкий орешек» -Брюс Уиллис)
 БОМЖ – Сифон и Борода
 ГИБКИЙ – Алина Кабаева
 ГИГАНТ – Геракл, Гулливер, Гаргантюа и Пантагрюэль, Змей Горыныч, Кинг Конг, Прометей, Циклоп
 АНГЛИЧАНИН – Джон
 АМЕРИКАНЕЦ - дядя Сэм
 ОБАЛДЕННЫЙ - (фильм) «Аватар»
 ИМПЕРИЯ - Россия, римская, Рим; российская, китайская, Византия, Александр, Наполеон, Петр I, .
 ГОРОД - Москва 18 (Москва 17; столица 1), Челябинск 14, Саратов 8, Горький 6, Пермь 5, Ленинград 4 , Курск 3, Калинин 2 , это Владимир 2 , Лондон 2, Альдопардо, Батуми, Бухара, Гродно, Златоуст, Иерусалим, Клиффорд, Назрань, Новгород, Нью-Йорк, Рига, Талин, Торжок 1.
 ИДЕАЛЬНЫЙ СОБЕСЕДНИК - друг, единомышленник, коллега, любовник, мужчина, похож на Пушкина, преподаватель по профессии, психолог по профессии, собутыльник, родственник, сотрудник, сторонник, читатель и др.
Примеры субъективно-идентифицирующих образов (отсылающих к единичным, субъективно известными отдельным испытуемым лицам):

ИМПЕРИЯ - моя, наша,
 ГОРОД - мой - 12,

ГЕЙ – *Коля, Сергей*
 МУЖ – *мой, Танькин, Леша*
 ТАКТИЧНЫЙ – *Сергея, это я, папа*
 ПОДРУГА – *Иринка, Света*
 АНГЕЛОЧЕК – *Алинка, я*
 БРАТ - *мой, Влад, Игорь*
 ДЫЛДА - *Димка, Лизка, Сережа, Верка*
 КИКИМОРА – *соседка*
 БОТАНИК – *сосед*
 ИДЕАЛЬНЫЙ СОБЕСЕДНИК - *это я, Дима, Женя, Ковалева Анастасия, Насонов Е.В., Олег, Соня, Макс, Влад.*

11. Индивидуальны и отказы в психолингвистическом эксперименте.

На многие стимулы испытуемые дают довольно много отказов.
 Например, из 100 ии:

азер - 45	отродье - 30
апломб - 51	охломон - 27
блажной - 35	паскуда – 28
бодяга - 28	плюрализм - 44
выкрутасы - 27	прижимистый -34
выпендриваться - 24	разбитной – 49
выродок - 28	рафик 29
долбаный - 23	сволочь - 26
дорогуша - 21	силовик -33
забойный - 33	склочник -26
задрипанный – 21	совковый - 36
заскок -27	учудить - 22
клепать 26	хабалка – 22
консенсус -31	ханжа -23
концептуальный - 42	харизма – 27
концепция – 34	чернуха -23
кураж – 27	чучмек – 26
мэтр - 35	шантрапа - 33
наворот - 29	шарашка 30
обломиться – 23	электорат -33
откат-31	элитарный -38
отморозок – 25	

Требуют исследования причины отказов, которые могут быть очень разнообразными:

- незнание значения;
- неумение выразить свою ассоциацию словами;
- *нежелание выразить свое отношение к стимулу в словесной форме;*
- отсутствие опыта употребления стимула в сочетании с другими словами;
- нежелание актуализировать данный стимул в языковом сознании;

- нежелание прибегать к умственным усилиям для словесной реакции, усталость от эксперимента;
- грубость, яркая оценочность, стилистическая сниженность стимула, вызывающая его отторжение в языковом сознании в силу воспитания, культуры речи испытуемого и мн. др.

Замечено, что испытуемые, особенно девушки, часто стесняются сниженной лексики, грубых слов, и нередко просто приводят словосочетания со словом-стимулом, чтобы продемонстрировать свое знакомство со словом, но ассоциативно его не интерпретировать, не подтверждать свое знание значения этого слова.

Обобщая эти причины, можно сделать вывод, что в основном отказы обусловлены *неактуальностью лексемы-стимула в языковом сознании испытуемого*. Если лексема актуальна в смысловом отношении, часто используется испытуемым, известна в составе словосочетаний или фразеологических единиц, она всегда имеет в сознании носителей языка какие-либо лексические ассоциации – хотя бы на уровне сочетаемости. Поэтому отсутствие ассоциативных реакций – свидетельство неактуальности, периферийности данной лексемы в языковом сознании испытуемого или группы испытуемых.

Сфера индивидуального в семантике слова нуждается в систематизации и теоретическом изучении.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979.- 156 с.

М.В. Хорохордина
Воронежский государственный университет

Национально-культурная специфика номинации сценариев

(на материале обозначений австрийских обрядов и обычаев)

Человек, язык, культура – элементы, неразрывно связанные друг с другом, взаимопроникающие и взаимодействующие в культурной памяти носителей языка. Согласно Яну Ассману, культурная память «направлена на фиксированные моменты в прошлом. <...> Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [Ассман 2004: 54]. Культурному воспоминанию присуще и нечто сакральное, фигуры воспоминания, обладая религиозным смыслом, воскрешаются в памяти часто в форме какого-либо праздничного действия. Поэтому одной из функций праздника является обращение к обосновывающему прошлому,

а это не что иное, как коллективная идентичность [Ассман 2004: 55]. «<...> в формировании и сохранении идентичности особое место принадлежит важнейшим элементам этнокультурного бытования: языку, традициям, эстетическим нормам, религии и т.д.» [Быкова 2005: 7]. Каждый из названных элементов играет свою роль и выполняет свою функцию.

В процессе инкультурации и социализации индивид усваивает знания различного характера. С позиций культурно-исторической психологии знания именно *процедурного* характера, или сценарии, служат своего рода руководством к действию. К. Нельсон и Дж. Брунер, занимавшиеся анализом когнитивного развития у детей, пришли к выводу, что «освоение сценариев играет центральную роль в освоении культуры» [цит. по Коул 1997: 151-152]. Существуют различные точки зрения на природу сценария, его места в типологии концептов. Общим является то, что во всех определениях тем или иным образом подчеркивается фреймоподобная структура сценария, обладающая определенным набором признаков (более подробное описание подходов см. в: [Хорохордина 2011: 144-148]). Сценарий, или скрипт, мы определяем как один из способов представления знаний, обладающий такими свойствами, как:

- стандартная последовательность событий, обусловленная некой *рекуррентной ситуацией*;
- конвенциональность;
- резистентность, то есть относительная устойчивость скрипта (сценария) как структуры представления знаний;
- культурная специфичность;
- аксиологичность;
- временная и локальная соотнесенность;
- динамичность.

Наше внимание сосредоточено на исследовании с позиций лингвокультурной концептологии такой формы сохранения и формирования культурной идентичности как обряды, обычаи, традиции. Именно они являются одним из главных звеньев по сохранению и трансляции культурной памяти народа. Знания традиций, обрядов, обычаев – это знания процедурного характера, обладающие всеми вышеперечисленными свойствами сценария.

Немаловажную роль играют и те артефакты, которые являются неотъемлемыми составляющими в процессе проведения какого-либо обряда или обычая. Ведь «психические процессы человека возникают одновременно с новыми формами поведения, в котором люди изменяют материальные объекты, используя их как средства регулирования своих взаимодействий с миром и между собой» [Коул 1997: 131]. При этом данные материальные объекты не только изменяются людьми, но и оказывают, в свою очередь, влияние на людей, их быт, образ жизни.

Нами было проанализировано около 5000 словарных статей, 137 из которых иллюстрируют обряды, обычаи и традиции, атрибуты и участников

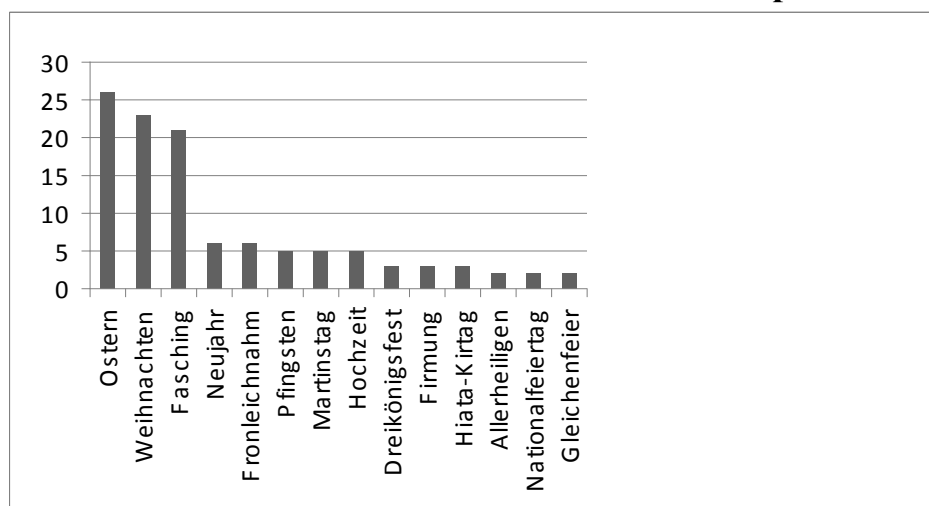
ритуалов одного из фрагментов немецкоязычного культурного пространства Австрии, с целью выявления идиоэтнической специфики способов языкового выражения структур национального самосознания. Критерием отбора материала являлось наличие идентифицирующей семы /праздник/. Было отобрано 99 наименований одного из видов сценариев, что составляет 72% от общего числа выделенных скриптонимов. Под скриптонимами мы, вслед за О.И. Быковой, понимаем «<...> названия ритуализованных действий и соотнесенных с ними обозначений атрибутов и участников ритуалов, обычаев и обрядов» [Быкова 2005: 210].

Для того чтобы определить значимость тех или иных фрагментов действительности – в нашем случае это традиции, обряды и обычаи, – следует определить номинативную плотность, которая является отражением степени концептуализации данных фрагментов действительности [Карасик 2004: 111]. Под номинативной плотностью мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, «детализацию обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик 2004: 112].

Наибольшую номинативную плотность обнаруживают такие группы концептов смыслового поля «праздники», как Ostern (18,9%), Weihnachten (16,7%), Fasching (15%). Наименьший же показатель, 1,4% каждый, обнаруживают Allerheiligen, Nationalfeiertag, Gleichenfeier *праздник подведения дома под крышу* [Муравлева 2003: 195]. Результаты наблюдения представлены в Диаграмме 1.

Диаграмма 1.

Анализ номинативной плотности сценариев

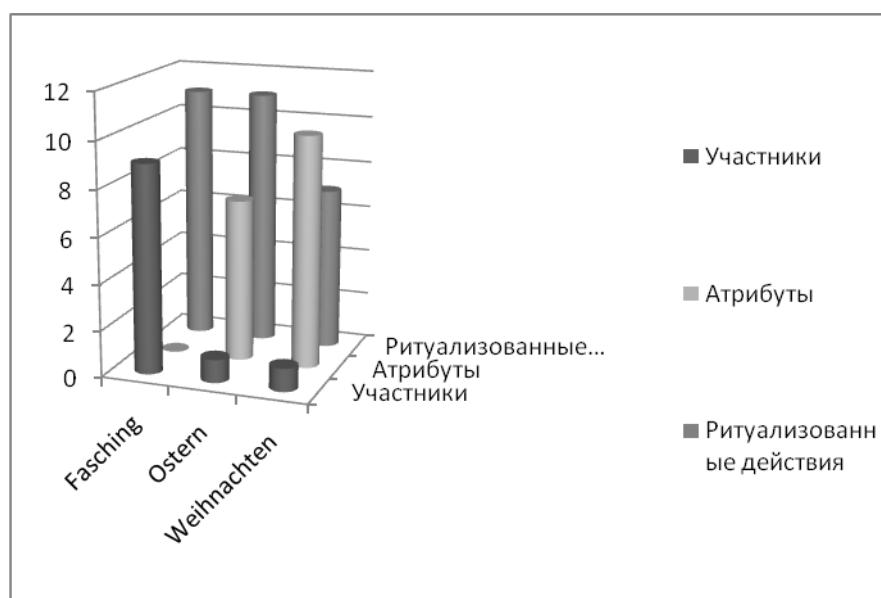

Далее в структуре каждого лингвокультурного концепта были выделены такие слоты с признаками-спецификаторами, как /ритуализованные действия/, /участники действия/ и /атрибуты действия/, специфичные для дан-

ного праздника, и проведен анализ их номинативной плотности с целью установления заполняемости каждого из слотов. Для номинации слотов сценариев «Ostern» и «Fasching» показательна наибольшая номинативная плотность слота «Ритуализованные действия» (57,8% и 55% соответственно), например: *Fleischweihe* освящение пасхальных блюд [Муравлева 2003: 171]; *Аperschnalzen* щелканье кнутом, старинный обычай фашинга, сохранился под Зальцбургом [Муравлева 2003: 39]. Для сценария «Weihnachten» наибольшая плотность номинации обнаруживается в слоте «Атрибуты действия» (55,5%), например: *Weihnachtsgeld* рождественская премия, денежное пособие к Рождеству, выплачивается на предприятиях рабочим и служащим [Муравлева 2003: 614]; «Hausvater» дословно «отец семейства», хлеб в виде младенца. Выпекается в Бургенланде к Рождеству [Муравлева 2003: 222]. Проиллюстрируем полученные данные в Диаграмме 2.

Диаграмма 2.

Количественная характеристика номинативной плотности слотов

Исходя из результатов проведенного анализа, можем предположить, что традиции, обряды, обычаи обнаруживают довольно высокую степень актуальности осмысления для австрийской лингвокультурной общности. Степень номинативной плотности слотов свидетельствует о коммуникативной значимости, важности данной сферы действительности для практической деятельности народа. Как мы могли наблюдать, наибольшую детальность осмысления в структуре исследуемых сценариев обнаруживают слоты «Ритуализованные действия» для вида сценариев «Ostern» и «Fasching», а также слот «Атрибуты» для сценария «Weihnachten». По мнению Г.Г. Слышкина, многообразие знакового выражения может свидетельствовать о древности концепта и «его ценностной значимости в рамках данного языкового кол-

лектива» [Слышкин 2000: 18], что представляется логичным, так как традиции, обряды и обычаи обладают символической функцией и транслируют ценностные ориентиры данного этноса.

Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 386 с.

Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – 277 с.

Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / Н.-и. лаб. «Аксиол. лингвистика». – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. – М.: «Когнитивный Центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 432 с.

Муравлева Н.В., Муравлева Е.Н. Австрия: Лингвострановедческий словарь = Österreich: Realienwörterbuch. – ООО «Русский язык – Медиа», 2003; ООО «Дрофа», переплет, 2003. – 656 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Хорохордина М.В. Скрипт как структура представления знаний лингвокультурной общности // Вопросы германистики и межкультурной коммуникации. – Пятигорск, 2011. – Вып. V. – С. 144-150.

О.В. Четверикова
*Армавирская государственная
педагогическая академия*

Знаки авторства как средства объективации ядерных структур смысловой сферы художника слова

Субъективное отношение человека к миру, сформированное в результате его «столкновений» с реалиями действительности, обуславливает фокус зрения индивида на мир и ведет к созданию целостного, чувственно яркого, индивидуально неповторимого образа мира, который определяет основные черты поведения личности и в процессе речемыслительной деятельности обретает ту или иную форму языкового выражения. Наблюдается соотношение между языковыми средствами, используемыми автором речи, мышлением, сознанием и действительностью.

В эстетической деятельности авторская концепция мира и человека отражает индивидуальные, воображаемые идеи, образы, формирующие художественную, т.е. опосредованную, вторичную модель мира, в которой материализуется существующая в сознании человека когнитивная картина мира. Так, в поэтическом творчестве язык систематизирует внеязыковую

данность, выделяет в ней разные параметры объектов, осваивает соответствующие средства описания физического и духовного мира в фокусе актуального. Следовательно, посредством анализа используемых художником слова языковых средств, особенностей построения текста можно получить доступ к информативной базе творческой личности и составить представление о смысловой сфере автора и его концепции мира.

Смысловую сферу личности составляет система психических образований, представляющих собой результат деятельности субъекта и в специфической форме отражающих ценностные, смысловые ориентации человека (смысловые установки, конкретные мотивы, чувства). Смысловые образования (далее – СО) характеризуются предметностью, функционируют как динамические системы, проявляясь в соотношениях той или иной ситуации к контексту всей жизни личности; имеют полевое строение: ядро (личностно актуальные смыслы) и периферию. В продуктах речемыслительной деятельности СО реализуют свои потенциальные значения в ситуациях, фреймах, когнитивных структурах и имеют типичные для данного индивида формы и способы внешнего проявления («план выражения»). Мировоззрение, специфика образа мира и смысловой сферы личности опосредованы индивидуально-субъектным освоением культуры, где «объединяются в одном представлении (культурном концепте) слова, вещи, мифологемы и ритуалы» [Степанов 2004: 67]. Следовательно, интерпретация авторских текстовых смыслов основывается на описании системы вербальных презентаций ядерных смысловых образований творческой личности (лексических, фонетических, рифморитмических, графических, грамматических), композиционной и коммуникативной организации произведения, с помощью интертекстуализации, что позволит установить доминантные авторские смыслы и ценностные ориентации, выявить и описать знаки авторства художника слова, формирующие уникальность его идиостиля. Актуальный смысл художественного слова определяется его ассоциативными связями, которые концептуально и личностно заданы, подчинены выражению авторского замысла и стимулированы лексической структурой текста. При этом конвенциональное значение слова становится точкой пересечения авторских и читательских личностных смыслов. Смысл в прямом наблюдении недоступен, но всегда определяется через отнесение к более широкому контексту и указывает на предназначение, целевую направленность. Средством опознания смысла выступают и языковые образы, а единое строение образного мира объединяет всех, говорящих на данном языке [Гаспаров 1996: 308-309].

В рамках статьи остановимся на описании системы базовых знаков авторства А.А. Ахматовой, которые мы определяем как константные формально-содержательные и собственно языковые средства маркирования авторской концепции мира и человека, личностных смыслов, художественной оригинальности как способов реализации целостного отношения

творческой речевой индивидуальности к действительности. Выбор темы, композиционные приемы, хронотоп, метафорику, символику и т.п. будем считать формально-содержательными знаками авторства, а единицы разных уровней языка, обнаруживающие в тексте функциональное сходство, назовем собственно языковыми знаками авторства художника слова. Формирование знаков авторства обуславливается спецификой рецепторного восприятия, особенностями мышления, воображения, впечатлениями, фантазиями, ценностными ориентациями личности, ее концепцией мира в целом.

Поэтическая реальность А.А. Ахматовой обусловлена спецификой авторского мировидения. Основу ассоциативной системы поэта составляют частотные, важные в смысловом отношении полисемантические лексемы – ключевые слова, их ассоциаты, связанные с ключевым словом семантически или внетекстовой ситуацией, слова-идеологемы. Ассоциаты раскрывают особенности художественного мышления поэта, его «предметный словарь» и реализуют содержание ядерных смысловых образований личности. Поэтический мир А.А. Ахматовой основывается на сочетании семантических полей «Человек», «Мир природы», «Вещи», «Культура», «Религия», «Память». Мотив памяти, интерпретирующий ядерное СО «жизнь», является залогом непрерывности и преемственности жизни, утверждением реальности собственного существования (*Я вижу всё, я всё запоминаю; Я только петь и вспоминать умею*). Забвение – высшее наказание (*Из памяти твоей я выну этот день*).

Метамотивом поэзии А. Ахматовой становится фиксация мгновения, составляющего само понятие жизни. Поэт говорит о дисгармонии человеческой жизни, об ощущении приближающейся катастрофы, спасение от которой в творчестве и вере. Точное и сжатое описание внешнего мира и душевной жизни лирического субъекта, психологическая мотивированность всех его поступков и переживаний, «романность», предпочтение «фрагмента» связному, последовательному рассказу, афористичность авторских размышлений – базовые формально-содержательные знаки авторства А. Ахматовой. Личностные смыслы актуализируются в компонентах временной парадигмы (*никогда – всегда /навсегда*), которая маркирует модальную сему невозможности изменений в будущем и объективирует эмоцию обреченности.

Лирическая героиня погружена в себя, в свои размышления; встречается с другими персонажами в интерьерах квартиры, в экстерьерах города. То, что ее окружает, – сфера неявного эмоционального резонанса. Как правило, свое внутреннее переживание и философское осмысление Ахматова выносит в символическое описание ночи, в пространство дороги, в ситуацию общения с Музой. Ведущая эмоция объективируется в начале произведения и постепенно развивается, обретая порой эпиграмматическую форму. Собственное состояние говорящего субъекта маркируется когни-

тивными структурами (далее – КС) КС «внутреннее напряжение», КС «стойкость», КС «решимость», КС «чувство собственного достоинства», КС «спасение в творчестве». Стихотворение строится как часть реальной ситуации – как вопрос или ответ, реплика, фрагмент, синтезируемый в целое, чем и объясняется «отмеченность начала» в текстах поэта: в начале первой строки частотны союзы «и», «а», «но», которым нередко предшествует многоточие; разного типа вопросительные и восклицательные фразы, использование глаголов говорения без местоимения и т.д. (*Пророчишь, горькая, и руки уронила; И вот одна осталась я / Считать пустые дни*). В текст вводятся реплики, жест (*подошел, посмотрел, сказал, тронул, улыбнулся, подумал* и т.п.), служащие показателями развития действия и придающие произведению драматичность.

Способ изложения – диалог, описание, повествование. Смысловая доминанта может располагаться в начальной или конечной строке. Рядом стоящие строки часто семантически не согласуются, однако в логическом разрыве, в наличии «непонятных связей» открывается зависимость, притом психологически достоверная. В концовках стихотворений можно встретиться с ничем не подготовленным всплеском потаенного раздумья героини, навеянным природным окружением: *И если в дверь мою ты поступишь, / Мне кажется, я даже не услышу* («Я научилась просто, мудро жить»). Таким образом, поэт разрабатывает новый тип формально-смысловых связей, где нет «пошагового», причинно-следственного изображения человека и мира, где догадки читателя запрограммированы, а единство повествования достигается типологической устойчивостью ситуации – стабильностью ролевого положения персонажей, пространственно-временными параметрами, ёмкостью микродетали (*Протертый коврик под иконой; Не нашелся тайный перстень; Бензина запах и сирени, / Настоявшийся покой*), физическими частностями (прикосновения, мимические жесты, телодвижения), безошибочно проявляющими схему сложившихся взаимоотношений. Сюжет сгущается в одну сцену, обычно представляющую собой внутреннюю речь лирической героини, то покорно-тихой девушки, то неистовой, гордой, сильной женщины, то пророчицы.

Номинативные и предикативные доминанты творчества Ахматовой объективируют миромоделирующую роль мотива жизни-памяти, страдания, творческого и духовного поиска. Так, номинация «вода» расширяет свои семантические «полномочия» и выступает в текстах поэта в качестве репрезентанта мотива смерти (образ Леты-Невы), является символом надежды (*Мне бы неводской воды глоток*), включает в себе разрушительное начало (*...под темным сводом моста / Стынет грязная вода, труп на весенней реке*). Среди лексем, связанных с описанием идеального мира, ключевой является номинация «тень», формирующая ассоциативное поле, в которое входят ассоциаты *призрак, двойник, виденье, отражение*, – всё, что связывается в сознании поэта с жизнью-памятью: *Из прошлого восставши, мол-*

чаливо / Ко мне навстречу тень моя идет («Царскосельские строки»); *И в зеркале двойник не хочет мне помочь* («Когда лежит луна...»). Процесс номинации преследует цель создания семантических вех, что находит свое выражение и в интертекстуальных связях (например, образ Прозерпины). За перечислением предметов обстановки, описанием природы, внешности героев скрываются смыслы, гораздо более сложные, чем те, которые реализуются в прямых номинативных значениях: *Лучше бы на площади зеленой / На помост некрашенный прилечь / И под клики радости и стоны / Красной кровью до конца истечь* («Страх, во тьме перебирая вещи...»).

У Ахматовой наблюдаем активизацию индивидуально-авторских метафор (богомольная печаль, встревоженный февраль, непоправимо милый, весь ты сыгранный на шарманке и т.д.) и случаев, когда слова не образуют переносного значения в малом контексте, но в перспективе художественного целого приобретают образный смысл (кольцо, перстень, розы, осень, зима, сирень, ива, тополь). Регулярными типами реализации образного словоупотребления у Ахматовой являются: а) сравнение: детали внешней обстановки сравниваются с душевными переживаниями героини: *Звенела музыка в саду / Таким невыразимым горем; Словно вся прапамять в сознание / Раскаленной лавой текла*; б) прием контраста: *Заупокойно филины кричали, / И душный ветер буйствовал в саду; Оттого и лохмотья сиротства / Я как брачные ризы ношу*; в) обилие разного рода противительных конструкций и конструкций с частицами «не» и «ни», наречиями со значением отрицания (*Мил сегодня, а завтра далек; Я лопухи любила и крапиву, / Но больше всех серебряную иву*); г) оксюморон (*И весенняя осень так жадно ласкалась к нему; соловей безголосый*); д) окказиональная лексика: *беспомощно-туманный* (взор), *бессонница-сиделка*, *весело-сухие деревья*, *сладостно-покат* (луг); е) инверсия (*Но равнодушно и спокойно / Руками я замкнула слух; Сводом каменным кажется небо*). Предикативные конструкции с наречными конкретизаторами (*жить просто, мудро, трудно, торжественно, на воле, скорбя, по-новому*) и обособленные конструкции с однородными определениями объективируют авторское понимание того, как следует жить: *По-новому, спокойно и сурово, / Живу на диком берегу; Ведь где-то есть простая жизнь и свет, / Прозрачный, теплый и веселый*. Часто встречающиеся слова *душный*, *душно*, *духота* являются и постоянными эпитетами, и словами-символами, объективирующими психофизиологическое состояние говорящего (*И всегда в духоте морозной <...> Жил какой-то будущий гул; в душных стенах задыхался; Было душно от жгучего света*).

Анализ регулярных языковых репрезентаций СО «жизнь» в лирике А. Ахматовой обнаружил, что жизнь эксплицируется поэтом: а) через номинативные доминанты: *путь, круг, память, двойник, тень, любовь, творчество, граница*; б) через оценочные эпитеты: *морозный ветер, дни томлений, жизнь тленная и прекрасная, несбыточная жизнь, пустые дни,*

назначенный круг, дыхание жизни; в) через предикативные доминанты: *жить; жить в последний раз*; г) через сопряженные предикаты: *грустить, ликовать, гостить, сжигать, плыть, помнить, творить, петь*; д) через слова-идеологемы: *небо, сад, память, путь*; е) интертекстуальные связи: *рай, ад, Прозерпина, Муза, Данте*. Архетип жизни у А.А. Ахматовой – память, страдание, служение Музе. Образные репрезентации жизни представлены физиоморфной моделью, маркирующей эмотивные доминанты (боль, грусть, страдание, одиночество): *Дострадать до огня над могилой; Дни томлений острых прожиты*.Arteфактная модель жизни представлена через осмысление жизни как замкнутого пространства (*Наш век на земле быстротечен / И тесен назначенный круг...*). Встречается антропоморфная модель жизни (жизнь-хозяйка): *Все мы немного у жизни в гостях / Жить – это только привычка; слышно, как время идет*; натуроморфная, фототермическая, гидроморфная модели (*Годы плыли, как вода*). В художественном сознании Ахматовой понятие жизни соотнесено с понятием «смерть» (*Но возьму и за Лету с собою / Очертанья живые моих царско-сельских садов*), что маркировано полисемантической и полифункциональной номинацией *сад*, реализующей в разных контекстах семы ‘цвести’, ‘плодоносить’, ‘увядать’. Эмотивная доминанта печали вызвана осознанием конечности земного существования: *...я живу в последний раз. / Ни ласточкой, ни кленом, / Ни тростником и ни звездой, / Ни родниковой водой / Ни колокольным звоном – / Не буду я людей смущать / И сны чужие навещать / Неутоленным стоном* («Pro domo mea»). У поэта модальность смерти – это модальность «тоски смертельной» и примиряющей светлой скорби: все превращается в прах, но «для Бога мертвых нет», ибо бессмертна душа.

Ведущие перцептивные модусы Ахматовой – слух, зрение. Её поэтика характеризуется четко выраженной графичностью: белый – черный цвета. Любимый – белый, обнаруживающий контекстуальную полисемантическую и полифункциональность: *белый дом, белый Духов день, белая стая, белая смерть, белый рай*. Звуковая инструментовка направлена на усложнение и динамическое разворачивание исходного слова-зачина и ритмического импульса. Средством смыслового маркирования является и графика: авторская пунктуация (тире), отточие, многоточие, маркирующее наличие предыстории той или иной ситуации текста. Семантико-синтаксические отношения объективируются точной или неточной рифмой, чаще перекрестной, реже – смежной, обрамляющей, и позиционно разнесенные слова осмысливаются как семантически соотносимые, отражающие своеобразие авторского соединения идей и смыслов: *А я иду – за мной беда, / Не прямо и не косо, / А в никуда и в никогда, / Как поезда с откоса* («Pro domo mea»). Знаком авторства А. Ахматовой является метр «белого стиха», пятистопного ямба без рифмы с преобладающим безударным окончанием, что обычно связано с драматургией, с трагедией. Ритмомелодическая

плавность монолога может нарушаться несовпадением метрической единицы – строки – с единицей смысловой – предложением-высказыванием (enjambement), что оправдано смыслом стиха. Коммуникативные доминанты определяются использованием таких речевых схем, как «Я – Ты»; «Я – Мы»; «Я – Он»; «минус адресант»; частотны безадресные модели. У Ахматовой психологический тип мышления, а тип авторского художественного сознания занимает промежуточное положение между рефлексивным и акциональным, деятельным, но, на наш взгляд, он ближе к рефлексивному. Выделенные нами знаки авторства являются своеобразными координатами творчества Ахматовой и позволяют связать воедино словесное, невербальное и довербальное (замысел) в художественной системе автора.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проспект, 2004. – 992 с.

М.В. Шаманова
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

Психолингвистическое значение лексемы *общаться* в языковом сознании первоклассников

И.А. Стернин и А.В. Рудакова в монографии «Психолингвистическое значение и его описание» выделяют несколько способов описания значений лексических единиц как элементов языкового сознания носителей языка, среди которых:

лексикографическое описание – логически сформулированный лексикографами минимум признаков для узнавания значения слова, ядерные семы слова в представлении лексикографов;

психолингвистическое описание – совокупность семантических компонентов, выявленных или верифицированных экспериментальными приемами разного типа, ранжированных по относительной яркости в языковом сознании носителей языка [Стернин, Рудакова 2011: 13].

Действительно, обращение к толковым словарям русского языка как к материалу для семантического анализа требует ряда уточнений, поскольку лексическое значение слова шире, объемнее словарной дефиниции. Экспериментальное описание семантики языковых единиц дает возможность выявить семантические компоненты, не зафиксированные другими методами и приемами семантического анализа. Кроме того, объем психолинг-

вистического значения существенно различается у людей разного возраста, пола, представителей разных социальных групп и т.д.

Цель данной статьи – описать психолингвистическое значение лексемы *общение* в языковом сознании первоклассников.

Всего было опрошено – 178 человек. Опрос проводился устно. Ответы записывались на диктофон, затем анализировались.

Эксперимент № 1

Испытуемым предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Ты знаешь (ты слышал) слова *общение, общаться*?
2. Что обозначает слово *общение*?
3. Общаться – это что делать?

Результаты эксперимента

Слова *общение, общаться* не знакомы 12-ти учащимся 1-ых классов, один первоклассник «где-то слышал эти слова», но дать толкование им он не смог. Отдельные учащиеся отрицательно отвечают на вопрос: «Знакомо ли тебе слово *общение*?» Однако на вопрос: «Ты общаешься с кем-нибудь?» – отвечают утвердительно (12 чел.).

Лексема *общение* в большинстве случаев определяется первоклассниками через лексему *общаться*: общение – это «когда общаешься с другим человеком», «когда человек общается», «когда люди общаются между собой», «когда один человек общается с другим человеком», «это с ребятами общаться», «когда человек может общаться с другими людьми» (20 человек).

ОБЩАТЬСЯ – ЭТО... разговаривать 44, играть 19, дружить 16, говорить 13, общаться 4, беседовать; знакомиться; с кем-н. говорить 3, говорить с другими людьми; гулять; когда говорят друг с другом; когда человек дружит с другим человеком; когда человек с человеком о чем-то разговаривает; не драться; помогать 2, встречаться с кем-н.; говорить «здравствуйте»; делать что-то; друг другу помогать; друг другу что-то рассказывать; дружить с кем-то; дружить с человеком; здороваться; игра; играть друг с другом; книжки читать; когда вместе говорят; когда два человека говорят друг с другом; когда дружишь с кем-н. и тебе приятно, тебе хочется говорить; когда друзья приходят к тебе; когда дядя с тетей, подружка с подружкой разговаривают; когда люди разговаривают; когда мы разговариваем о школе; когда разговаривают; когда с кем-то говоришь; когда с ребятами разговариваю; когда ты дружишь; когда хорошо разговариваешь с людьми; когда человек доверяет другому человеку; когда человек дружит; когда человек с каким-нибудь человеком знакомится; надо всегда верить другому человеку; надо дружить; не ссориться, не драться; прыгать; разговаривать о чем-н.; разговаривать с кем-то; разговаривать с человеком; разговор; рассказывать; рассказывать что-н.; с другом беседовать; с людьми разговари-

вать; со знакомыми людьми разговаривать; ходить вместе; что-н. говорить; если не будешь ни с кем общаться, станешь молчаливым и можешь заболеть, не будешь ни с кем говорить, и придется к доктору идти, и тогда он только вылечит 1. Всего 160 реакций. Нет ответа, не знаю (при утвердительном ответе на первый вопрос) – 16.

Таким образом, большинству испытуемых знакомы слова *общение, общаться*, определения общению в ходе опроса были даны испытуемыми, в том числе развернутые, описывающие ситуацию, в которой происходит процесс общения.

При обработке экспериментальных данных семантически сходные ассоциаты мы рассматривали как ассоциативную объективацию одного и того же семантического компонента.

Были выделены следующие компоненты значения слова *общаться*:

разговаривать 84: *разговаривать 44, говорить 13, беседовать 3, с кем-н. говорить 3, говорить с другими людьми 2, когда говорят друг с другом 2, когда человек с человеком о чем-то разговаривают 2, когда вместе говорят 1, когда два человека говорят друг с другом 1, когда дядя с тетей, подружка с подружкой разговаривают 1, когда люди разговаривают 1, когда мы разговариваем о школе 1, когда разговаривают 1, когда хорошо разговариваешь с людьми 1, разговаривать о чем-н. 1, разговаривать с кем-то 1, разговаривать с человеком 1, разговаривать с человеком 1, разговор 1, с другом беседовать 1, со знакомыми людьми разговаривать 1, что-н. говорить 1;*

дружить 24: *дружить 16, когда человек дружит с другим человеком 2, дружить с кем-то 1, дружить с человеком 1, когда дружишь с кем-н. и тебе приятно 1, когда ты дружишь 1, когда человек дружит 1, надо дружить 1;*

играть 22: *играть 19, игра 1, играть друг с другом 1; прыгать 1;*

с собеседником 20: *с кем-н. говорить 3, говорить с другими людьми 2, когда говорят друг с другом 2, когда человек с человеком о чем-то разговаривают 2, когда вместе говорят 1, когда два человека говорят друг с другом 1, когда дядя с тетей, подружка с подружкой разговаривают 1, когда люди разговаривают 1, когда с кем-то говоришь 1, когда с ребятами разговариваю 1, когда хорошо разговариваешь с людьми 1, разговаривать с кем-то 1, разговаривать с человеком 1, разговаривать с человеком 1, с людьми разговаривать 1;*

знакомиться 4: *знакомиться 3, когда человек с каким-нибудь человеком знакомится 1;*

протекает без конфликтов 3: *не драться 2, не ссориться, не драться 1, когда хорошо разговариваешь с людьми 1;*

гулять 3: *гулять 2, ходить вместе 1;*

оказывать помощь 3: *помогать 2, друг другу помогать 1;*

приветствовать друг друга 2: *говорить «здравствуйте» 1, здороваться 1;*

испытывать доверие к собеседнику 2: *когда человек доверяет другому человеку 1, надо всегда верить другому человеку 1;*

рассказывать 2: *рассказывать 1, рассказывать что-н. 1;*

испытывать необходимость 2: *тебе хочется говорить 1; если не будешь ни с кем общаться, станешь молчаливым и можешь заболеть, не будешь ни с кем говорить и придется к доктору идти и тогда он только вылечит 1;*

со знакомыми 1: *со знакомыми людьми разговаривать 1;*

с другом 1: *с другом беседовать 1;*

испытывать положительные эмоции 1: *когда дружишь с кем-н. и тебе приятно 1;*

встречаться с кем-н. 1;

делать что-то 1;

друг другу что-то рассказывать 1,

книжки читать 1,

при встрече с друзьями 1: *когда друзья приходят к тебе 1;*

о школе 1: *когда мы разговариваем о школе 1.*

Неинтерпретируемые реакции: *общаться 4.*

Эксперимент № 2

Далее мы попросили испытуемых ответить на вопрос: *общение – какое?* Одну реакцию дали 96 ии, 2 реакции – 17 ии, 3 реакции – 10 ии, 4 реакции – 3 ии.

ОБЩЕНИЕ – КАКОЕ? веселое 50; интересное 27; хорошее 14; разное 12; доброе 9; грустное 6; скучное 5; приятное 4; дружное; злое; плохое; радостное 3; ласковое; полезное; серьезное 2; аккуратное; важное; ты веришь человеку; грубое; гулять; гулять, ходить где-н.; длинное; доверие; дружба; дружеское; дружить; играющее; короткое; любое; неважное; нежное; о динозаврах, о бабочках, о рыбах; о друзьях; о работе, о школе; обычное; по телефону; помогать; простое; развлекательное; можно разговаривать по делам, можно просто рассказать, что было; среднее (поочередно веселое и грустное); ужасное 1. Всего 172 реакции. Отказы – 52.

При обработке экспериментальных данных так же, как и в первом эксперименте, семантически сходные ассоциаты мы рассматривали как ассоциативную объективацию одного и того же семантического компонента.

Были выделены следующие компоненты значения слова *общение*:

веселое 53: *веселое 50; радостное 3;*

интересное 27;

оценивается положительно 18: *хорошее 14; приятное 4;*

доброжелательное 12: *доброе 9; ласковое 2; нежное 1;*

грустное 6;

скучное 5;
 оценивается отрицательно 4: *плохое 3; ужасное 1*;
 на различные темы 4: *о динозаврах, о бабочках, о рыбах 1; о друзьях 1; о работе, о школе 1; можно разговаривать по делам, можно просто рассказать, что было 1*;
 недоброжелательное 3: *злое 3*;
 дружеское 3: *дружба 1; дружеское 1; дружить 1*;
 полезное 2;
 серьезное 2;
 вызывает доверие 2: *ты веришь человеку 1; доверие 1*;
 на прогулке 2: *гулять 1; гулять, ходить где-н. 1*;
 важное 1;
 грубое 1;
 длительное 1: *длинное 1*;
 в процессе игры 1: *играющее 1*;
 короткое 1;
 не важное 1;
 по телефону 1;
 оказывать помощь 1: *помогать 1*;
 развлекательное 1.

Неинтерпретируемые реакции: *разное 12; дружное 3; аккуратное 1; любое 1; обычное 1; простое 1; среднее (поочередно веселое и грустное) 1*.

Далее полученные в результате семной интерпретации результатов двух экспериментов семы были интегрированы: сходные по смыслу семы были объединены, а их частотность суммировалась.

Обобщенное семное описание лексем *общение, общаться* выглядит следующим образом:

Обобщенное семное описание	Семное описание по результатам эксперимента 1	Семное описание по результатам эксперимента 2
разговаривать 84	разговаривать 84	—
веселое 53	—	веселое 53
дружить 27	дружить 24	дружеское 3
интересное 27	—	интересное 27
играть 23	играть 22	в процессе игры 1
с собеседником 20	с собеседником 20	—
оценивается положительно 18	—	оценивается положительно 18
доброжелательное 12	—	доброжелательное 12
грустное 6	—	грустное 6
гулять 5	гулять 3	на прогулке 2
на различные темы 5	о школе 1	на различные темы 4
скучное 5	—	скучное 5
знакомиться 4	знакомиться 4	—
оказывать помощь 4	оказывать помощь 3	оказывать помощь 1

вызывает доверие 4	испытывать доверие к собеседнику 2	вызывает доверие 2
оценивается отрицательно 4	—	оценивается отрицательно 4
протекает без конфликтов 3	протекает без конфликтов 3	—
недоброжелательное 3	—	недоброжелательное 3
приветствовать друг друга 2	приветствовать друг друга 2	—
рассказывать 3	рассказывать 3	—
полезное 2	—	полезное 2
серьезное 2	—	серьезное 2
испытывать необходимость 2	испытывать необходимость 2	—
со знакомыми 1	со знакомыми 1	—
испытывать положительные эмоции 1	испытывать положительные эмоции 1	—
встречаться с кем-н. 1	встречаться с кем-н. 1	—
делать что-то 1	делать что-то 1	—
книжки читать 1	книжки читать 1	—
при встрече с друзьями 1	при встрече с друзьями 1	—
важное 1	—	важное 1
грубое 1	—	грубое 1
длительное 1	—	длительное 1
короткое 1	—	короткое 1
не важное 1	—	не важное 1
по телефону 1	—	по телефону 1
развлекательное 1	—	развлекательное 1

На основе обобщенных данных было сформулированы психолингвистические значения слова *общение (общаться)* в сознании первоклассников в виде связанных дефиниций:

1. Разговор с собеседниками

разговор 84 с собеседником 20 или при встрече 1 с друзьями 1, знакомыми 1, на различные темы 5, по телефону 1, который предполагает знакомство 4, включает приветствие 2, может быть веселым 53, скучным 5, интересным 27, доброжелательным 12, недоброжелательным 3, полезным 2, серьезным 2, важным 1, не важным 1, развлекательным 1, грубым 1, длительным 1, коротким 1, вызывать доверие 4, грусть 6, протекать без конфликтов 3, является необходимостью 2, оценивается положительно 18, оценивается отрицательно 4.

Всего 265 реакций.

2. Совместная деятельность

совместная деятельность 1, прежде всего игра 23, прогулка 5, может быть направлена на оказание помощи 4, быть полезной 2, сопровождается весельем 53, может вызывать интерес 27, грусть 6, скуку 5, быть серьезной

2, протекает без конфликтов 3, оценивается положительно 18, оценивается отрицательно 4.

Всего 153 реакции.

3. Дружеские взаимоотношения

дружить 27, доставляет положительные эмоции 1.

Всего 28 реакций

4. Рассказ

рассказывать 3.

Всего 3 реакции.

5. Взаимосвязь с окружающим миром.

книжки читать 1.

Всего 1 реакция.

Таким образом, психолингвистическое описание показало, что слово *общение* является многозначным, причем ядерной является семема «разговаривать с собеседниками», а в лексикографических описаниях *общение* определяется как взаимоотношения, связь между людьми, указывается только одно значение. Данные, полученные в ходе исследования, еще раз свидетельствуют о том, что экспериментальное описание значения необходимо для установления психологически реальных феноменов языкового сознания носителя языка и лексикографические источники дают данные, не совпадающие с психологической реальностью языкового сознания. Дальнейшие исследования позволят выявить особенности психолингвистического значения у разных групп испытуемых, провести сопоставительные исследования.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: Теоретические проблемы. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

О.Л. Шахбазян
*Кубанский государственный
технологический университет*

Термин как когнитивная единица языка и мышления: общая характеристика лингвистических параметров

(на примере экономической терминосферы языка)

Функциональная терминологическая деривация (терминообразование) представляет собой регулируемый процесс, в отличие от процесса возникновения слов общелитературного языка (слов общего употребления), которое происходит в результате коммуникации людей в обществе в целом.

Процесс создания термина, по мнению многих исследователей, является более сложным, нежели создание общеупотребительного слова. «Если для последнего достаточным можно считать использование одного из существующих способов словопроизводства, то для термина необходимо ещё словесное раскрытие содержания терминологической номинации, т.е. дефиниции понятия. И это входит в словообразующий акт вновь созданного термина, поскольку без дефиниции, без определения границ содержания данного понятия, без выделения тех признаков, которые отделяли бы данное понятие от другого, термин нельзя считать полноценным» [Даниленко 1977: 94].

Создавая (образовывая) термин, следует помнить, что он не только выполняет номинативную функцию, т.е. называет понятие, но и отражает в своей формально-когнитивной структуре это понятие. «Хотя обозначение определённого понятия именно данным словом или словосочетанием — вещь условная, но для специалистов безразлично, каким термином им приходится оперировать, и поэтому термины оцениваются как удачные, не совсем удачные и вовсе непригодные» [Реформатский 1961: 187]. Смысловое значение специального термина (знака) облекается в форму понятия, которое выражается преимущественно в форме имени существительного или в субстантивном словосочетании. «Абстрактные и теоретические объекты ... наук ... очень разнородны и разноплановы, чтобы их денотаты можно было бы чётко классифицировать. В их формировании решающую роль играет среднее звено: умственное представление, понятие, деятельность мозга вообще в контексте всей практической, теоретической и речевой деятельности человека» [Денисов 1974: 187]. Исследование деривации экономической терминосистемы предполагает, в первую очередь, установление лингвистических параметров понятия «термин», так как именно термины являются объектом и результатом терминологической деривации в целом, которая выступает главным фактором эволюции данной терминосистемы.

Термин (от лат. *terminus* — граница, предел) — «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)» [ЛЭС 1998: 508].

По мнению Э.Ф. Скороходько, под научным термином обычно понимается «слово, устойчивое терминологическое словосочетание (или сокращение), которое выражает и в известной степени квалифицирует в данной системе терминологии определённое научное понятие, отражая в своём буквальном значении характерные признаки терминируемого класса предметов и взаимосвязи этого класса с другими с достаточной для взаимного общения точностью» [Скороходько 1963: 31].

Р.Е. Березникова утверждает, что «термины – наименования понятий, отражающие наиболее важные, существенные в системе данной науки свойства классов предметов, процессов или явлений объективной действительности» [Березникова 1978: 42-57].

А.В. Суперанская также отмечает, что существуют различные понимания слова «термин». Так, для логиков термин – «это слово (или комбинация слов), подразумевающее определённую характеристику (или пучок характеристик) и приложимое к известному объекту, обладающему этими характеристиками. Им может быть любое слово данного языка. Термином его делает логический подход к его характеристикам и по возможности чёткое отграничение обозначаемой им понятийной сферы от прочих понятийных сфер, обозначаемых другими словами (терминами)» [Суперанская 1976: 73-83]. Термин в науке и технике, по мнению данного учёного, – «это специально культивируемое слово, придуманное искусственно или взятое из искусственного языка. Сфера приложения такого слова определяется и ограничивается представителями той или иной научной школы. В отличие от терминов общего языка, которыми для логика могут быть любые однозначные лексические единицы, термины науки объединены в терминологические системы иерархически организованных единиц, и своё значение они приобретают лишь внутри этих систем, где им соответствуют логические (понятийные) терминологические поля. Почти каждый шаг в прогрессе науки знаменуется созданием или уточнением научных терминов» [Суперанская 1976: 73-83].

Отметим также позицию В.М. Лейчика, который выдвинул «концепцию языкового субстрата»: учёный предложил выделять в термине языковой, логический и собственно терминологический слои. Термин он определил как «сложное трёхслойное образование, включающее»:

а) естественно-языковой субстрат – материальный (звуковой или графический) компонент структуры термина, а также идеальный (семантический) компонент этой структуры, определяемые принадлежностью термина к лексической структуре того или иного естественного языка;

б) логический субстрат, то есть содержательные признаки, позволяющие термину обозначать общее – абстрактное или конкретное понятие в системе понятий;

в) терминологическую сущность, то есть содержательные и функциональные признаки, позволяющие термину выполнять функции элемента теории, описывающей определённую специальную сферу человеческих знаний или деятельности» [Лейчик 1989: 7].

Исходя из данной концепции, В.М. Лейчик даёт следующее определение термина: «Термин – лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающее общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 1989: 16-17].

Таким образом, многие терминологии рассматривают термин как знак особого типа, который соотносит буквенную (графическую) оболочку со специальным понятием. Специфика дефинитивного описания терминединицы состоит в том, что определение обозначаемого ею понятия осуществляется через соотнесение данного понятия с другими специальными понятиями, что является своего рода отражением терминологической когнитивной системы.

Знать и понимать научное понятие – значит овладеть его содержанием, оперировать его отличительными признаками, что содержится в словарных дефинициях.

Следует отметить, что каждая терминединица имеет вполне определённое место в экономической терминосфере языка, которое непосредственно зависит от локуса, занимаемого обозначаемым им понятием в общей системе понятий. Поэтому необходимо уделять должное внимание классификации терминов и понятий, установлению внутренних связей между ними.

Как показали наблюдения, в языке и логике существует противопоставленность понятий термин – нетермин. По мнению большинства исследователей, именно эта проблема (нечёткость границы между термином и нетермином) стоит сегодня наиболее остро. «Если все дефиниции ... определяют термин как «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания и деятельности» [ЛЭС 1998: 508], то возникает и противоположный вопрос: «Что есть не-термин?» [Комлев 1995: 14]. «Terminus значит «граница», «предел». Следовательно, надо найти, чем термин отграничен от прочих слов и что его ограничивает» [Реформатский 1961: 47].

«Термин – понятие функциональное (т.е. субстанционально являясь словом или словосочетанием, термин отличается от других лексических единиц тем, что исполняет функции знака профессионального понятия)» [Авербух 1986: 28-49]. Термины всегда относятся к определённой области деятельности и обладают не общенародным, а профессиональным значением, поэтому термины не общеизвестны, в отличие от слов.

Естественной средой для термина является, с нашей точки зрения, самостоятельная функциональная разновидность общелитературного языка, традиционно именуемая языком науки. При включении термина в лексику общелитературного языка теряется в значительной мере его функциональная и собственно языковая специфика, утрачивается особый критерий его оценки. Однако изъятие термина из лексики общелитературного языка и анализ его вне определённой языковой системы не совсем логично и также чревато неизбежным искажением фактических процессов, специфических и общих, распространяющихся на терминологию в целом.

Определяют, образуют и отражают лингвистическую сущность и параметральность понятия «термин» следующие признаки, которые базируются

ся на фиксации различий в семантической и логико-понятийной структуре лексических единиц, на противопоставленности их дифференциальных видов:

1) «когнитивная сущность, гносеологическая специфика и интенциональность термина;

2) роль термина в процессах адекватного воспроизведения в сознании субъекта науки максимально полного представления о данном гносеологическом объекте (понятии);

3) его операциональная мобильность в понятийной плоскости: «если нет термина, то невозможно или, во всяком случае, чрезвычайно затруднено оперирование с соответствующими понятиями...» [Дрезен 1936: 14];

4) отнесённость номинативных терминологических функций к научной сфере, а нетерминов – к бытовой;

5) отношения взаимной понятийно-гносеологической гармонии терминов определённого фрагмента научного континуума;

6) отражение процессов и результатов терминообразования в сфере экзистенции и функционирования терминов – в письменном научном тексте – синхронно с моментом появления термина, в то время как факты словообразования, словотворчества находят своё воплощение и фиксацию в более «свободных», менее контролируемых условиях;

7) репрезентация термином (как единицей материализации понятия) концептуально-гносеологического спектра всех информационно-ассоциативных связей и отношений, когнитивных структур с исключительной логической последовательностью, в отличие от других классов лексики (нетерминов) и т.д.» [Буянова 1996: 139-140].

Термин, по мнению специалистов, является единицей, имеющей двойственный характер. С одной стороны, термин обращён к внеязыковой действительности, так как он отражает результаты познавательной деятельности, и в этом смысле его можно считать категорией действительности. С другой стороны, термин обнаруживает интраязыковые свойства, то есть актуализирует полную зависимость от самого языка, субстратом (термин В.М. Лейчика) которого он является, и в этом случае термин – это категория языкознания [Алексеева 2003: 39].

Отмеченные характеристики термина позволяют интерпретировать его как когнитивный знак, функционально предназначенный для категоризации и концептуализации экономической картины мира. Дж. Фолконье отмечал: «Язык – это лишь верхушка когнитивного айсберга. Используя язык, мы неосознанно опираемся на огромные когнитивные ресурсы, вызывая в сознании бесчисленные модели и фреймы» [Fauconnier 1999: 43].

Алексеева Л.М. Лингвистика термина // Лексикология. Терминоведение. Стилистика: Сб. науч. тр. – Москва – Рязань, 2003. – С. 39.

Березникова Р.Е. Место номенов в лексической системе языка // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978. – С. 42-57.

Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в современном русском языке (мета-языковой аспект). – Краснодар, 1996.

Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М., 1977.

Денисов П.Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. – М., 1974.

Дрезен Э.К. Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация. – М., 1936.

Комлев Н.Г. Интержанровые границы термина // Терминоведение / Под ред. В.А. Татарина. – М., 1995. – Вып. 2-3. – С. 14.

Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения. – М., 1989.

Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1998.

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. – М., 1961. – С. 47.

Скороходько Э.Ф. Вопросы перевода английской технической литературы: (Перевод терминов). – Киев, 1963.

Суперанская А.В. Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л., 1976. – С.73-83.

Fauconnier G. Introduction to “Methods and Generalizations”. – URL: www.linguistics.Stanford.edu/Linguistics/1999.

ДИСКУРСИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.П. Конопелько
*Воронежский государственный
педагогический университет*

Специфика использования аббревиатур в современной французской прессе

В течение последних десятилетий аббревиатура получила широкое распространение в различных дискурсах, прежде всего в его профессиональных типах: политическом, медицинском, финансовом и т.д.

В связи с этим представляется актуальным выявить специфику использования различных видов сокращений. Наше исследование выполнено на материале современной французской прессы, так как она отображает практически все стороны жизни: политику, медицину, экономику и т.д.

Язык СМИ, язык прессы, являясь авторитетным источником информации языкового характера для большинства людей, оказывает сегодня огромное влияние на динамику языкового развития и формирование языковых норм. Рассмотрим особенности использования аббревиатур в экономическом, политическом и медицинском дискурсах.

Аббревиатуры в экономическом дискурсе

Для экономического текста, как, впрочем, и для научной литературы в общем, свойственно наиболее четкое и логическое членение текста. Как справедливо отмечают лингвисты, четкость реализуется даже путем выделения частей цифровыми обозначениями. «Во многих монографиях принята система обозначения отдельных значимых отрезков двойными и тройными цифрами, например: 1.0; 1.1;2.31... Такое членение текста происходит из желания автора показать зависимость и подчинение отрезков высказывания. Одновременно в таком членении косвенно вырисовывается сама концепция автора относительно взаимообусловленности выделенных частей» [Лариохина 1979: 253].

Построение любого экономического дискурса происходит, по замечанию Н.М. Лариохиной, по одной и той же схеме: «тезис – аргумент (ы) – вывод» [Там же]. Таким образом, любой экономический текст всегда начинается с выдвижения автором тезиса, где происходит лишь постанов-

ка проблемы, обрисовка ситуации. Следующим шагом является выдвижение аргументов «за» и «против». С помощью представленных аргументов автор приводит читателя к необходимому и логичному, с его точки зрения, выводу. Данная схема может модифицироваться в соответствии с каждой конкретной ситуацией.

В сфере экономики сокращению чаще подвергаются названия организаций, учреждений, связанных с финансово-экономической деятельностью. Что касается типа аббревиаций, то в рассматриваемом дискурсе преобладают инициальные сокращения, реже встречаются композитные и усеченные аббревиатуры. Такие данные были получены после проведенного анализа французских печатных изданий в количестве 41 экземпляра. Приведем примеры:

Dieu sait si j'ai de l'indulgence pour les déviants, les exclus, les parias, les iconoclasts, mais je me désolidarise de toute personne s'attaquant à la SNCF [Le Point 2009: 9];

Défense de l'AMF: la révélation du scandale exigeait une réaction rapide et les agences de presse ont mal interprété le premier message [Там же: 10];

Mauvais départ pour le Pôle emploi, fruit du mariage entre l'ANPE et l'Assedic, dont il est président: une partie du personnel a fait grève lundi [L'Hebdo 2008: 35];

Après quinze ans d'errance, Taslima Nasreen va enfin pouvoir poser ses valises. La ville de Paris vient d'accorder à cette SDF atypique un studio dans l'ancien couvent des Récolettes, une résidence d'artistes située dans le 10-e arrondissement [Le Monde 2009: 38].

Аббревиатуры в политическом дискурсе

Как справедливо отмечает В.З. Демьянков, «общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Демьянков 2002: 34].

Политический дискурс включает в себя следующие вербальные составляющие.

1. Наличие культурологически маркированных, прецедентных текстов, обладающих определенной системой ценностей, которая проецируется не только на носителей языка определенного лингвокультурного пространства, но и на представителей других национальных сообществ. Принадлежность текста к числу политических определяется как его тематикой, так и его местом в системе политической коммуникации.

2. Уникальный набор языковых инструментов (особая грамматика, особые правила лексики, особые акцентно-интонационные структуры), которые используются для выражения определенной ментальности и идеологии, то есть того, что представляет собой определенный политический

язык. Политический дискурс – это актуальное использование языка в социально-политической сфере общения и, шире, в публичной сфере общения [Ракитина 2007: 14].

При анализе аббревиатур, полученных методом сплошной выборки из статей современных печатных изданий в количестве 41 экземпляр, было выявлено следующее обстоятельство: все сокращения, принадлежащие к политическому дискурсу, относятся к инициальным словам (*les sigles*). Самыми распространенными оказались аббревиатуры названий политических партий, например: *PDC – Parti démocrate-chrétien; PCF – Parti communiste français; UDC – Union démocratique du centre; PS – Parti socialiste*.

Приведем другие примеры:

Martine Aubry avait promis du renouvellement (des femmes, des jeunes) au PS [Le Point 2009: 14];

Si le principe de la relance est acquis, ses modalités vont donner lieu à de sévères tractations entre les partenaires de la coalition CDU-CSU, partisans de baisses d'impôts, et sociaux-démocrates, partisans d'allègements sociaux [Там же: 45].

При анализе материала было замечено, что некоторые аббревиатуры, употребляемые во французской прессе, заимствованы из английского языка: *WWF* (одна из крупнейших в мире общественных благотворительных организаций, более 50 лет работающая для охраны природы на всей планете), *ASEAN* (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), так как во французском языке нет названий, аналогичных данным. Кроме того, эти сокращения известны во всем мире и у читателя не возникает сложностей с их расшифровкой.

Les troubles politiques pourraient hypothéquer la tenue de sommet de l'ASEAN, agendé au 15 décembre à Bangkok [L'Hebdo 2008: 48];

Un secret percé par Moia Hartop Soutter et son mari, qui se sont connus au WWF International et y travaillent toujours depuis dix-sept ans [Там же: 56].

И лишь в тех случаях, когда журналист не уверен, что все поймут, о чем он пишет, он расшифровывает аббревиатуру:

L'ONU donne mandat à la Force internationale d'assistance et de sécurité (FIAS) pour intervenir militairement en Afghanistan [Le Monde 2009: 26];

Adopté à l'unanimité par la Conférence des directeurs de l'instruction publique (CDIP) en juin 2007, ce projet a déjà été accepté par les cantons de Vaud, du Valais, de Neuchâtel, du Jura, de Schaffhouse et de Glaris [L'Hebdo 2008: 50].

Аббревиатуры в медицинском дискурсе

В медицинском научном дискурсе в качестве агентов выступают ученые, исследующие здоровье человека, в качестве клиентов института следует назвать ученых, которые используют научную информацию, практикующих врачей. В научно-популярном медицинском журнале консультан-

тами часто выступают доктора и кандидаты медицинских наук, профессора, заведующие научными лабораториями, институтами.

Исходя из особенностей функционального взаимодействия научного медицинского и медицинского дискурсов в пределах журнала, необходимо выделять частные цели этих дискурсов. Так, целью научного медицинского дискурса является выработка и систематизация знаний о здоровье человека. Целью медицинского дискурса является оказание профессиональной медицинской помощи пациенту, осуществляемой с учетом знаний, полученных представителями научного медицинского дискурса.

Реализация данной цели в текстах журналов осуществляется посредством знакомства широкого круга читателей с медицинской информацией. Чаще всего подобная информация носит научный характер. Цель медицинского дискурса реализуется через советы и рекомендации, которые дают врач-консультанты научно-популярного медицинского журнала читателям.

Стратегии медицинского дискурса определяются его целью – оказать квалифицированную помощь пациенту, обращающемуся к представителю данного института. Они связаны с целями научного дискурса и в меньшей степени ориентированы на сотрудничество с пациентом.

Жанрами научного медицинского дискурса являются монография, научная статья, обзор, учебник и т.д. (совпадают с основными жанрами научного дискурса). Жанры собственно медицинского дискурса обусловлены характером коммуникации между представителем института – врачом и клиентом института – пациентом; в научно-популярном медицинском журнале чаще всего встречаются такие жанры медицинского дискурса, как жалоба, диагностирующая беседа, рецепт, рекомендация.

При этом для научного медицинского дискурса свойствен научный стиль речи, а по отношению к медицинскому дискурсу можно говорить о наложении научного, официально-делового стилей и разговорной речи. Использование научного стиля обусловлено тематикой общения, осуществляемого внутри института – здоровье и болезни, что соответствует тематике научного медицинского дискурса. Черты официально-делового стиля проявляются в использовании профессиональных клише (пройти комиссию, пройти врача, выписать процедуры, выписать рецепт, назначить лечение и т.д.). Использование элементов разговорной речи связано с положением участников дискурса, один из которых владеет информацией в большей степени, чем другой, и пытается адаптировать ее средствами разговорной речи. Также использование элементов разговорной речи связано с частными целями представителя института (напугать, заставить, убедить и т.д.).

К особенностям текстов научного медицинского дискурса можно отнести использование терминов, профессиональных клише, описание как доминирующий функционально-смысловой тип речи, резюмирование. Нами было проанализировано 30 печатных изданий. Наиболее распространенными медицинскими аббревиатурами являются названия медицинских ор-

ганизаций, а также названия заболеваний: *HAS*, *SYDA* и т.д. Приведем примеры:

Magic Johnson et le SYDA, le cancer de John Wayne ou de François Silvant, Annie Girardot et la maladie d'Alzheimer, Grégory Lemarchal et la mucoviscidose, tant d'autres, partout, ici et ailleurs, tragiques souvent, utiles toujours [L'Illustré 2008: 3];

Ce qui l'est moins, c'est que les presque accidents sont déclarés à la Haute Autorité de santé (HAS) et les événements graves à l'Institut national de veille sanitaire [Le Point 2009: 55];

Le 24 décembre 2008, le petit Ilyès, 3 ans, meurt à l'hôpital Saint-Vincent-de-Paul, prestigieux centre pédiatrique de l'Assistance publique - Hôpitaux de Paris (AP-HP): une infirmière a commis une erreur en lui administrant un mauvais produit [Там же: 54].

Для рассматриваемого вида дискурса характерно следующее обстоятельство: расшифровываются те сокращения, которые встречаются редко и могут быть непонятны читателям издания.

Таким образом, отличительными чертами использования аббревиатур в современной французской прессе являются следующие:

в экономическом дискурсе:

– сокращению подвергаются названия организаций, связанных с финансово-экономической деятельностью;

в политическом дискурсе:

– наиболее распространенные – аббревиатуры названий политических партий;

в медицинском дискурсе:

– наиболее распространенные – аббревиатуры названий медицинских организаций и заболеваний.

Общим для рассматриваемых видов дискурса является превалирование инициальных сокращений.

Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / Под ред. А.Д. Швейцера. – М: Наука, 2004. – С.132-135.

Гаврилина И.С. Медицинский дискурс и коммуникативные стратегии. – Астрахань: АГУ, 2007. – 125 с.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН. – 2002. – № 3. – С. 32-43.

Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. – М.: Научная книга, 1979. – 217 с.

Ракитина Н.Н. Лингвокультурологические аспекты функционирования аббревиатур в политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск: Изд-во Чел. ГУ, 2007. – 21 с.

Le Point. – №1-12. – 2009.

L'Hebdo. – № 30-49. – 2008.

Le Monde. – № 1-10. – 2009.

L'illustré. – № 40-48. – 2008.

Е.В. Михайлова

Белорусская государственная академия музыки

Лингвистическая объективация образа флейты в поэтическом дискурсе

Флейта – это деревянный духовой инструмент. Она имеет древнее происхождение: «Ее прапрабабушкой была тростинка. Что внушило человеку мысль дать голос тростинке? Ветер ли, что нежно колыхал заросли тростника, или беззаботное пение лесных птиц?» [Шорникова 2010: 41-42]. Флейта может передать звуки, издаваемые ветром, птицами и т.д. Название инструмента «...не случайно происходит от слова *flatus* – дуновение» [Шорникова 2010: 42].

Конструкция рассматриваемого инструмента прошла длительный путь развития: «Возникшая из тростниковой дудки, флейта поначалу была просто деревянной трубкой с отверстиями. В течение многих веков она совершенствовалась, пока не приобрела современный вид. Раньше флейта была продольной, и держали ее в вертикальном положении. Затем появилась так называемая поперечная флейта, которую музыкант держит горизонтально. Этот вид флейты, усовершенствованный в 1832 году немецким мастером Т. Бёмом, постепенно вытеснил продольную...» [Михеева 1996: 153]. Т. Бём не был удовлетворен своей первой моделью: «В 1847 году, после напряженного пятнадцатилетнего труда, выдающийся конструктор приходит к окончательным решениям относительно своей новой флейты: он придает ее каналу цилиндрическую форму с верхним коленом параболического сечения. ... Цилиндрическая флейта Бёма, все более укрепляя свои позиции, постепенно вытесняла старую коническую. Уже в 20–30-х годах нашего (XX – Е.М.) столетия она являлась практически единственным инструментом, широко используемым в сольной, ансамблевой и оркестровой музыкальной практике» [Левин 1983: 103-104]. На этой флейте «... стал извлекаться интонационно точный и сильный звук, появилась возможность свободно воспроизводить трудные на простой флейте звуки третьей октавы и значительно повысились технические возможности» [Инструменты 1984: 76].

Существуют следующие разновидности флейт: «В настоящее время семейство флейт состоит из большой, малой и альтовой флейт» [Инструменты 1984: 76]. В начале XX в. была изобретена басовая флейта, настроенная октавой ниже, чем большая флейта, она «...до настоящего времени не получила распространения в оркестре» [Инструменты 1984: 76]. Малая флейта (или флейта-пикколо) «...наполовину короче обычной флейты и поэто-

му звучит на октаву выше. Ее голос резок и пронзителен. Поэтому флейту-пикколо используют лишь эпизодически, в особых случаях» [Цераши 1979: 30]. Реже, чем малая флейта, используются «...альтовая и басовая флейты; они по размерам больше обычной, и тембр звучания их ниже» [Музыка 2001: 248].

Флейта применяется в симфонических и духовых оркестрах, в камерных ансамблях, а также как солирующий инструмент [Музыка 2001: 248]. Произведения для рассматриваемого инструмента написали выдающиеся композиторы: «Мировой известностью пользуются флейтовые сонаты И.-С. Баха, Г. Генделя, Л. Бетховена, концерты В. Моцарта и Й. Гайдна» [Музыка 2001: 248].

Флейта имела и имеет национально-культурные особенности: «Вряд ли найдется народ, у которого не было бы своей флейты. Испокон веков она была пастушьям инструментом – ее звуками пастухи созывали свои стада. Но она была и участницей ритуальных обрядов и празднеств в Древнем Египте, Месопотамии, у исконных обитателей Америки, Африки, Индии. В Древней Греции была распространена многоствольная флейта – флейта Пана, или Сиринкс» [Шорникова 2010: 42], «В русской музыкальной культуре издавна известны несколько типов флейтовых инструментов, употреблявшихся под названиями: *свирель*, *сопель*, *сиповка*, *суповка* и др.» [Коледа 2003: 206]. К.А. Вертков так характеризует русские народные духовые (флейтовые) инструменты: «*Кувиклы*, *кугиклы*, *кувички*, *цевница* – многоствольная флейта типа флейты Пана. В отличие от нее у русских кувикл стволы между собой не скреплены, их свободно держат в руке» [Вертков 1975: 33]. Образ такого интересного инструмента отражен в поэтическом дискурсе.

Флейта часто упоминается в стихах древних и современных поэтов. Ее образ широко представлен в восточной поэзии. О ней упоминают, например, следующие китайские поэты: Лю Линсянь в стихотворении «Сострадаю Цзеюй», передавая воспоминания о том, что было давно, и положительное отношение к поэтессе Бань Цзеюй («*Голос флейты возник вдалеке // И по ветру донесся в окно*» [Китайская 2003: 37]); Ли Бо в стихотворении «Флейты печальные звуки...», говоря о «...знатной особе императорского двора; будучи в разлуке с любимым, она тосковала и пела печальную песню о своем одиночестве» [Китайская 2005: 322] («*Флейты печальные звуки // Сон оборвали счастливый*» [Китайская 2003: 39]); Сюэ Тао в стихотворении «Кумирня Чжуланмяо», рассказывая о Чжуланмяо (Чжуванмяо) – храме в провинции Сычуань [Китайская 2003: 566] («*Из деревни, что над рекой, // Звуки флейты послышались вдруг. // И замолкли. То песня была, // Лана доблести славились в ней*» [Китайская 2003: 80]); Оуян Сю в «Строфах об озере Сиху», выражая свое восхищение озером Сиху, расположенным «...на территории нынешнего уезда Фуян провинции Аньхуэй» [Китайская 2003: 551] («*Хорош Сиху, когда вокруг // С запа-*

сами вина // Под трели флейт и рокот струн // Даль бороздят челны...» [Китайская 2003: 195] и др.) и др.

Флейта описывается поэтами в самых разнообразных ситуациях. Так, Н.А. Заболоцкий в стихотворении «Бетховен» пишет о музыке великого немецкого композитора, которая преображает все: *«В рогах быка опять запела лира, // Пастушьей флейтой стала кость орла»* [Стихи 1982: 64]; Л.С. Первомайский в стихотворении «Мост» – о бое в грозу, образ которого дополняется при помощи музыки, исполняемой на духовых инструментах: *«С ума сводила музыка, а гром, // Что не был предусмотрен в партитуре, // Боролся с флейтами и вырастал потом // Крутой стеною нараставшей бури»* (пер. с украинского П. Карабана) [Стихи 1982: 77]; Я.Л. Белинский в стихотворении «Оркестр» – о различных инструментах, в том числе и о флейте: *«Как сквознячок прохладным летом // свистит, пронизывая зданье, // так сквозь кленовый домик флейты // летит живой души дыханье»* [Стихи 1982: 79]; Е.М. Винокуров в стихотворении «Оркестр» – о флейтисте, его попытке исполнения ноты и оркестре: *«Флейтист был робок. // Словно флягу, // Поднявши флейту в вышину, // Как в зной по капле цедят влагу, // Он ноту пробовал одну»* [Стихи 1982: 139].

Анализируемый музыкальный инструмент представлен в поэтических произведениях и вместе с другими инструментами. П. Верлен употребляет слово *флейта* в сравнении, давая советы поэтам в стихотворении «Искусство поэзии»: *«Ищи оттенки, не цвета, – // Есть полутон и в тоне строгом. // В полутонах, как флейта с рогом, // С мечтой сближается мечта»* (пер. с французского В. Левика) [Стихи 1982: 212]. В.Ф. Боков использует слова, обозначающие музыкальные понятия, при создании образа любимой и выражения музыки в душе лирического героя в стихотворении «Музыка»: *«Без свирели, без флейты, без скрипки, // Без певучести соловья // Что бы значили эти улыбки, // Что везде караулят меня?»* [Стихи 1982: 90]; Я.А. Халецкий – при формировании образа оркестра в стихотворении «О, если б вы знали...»: *«О, если б вы знали, // Как нежен фагот, // Какая душа у рояля! // И флейта, влюбленно вздыхая, // поет – // Быть может, вы тоже слышали?»* [Стихи 1982: 111]; Ю.Д. Левитанский – при объективации образа музыки в стихотворении «Музыка, свет не ближний...»: *«Это чередованье // флейты и бубенца. // Это очарованье // дудочки и скворца»* [Стихи 1982: 122]; Ю.В. Друнина – при описании звучания инструментов (и его прекращения) во время похорон комдива в стихотворении «Прощание»: *«Тихо плакали флейты, рыдали валторны, // Дирижеру, что Смертью зовется, покорны. // И хотелось вдове, чтоб они замолчали – // Тот, кого провожали, не сдался б печали»* [Стихи 1982: 131] и др., *«Чутко замерли флейты, застыли валторны, // И молчали, потупясь, две женщины в черном»* [Стихи 1982: 131]; А.В. Преловский – при передаче своеобразных звуков – музыки деревянной // северных городов – в стихотворении «Поющее дерево»: *«Днем зазвучат просторно // по берегам реки // флейты,*

альты, валторны, // струны, мехи, рожки» [Стихи 1982: 171]; А. Кравченко – при описании ударного и духовых инструментов в стихотворении «Гремят литавры – хорошо!»: *«Наверно, оба хороши. // Наверно, оба допустимы: // и трубы звонкие для Рима // и просто флейты для души»* [Стихи 1982: 190].

Л.А. Латынин в стихотворении «Вариация» эксплицирует образ флейты при повествовании о флейтисте и его бессмертной песне в стихотворении «Вариация»: *«Всё в срок назначенный приходит: // И первый снег и первый лист. // Смотри, как высоко флейтист // Свою мелодию выводит. // Он тоже знает: срок истек // И жизнь причалена к покою, // И нежно тлеет под рукою // Прощальной песни уголек»* [Стихи 1982: 191]. А. Белый в отрывке из поэмы «Первое свидание» рассказывает о симфонических концертах Московского отделения Русского музыкального общества; среди различных инструментов оркестра упоминаются флейты: [дирижер Сафонов] *«И после, из седых усов // Надувши пухнувшие губы // На флейт перепелиный зов, – // Приказ выкидывает в трубы...»* [Музыка 1985: 133]. С.А. Есенин в стихотворении «Море голосов воробьиных» передает грустную музыку, которую исполняют на флейте, как созвучие состоянию влюбленного лирического героя: *«Сам я не знаю, что будет. // Близко, а может, гдей-то // Плачет веселая флейта»* и др. [Есенин 1983: 302]. В.А. Рождественский в стихотворении «Музыка в Павловске (Девятисотые годы)» описывает зрителей, дирижера, инструменты и т.д. на концертах в Павловском вокзале, на которых он бывал в юности: *«О, флейты Шуберта! С откоса // Сквозь трубы и виолончель // Летите в мельничьи колеса, // Где лунно плещется форель, // Взрывайте, веселы и живы, // Мир зла, обмана и измен, // Стучите, как речитативы // Под кастаньетами Кармен!»* [Музыка 1985: 148-149]. Э.Г. Багрицкий во вступлении к поэме «Сказание о море, матросах и Летучем голландце» употребляет лексику со значением 'музыка' при создании образов оперы «Летучий голландец» Р. Вагнера: *«Замедлено движение земли // Развернутыми нотными листами. // О флейты, закипевшие вдаль, // О нежный ветер, гудящий под смычками...»* [Музыка 1985: 156]. В.М. Инбер в поэме «Пулковский меридиан», написанной во время Великой Отечественной войны в Ленинграде, упоминает флейту при рассказе о Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича: [Муза] *«Чтобы согреть симфонию Седьмую, // Дыханьем раздувала очажок. // И головешка с нежностью веселой, // Как флейточка, высвистывала соло. // Любитель музыки! Пожалуй, в ней ты // Увидел бы, в игре ее тонов, // И впрямь порханье светлых клапанов // По угольному туловищу флейты, // И то, как, вмиг ее воспламеня, // По ней перебегают трель огня»* [Музыка 1985: 182-183].

В поэзии О.А. Седаковой часто встречаются образы различных музыкальных инструментов. В стихотворении «Китайское путешествие» поэтесса излагает свои впечатления о Китае; пишет она и о флейте, создан-

ной самой природой и включенной в созвучия в «возможном мире»: *«Флейте отвечает флейта, // не костяная, не деревянная, // а та, которую держат горы // в своих пещерах и щелях, // струнам отвечают такие же струны // и слову слово отвечает»* [Седакова 2005: 254].

Таким образом, в поэтических произведениях образ флейты объективируется следующим образом: флейта, помимо способности зазвучать (А.В. Преловский), лететь, взрывать, стучать (В.А. Рождественский), закипеть (Э.Г. Багрицкий) и высвистывать (В.М. Инбер), наделяется способностями вздыхать, петь (Я.А. Халецкий), плакать (С.А. Есенин, Ю.В. Друнина) и отвечать (О.А. Седакова). Если первый глагол характеризует ее как музыкальный инструмент (глаголы *лететь*, *взрывать*, *стучать*, *закипеть* метафорически обозначают звучание), то четыре последних передают действия, присущие только одушевленному существу.

Флейта издает различные звуки (Ли Бо, Сюэ Тао), трели (Оуян Сю); обладает голосом (Лю Линсянь); может быть веселой (С.А. Есенин, В.А. Рождественский) и живой (В.А. Рождественский); сравнивается с флягой (Е.М. Винокуров); у нее имеется *кленовый домик* (Я.Л. Белинский) и *угольное туловище* (В.М. Инбер); ей присущ *перепелиный зов* (А. Белый) и др. Данные словосочетания и тропы эксплицируют звучание флейты, особенности исполнения музыки на ней и ее конструкцию. Представлена пастушья флейта (Н. Заболоцкий), а также костяная и деревянная флейта (О. Седакова). Флейта описывается совместно с рогом, свирелью, скрипкой, фаготом, роялем, бубенцом и др.

Флейта у исследованных поэтов предстает как инструмент, способный выразить тончайшие оттенки чувств и настроений, играть в сочетании с различными инструментами. А. Кравченко употребляет словосочетание *флейты для души*. Оно прекрасно передает значение музыки, исполняемой на этом инструменте: флейта важна для внутреннего мира любого человека, а в поэзии – для автора или лирического героя произведения.

Вертков К.А. Русские народные музыкальные инструменты / Общ. ред. С.Я. Левина. – Л.: Музыка, Ленингр. отд-ние, 1975. – 280 с.

Есенин С.А. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Правда, 1983. – Т 2: Поэмы. Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1910–1925). Отрывки, наброски, экспромты, шуточные стихи. – 400 с.

Инструменты духового оркестра: Инструментоведение: учеб. пособие / Сост. Б.Т. Кожевников. – М.: Музыка, 1984. – 144 с.

Китайская классическая поэзия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 352 с.

Китайская лирика; пер., предисл., коммент. М. Басманова. – СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – 580 с.

Коляда Е.И. Музыкальные инструменты в Библии. – М.: Издательский Дом «Композитор», 2003. – 400 с.

Левин С.Я. Духовые инструменты в истории музыкальной культуры: в 2-х ч. – Л.: Музыка, 1983. – Ч. 2. – 192 с.

- Михеева Л. Музыкальный словарь в рассказах. – М.: ТЕРРА, 1996. – 176 с.
- Музыка в зеркале поэзии: [Сб. стихов: в 3-х вып.] / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Каца. – Л.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1985. – Вып. 1: «...Нам музыка звучит». – 240 с.
- Музыка: Энциклопедия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 287 с.
- Седакова О.А. Путешествие волхвов. Избранное. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Логос, Итака, Русский путь, 2005. – 272 с.
- Стихи о музыке. Русские, советские, зарубежные поэты: [Сборник] / Сост. А.Н. Бирюкова, В.М. Татаринцев; под общ. ред. В. Лазарева. – М.: Сов. композитор, 1982. – 224 с.
- Цераши Х. Виолончель, контрабас и другие музыкальные инструменты / Пер. с нем. В. Шнитке. Стихи Я. Серпина. – М.: Музыка, 1979. – 72 с.
- Шорникова М. Музыкальная литература: музыка, ее формы и жанры: первый год обучения: учебное пособие. – Изд. 13-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 186 с.

В.Н. Пугач
*Борисоглебский государственный
педагогический институт*

Глаголы говорения в структуре вторичного дискурса диалогов в романе Б. Акунина «Алтын-толобас»

Термин «дискурс» на протяжении нескольких десятилетий используется лингвистами наряду с термином «текст». Однако до настоящего времени среди учёных нет единства в его понимании и проблема различения понятий «текст» и «дискурс» остаётся одной из актуальных. В понимании названных терминов мы следуем за М.К. Бисималиевой, которая, обобщив различные точки зрения, пришла к заключению, что понятие «дискурс» связано с анализом языкового отрезка как процесса с учётом участников этого события, их знаний, сложившейся ситуации общения; понятие «текст» связано с анализом языкового отрезка как продукта, и здесь внимание обращается главным образом на формальные средства связи его частей» [Бисималиева 1999: 81-82]. Мы принимаем во внимание детальное рассмотрение понятия «дискурс» в Лингвистическом энциклопедическом словаре, и в частности, указание, что дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи (мимику, жесты) [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 137]. Весьма логичным представляется нам и вывод Н.В. Петровой (взявшей за основу представление Н.Л. Фэйрклау о соотношении текста и дискурса): «Текст есть продукт процесса порождения и интерпретации. Дискурс представляет собой динамический процесс, частью которого является текст. Таким образом, анализ текста – это есть лишь часть анализа дискурса» [Петрова 2003: 129].

В настоящей статье мы анализируем диалоги в романе Б. Акунина «Алтын-толобас» (по электронным подсчётам они занимают в этом произведении значительную долю текста – 39%) с целью выявить, как посредством текста читатель «погружается» в дискурс разыгранной автором диалоговой ситуации. Обращение к Б. Акунину обусловлено популярностью его произведений. Выбор романа произволен.

Нам представляется, что текст диалога в художественном произведении является частью не просто дискурса, а двойного дискурса. В устном диалоге говорящий и адресат вовлечены в ситуацию, порождение и понимание дискурса происходит синхронизированно, взаимопонимание достигается не только посредством слов, но и с помощью жестов, мимики, интонации. Диалоговые ситуации в художественном произведении, разумеется, выдуманы автором, но моделируются на основе жизненных сценариев и «по этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или других условиях, определяющих необходимый темп речи, степень её связности, соотношение общего и конкретного, нового и известного, субъективного (нетривиального) и общепринятого, эксплицитного и имплицитного в содержании дискурса [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 137]. Дискурс диалога между самими героями (их слова, жесты, мимика, чувства и эмоции, переживаемые в диалоговой ситуации, понимание друг друга в процессе общения) мы рассматриваем как *первичный дискурс* диалога в художественном произведении.

В то же время писатель, передавая на письме разыгранную им диалоговую ситуацию, стремится донести её дискурс до читателя, привести читателя к видению и пониманию, созвучному авторскому. Иными словами, передавая словесными средствами диалог героев (первичный дискурс), автор одновременно вступает в диалог с читателем, что позволяет говорить о *дискурсе вторичном*, а в целом – о *двойном дискурсе* диалога художественного произведения.

Фазиль Искандер сказал: «Главное удовольствие от искусства, которое мы испытываем, – это радость узнавания». А узнавание, как известно, – это результат сличения нового с прежним опытом. Глубокую мысль Ф. Искандера в связи с текстом и вторичным дискурсом диалогов в детективах Акунина мы интерпретируем следующим образом: детективы Акунина захватывают читателя, поскольку в словах, поступках, переживаниях героев он испытывает радость узнавания своего жизненного опыта – знакомые мысли, испытанные чувства, ощущения, эмоции. И такое узнавание, безусловно, не самопроизвольно: оно «запрограммировано» писателем. Для этого недостаточно прописать только реплики участников диалога. Диалог должен стать для читателя «видимым и слышимым», чтобы способствовать ментальным процессам – сначала узнаванию читателем типо-

вых ситуаций и своего коммуникативного опыта, а затем пониманию, которое задаётся автором с помощью определённых языковых средств.

Какие же языковые средства использует Б. Акунин для того, чтобы первичный дискурс стал «зримее», доступнее, понятнее и только в этом случае интереснее для читателя? Рамки статьи, безусловно, не предполагают исчерпывающего анализа всех языковых средств, поэтому объектом нашего рассмотрения являются глаголы говорения в авторских комментариях к репликам из диалогов героев. Доминантной среди таких глаголов стала, как и следовало ожидать, видовая пара стилистически нейтральных глаголов *говорить* – *сказать*. Однако эти нейтральные глаголы редко встречаются в тексте «Алтын-толобас», не будучи распространёнными. В частности, выявлен следующий ряд сочетаемости у глагола *сказать* – *искренне, убедительно, деловито, нервно, горько, весело, обиженно, прочувствованно; сокрушенно опустив голову; после довольно продолжительной паузы, чеканя слова*. Мы считаем, что в таких сочетаниях смысловую нагрузку несёт не глагол, а его распространитель, поскольку цель автора при организации вторичного дискурса диалога не обозначить факт говорения, а передать его характер и тем самым обеспечить читателю понимание первичного дискурса диалога, в частности, понимание эмоций говорящего. Более того, Б. Акунин не только обозначает эмоцию говорящего, но и её степень, например:

Беседа, стало быть, началась с извинений.

– Я нехорошо с вами поступил, Николай Александрович, – сказал банкир, сокрушенно опустив голову, отчего двойной подбородок сделался тройным. – Я вас использовал [Акунин 2004: 518].

В этом примере жирным курсивом, помимо глагола-сказуемого и его распространителя – деепричастного оборота, нами выделена придаточная часть (с присоединительным значением), используемая во вторичном дискурсе для выражения степени проявления чувства неловкости, раскаяния, стыда. Немаловажна последовательность слов героев и слов автора. Приведённый пример показывает модель, характерную для анализируемых диалогов: слова героя – слова автора – продолжение слов героя. Такая модель позволяет читателю понимать смысл написанного постепенно, поэтапно: 1) переключиться на речь того или иного участника диалога; 2) осознать настроение, эмоции, чувства участника диалога; 3) воспринимать и понимать речь говорящего в соответствии с его переживаниями.

Для правильного понимания читателем чувств и эмоций говорящего автор порой намеренно прибегает к алогизму смысла сказанного героем и слов автора:

– Пожил уже, хватит, – с ласковой укоризной сказал Очкарик. – Дай другим пожить [Акунин 2004: 126].

В приведённом дискурсе зловещий смысл сказанного и, казалось бы, несоответствующая ему мимика и тон, предполагаемые авторским замеча-

нием *ласковая укоризна*, позволяют распознать не названную, но заданную автором эмоцию говорящего – зловещую издёвку.

Таким образом, можно сделать вывод, что стилистически нейтральные глаголы *говорить* – *сказать* являются центром синтаксического «развёртывания» текста в комментарии к реплике. Однако в структуре вторичного дискурса диалога знаковыми для понимания являются слова (одиночные или организованные в синтаксические единицы), синтаксически зависимые от глаголов *говорить* – *сказать*.

Другие глаголы говорения, выделенные нами из диалогов романа «Алтын-толобас», мы распределили на несколько тематических групп.

1. Глаголы говорения, характеризующие силу голоса как выражение эмоций: *вскричал, воскликнул, взвыл, ахнул* – сильное эмоциональное потрясение; *прохрипел, просипел* – ужас; *буркнул, пробурчал* – недовольство; *загудели* – волнение.

В силу однозначного понимания эксплицированных эмоций приведённые глаголы чаще встречаются без слов-распространителей. Случаи употребления их с зависимыми словами единичны, например:

– *Я отлично прожил бы и без вашего Седого, – сварливо буркнул Николас...* [Акунин 2004: 372].

Наречие *сварливо* подчёркивает и усиливает смысл «недовольство» в глаголе *буркнул*.

2. Глаголы говорения, называющие коммуникативную задачу говорящего на определённом этапе диалога: *напомнил, пояснил, объяснил, предупредил, угукнул* в значении «согласился», *поправил, начал, предложил, подхватил, вернул* (к главному), *повернул разговор* (в неожиданную сторону); более частотные – *ответил* и синонимы *спросил, переспросил, полюбопытствовал*. Эти глаголы, как и глаголы *говорить* – *сказать*, обычно употребляются с зависимыми словами, позволяющими распознавать эмоции и чувства говорящего:

– *Жирный очень, – с некоторой рассеянностью напомнил Сосо...*

– *А 125 килограммов у вас бывало? – строго спросил Николас* [Акунин 2004: 337].

Нами отмечена достаточно широкая лексическая сочетаемость у глаголов *спросить* и *ответить*. Например, *спросить (переспросить)* во вторичном дискурсе акунинских диалогов можно – *вдруг, озадаченно, дрогнув голосом, осторожно; ответить* – *в тон ему* (собеседнику), *сухо, уныло, злобно, не оборачиваясь, шёпотом, уже без дурашливости*. Чтобы диалог стал видимым и слышимым, Б. Акунин не ограничивается сочетанием глагола говорения с зависимым словом, он использует сравнительные обороты, вставные конструкции:

– *Колдуновский дом – это по фамилии прежнего владельца? – осторожно, словно боясь спугнуть добычу, спросил Николас* [Акунин 2004: 451];

– Да уж знаю, какой. – Алексей Михайлович *ответил шепотом (только все равно было слышно каждое слово)* [Акунин 2004: 331].

Как и в случае с глаголами *говорить* – *сказать*, эти глаголы являются центром синтаксического развёртывания текста, но смысловыми центрами во вторичном дискурсе диалога становятся другие слова (одиночные или организованные в синтаксические единицы).

В частности, сравнительный оборот в первой цитате выражает не просто степень осторожности в голосе говорящего. Сравнение с охотником (а именно этот образ вызывает оборот *словно боясь спугнуть добычу*) помогает автору передать (а читателю, соответственно, понять), насколько герой заинтересован разговором, какое волнение, напряжение чувствует он в ожидании предполагаемого им и очень желаемого ответа (как охотник предвкушает и желает добычу).

Во второй цитате вставная конструкция *только все равно было слышно каждое слово* позволяет читателю прочувствовать звенящую тишину, в которой хорошо слышится даже шёпот, и понять, насколько эмоционально напряжены говорящие.

К словам рассмотренной группы примыкает метафорическое словосочетание *не удержался от выпада* в значении «ответил, парировал»:

– А утаивать клад, принадлежащий государству, это тоже по закону?
– *не удержался от выпада* Николас [Акунин 2004: 520].

На наш взгляд, было бы упрощённо свести приведённое словосочетание только к значению «ответил с вызовом». Если это словосочетание рассматривать в дискурсе не конкретного диалога, а всего романа, то в его значении стёртый метафорический образ – человек сражается со шпагой в руках – актуализируется, и оно понимается почти буквально. В доказательство своей мысли заметим, что приведённая реплика героя с авторскими словами находится в конце романа. К этому моменту читатель уже знает, что Николас – потомок мушкетёра, подобно своему предку он достойно прошёл выпавшие на его долю испытания, он до конца остаётся верен высоким моральным принципам. Фон этих знаний актуализирует образную основу словосочетания *не удержался от выпада*, что в итоге и должно подвести читателя к выводу, задуманному автором: Николас – достойный представитель своего рода, порядочный и смелый человек, современный мушкетёр. Таким образом, вторичный дискурс диалога позволяет читателю не только слышать, видеть, чувствовать вместе с участниками диалога (погружаться в первичный дискурс диалога), но и, «прислушиваясь» к автору, вступать в диалог уже с ним, оценивая, насколько своё (читательское) видение героя совпадает с авторским.

3. Глаголы говорения, указывающие на уверенность / неуверенность говорящего, обдуманность и категоричность его высказывания: *изрёк, заявил* (с зависимыми словами *уверенно, с гордостью*) – выражают уверенность говорящего; *отрезал* – категоричность; *вырвалось* в безличном зна-

чении – спонтанность, эмоциональный порыв, без раздумий. В словах автора такие глаголы говорения употребляются рядом с глаголами действия, называющими жесты и движения, которыми обычно говорящий подчёркивает свою убеждённость, категоричность, например:

*Адам Вальзер **воздел палец и изрек:***

– *Всё золото вселенной* [Акунин 2004: 307];

– *Ну, смотри, упрашивать не стану, – **отрезала Сашенька и, развернувшись, вышла*** [Акунин 2004: 333].

В этой же группе мы рассматриваем глаголы говорения, которые, в первую очередь характеризую темп речи говорящего, тем самым выражают его эмоциональное состояние уверенности / неуверенности: **промямлил** (также в сочетании с *малодушно*) – неубедительность, неуверенность; **пробормотал** – растерянность или рассеянность.

Для последнего глагола точный смысл можно установить только в контексте реплики и всех сопутствующих ей слов автора. Сравним смысл глагола **пробормотал** в двух следующих цитатах:

– *Скорее, как в Аргентине – «эскадроны смерти», – **пробормотал** Николас, **охваченный внезапным ознобом*** [Акунин 2004: 185];

– *Спасибо. До свидания, – **пробормотал** Фандорин с явным запозданием, когда дверь уже закрылась* [Акунин 2004: 85].

В первом случае глагол **пробормотал** в контексте с причастным оборотом *охваченный внезапным ознобом*, а также в связи со смыслом реплики эксплицирует смысл «испуг, растерянность». Во втором случае глагол **пробормотал** имеет другой смысл – «рассеянность, отстранённость».

Второй пример весьма наглядно показывает, как автор, выстраивая текст комментария к реплике, тщательно «прорисовывает» диалоговую ситуацию. Создаётся впечатление, будто автору мало отнюдь не нейтрального глагола **пробормотал**, чтобы точнее передать эмоциональное состояние говорящего и его реакцию на собеседника. По-видимому, автор считает недостаточным использование даже характеристики говорения – *с явным запозданием*. Добиваясь точности восприятия читателем первичного дискурса диалога (в направлении *герой¹ ↔ герой²*), автор апеллирует к жизненному опыту читателя, в связи с чем для структуры вторичного дискурса диалога (в направлении *автор → читатель*) большое значение имеет придаточная часть *когда дверь уже закрылась*. С её помощью автор «включает» у читателя узнавание реальной, жизненной ситуации, даёт возможность читателю «прожить» реплику героя во времени и прийти к авторскому видению эмоционального состояния героя.

Нам представляется, что для структуры вторичного дискурса рассмотренного диалога весьма важна последовательность компонентов: **пробормотал – с явным запозданием – когда дверь уже закрылась**. Таким синтаксическим развёртыванием, где каждый последующий компонент всё более конкретизирует предыдущий, автор словно пошагово объясняет чи-

тателю, почему действию *пробормотал* он даёт именно такое определение – *с явным запозданием*, и приводит весомый аргумент – *дверь уже закрылась*. Как видно, постпозиция позволяет придаточной части *когда дверь уже закрылась* эксплицировать не столько значение времени (*пробормотал с явным запозданием когда?*), сколько значение причины (*пробормотал с явным запозданием почему?*). Если попытаться поэкспериментировать с текстом авторского комментария к реплике и приведённые компоненты расположить в обратной последовательности (*когда дверь уже закрылась, с явным запозданием пробормотал Фандорин*), то, на наш взгляд, придаточная часть потеряет функцию аргумента и будет выражать только значение времени. В этом случае исчезнет замеченная нами особенность вторичного дискурса диалогов Акунина – стремление автора не только точно передать диалоговую ситуацию, но и объяснить, почему именно такой глагол говорения и именно такая характеристика говорения вводится им в комментарий к реплике героя.

Итак, в настоящей статье мы выделили некоторые особенности употребления глаголов говорения в организации вторичного дискурса диалогов в романе Б. Акунина «Алтын-толобас». Насколько выделенные особенности являются индивидуальными для Б. Акунина, покажет сравнительный анализ его произведений с произведениями других авторов.

Акунин Б. Алтын-толобас: Роман. – М., 2004. – 539 с.

Бисималиева М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» // Филологические науки. – 1999. – № 2. – С.78-85.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – 685 с.

Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123-131.

А.О. Стеблецова

*Воронежская государственная медицинская академия
имени Н.Н. Бурденко*

Дискурс оперативного взаимодействия или workplace discourse: некоторые особенности делового общения в сфере образования

Исследования особенностей институционального дискурса в различных сферах профессиональной деятельности приобретают все большую актуальность в лингвистических и междисциплинарных исследованиях дискурса. Особый интерес представляют исследования институциональных типов дискурса в сопоставительном аспекте. В рамках изучения делового

дискурса, являющегося видом институционального, мы обратились к проблеме выявления и сопоставления дискурсивных событий, жанров и текстов, относящихся к особому типу делового дискурса, отражающего коммуникативное взаимодействие на работе или *workplace discourse* – термин, широко употребляющийся в западной социолингвистической традиции [Sarangi S., Roberts 1999: 66].

Однако коммуникация на работе – понятие достаточно широкое, включающее в себя разнообразные формы общения в процессе профессиональной деятельности внутри предприятия, организации, компании или офиса. Представляется целесообразным выделить и определить тот тип делового дискурса, содержание которого составляет *организация оперативно-коммуникативной деятельности на рабочем месте для решения текущих вопросов*. Предлагаем назвать данный тип *дискурсом оперативного взаимодействия* [Стеблецова 2011].

Актуальность исследования дискурса оперативного взаимодействия (далее дискурс ОВ) во многом обусловлена спецификой объекта. Дискурс ОВ является универсальным типом делового дискурса. Его универсальность заключается, на наш взгляд, в существовании данного типа в любой организации, компании, учреждении любой сферы профессиональной деятельности, а также в различных лингвокультурах. Ведь рутинная коммуникативно-дискурсивная деятельность с участием руководителя и подчиненных, в ходе которой решаются некие общие задачи, осуществляется в любой организации в независимости от профессиональной сферы.

В качестве предмета анализа мы избрали письменный модус дискурса как менее изученный (по сравнению с устным модусом). Устная коммуникация уже довольно давно и плодотворно исследуется, например, в рамках конверсационного анализа (СА). Исследование письменного модуса дискурса ставит перед ученым собственные задачи, среди которых проблема выделения дискурсивного события, отграничение одного дискурсивного события от другого, проблема корреляции типа текста и дискурсивного события. Вместе с тем, исследования письменного дискурса дает ценный лингвистический или этнолингвистический материал. По мнению М. Сэвилл-Тройке «обращение к письменным источникам дает исследователю коммуникации важные сведения о коммуникативной практике в языковом сообществе» [Saville-Troike 2003: 128]. Поэтому в нашем исследовании дискурса ОВ методологическим подходом является текстово-документальный: ядром любого события письменного модуса дискурса является текст, который создается с определенными целями, для решения конкретных дискурсивных задач и адресуется определенному дискурсивному сообществу. Материалом анализа стали тексты внутренней коммуникации американского, британского и российского вузов, содержание вопросы организационно-оперативного характера.

Предварительные данные сопоставления англоязычного и русскоязычного дискурсов ОВ в *социокультурном и исторически-идеологическом аспекте* свидетельствуют об определенных различиях.

Так, в дискурсивная практика *англоязычной* коммуникативной культуры письменный модус всегда занимал значительное место. Это объяснялось исторически сложившимися традициями деловой коммуникации, приверженностью представителей англоязычных культур к письменной фиксации коммуникативных действий, а также факторами пространственной удаленности коммуникантов друг от друга (типичной ситуацией для британского или американского вуза является расположение административного центра и учебных или исследовательских центров в разных помещениях, часто на значительном удалении друг от друга). Эти социокультурные и пространственные факторы во многом определяли приоритетные позиции письменного модуса дискурса ОВ. Однако с конца 20 века традиционные формы и инструменты письменной деловой коммуникации, такие как традиционное деловое письмо, факс, телекс, стали сдавать свои позиции и отходить на второй план. Их место заняли электронные письма. Таким образом, в англоязычной деловой культуре коммуникация на рабочем месте (Workplace Interaction) вообще и дискурс ОВ в частности, существует преимущественно в письменном модусе в виде обмена электронными письмами. Естественно, такой способ организации коммуникативного взаимодействия оказывает огромное влияние на характер коммуникации, дискурсивный стиль внутри организации, отношения внутри дискурсивного сообщества.

В русскоязычной деловой культуре коммуникация внутри предприятия, организации, учреждения традиционно носила преимущественно вербальный характер. Приверженность устному модусу дискурса ОВ отражена в устойчивом выражении *обсудить вопрос*, которое в русском языковом сознании означает некую проблемную ситуацию, для решения которой необходим разговор (устное коммуникативное взаимодействие) заинтересованных сторон. Также в русской деловой коммуникативной культуре вербальная коммуникация оценивалась как более эффективная (быстрая, результативная) по сравнению с письменной. *Вам надо поговорить с ...* - распространенная формула-совет, подразумевающая, что для успешного решения оперативного вопроса лучшей стратегией будет личный разговор. Письменный модус дискурса являлся необходимым с точки зрения документирования дискурсивных событий.

Предварительные данные сопоставления *участников* англоязычного и русскоязычного дискурсов ОВ дискурса (*дискурсивное сообщество*), *их целей*, ситуативно-ролевые статусов и д.т. свидетельствуют о наличии многих сходств.

Так, ключевыми участниками дискурса ОВ в обеих коммуникативных культурах являются руководители и подчиненные. Направление интерак-

ции может быть вертикальным и горизонтальным. Под вертикальным мы понимаем интерактивное взаимодействие между не равными по социально-профессиональному статусу коммуникантами (руководитель - подчиненный); под горизонтальным – интеракция между равными по статусу коммуникантами (между руководителями подразделений или между сотрудниками подразделения). В ходе дискурса в рамках дискурсивных событий коммуниканты любого статуса выступают в роли адресантов (авторов текста) или адресатов. Основными целевыми установками являются

а) изменение представлений адресата о предметной ситуации (например, информирование о проблеме);

б) изменение предметной ситуации (решение проблемы).

Анализ любого типа дискурса предусматривает выявление и описание *дискурсивных событий* (далее ДС) как наиболее релевантных единиц описания дискурса. При анализе дискурса ОВ мы сталкиваемся с определенными трудностями их выделения. На наш взгляд, дискурсивные события могут быть стандартизированными и ритуализированными и нестандартизированными, то есть требующими спонтанной реакции. К ритуализированным событиям дискурса ОВ в вузе относятся плановые нормативные собрания, заседания, совещания, например, заседание кафедры, ученый совет, ректорское совещание, заседаний комиссии т.д. Спонтанные дискурсивные события – акты незапланированного характера, связанные с решением какого-либо вопроса или имеющие место как реакция на какую-то проблему или информацию (внесение изменений в расписание, замена заболевшего преподавателя, хозяйственные вопросы и т.д.) Именно такие спонтанные ДС и манифестируют дискурс ОВ как коммуникацию на рабочем месте с целью решения оперативных вопросов. И именно они в силу своей спонтанности и многообразия представляют определенную сложность в плане выделения и наименования отдельных дискурсивных событий: содержание ДС зависит от темы вопроса, диапазон которых может варьироваться от сроков сессии и рождественского балла до представления нового сотрудника или закупки оборудования.

Тексты дискурса ОВ являются наиболее объективной базой сопоставительного анализа особенно при исследовании письменного модуса дискурса. В англоязычной ДКК письменный модус дискурса ОВ репрезентируют тексты электронных сообщений (email) или тексты мемо (сокр. от memorandum) – тексты деловой переписки, обеспечивающие оперативное взаимодействие как по вертикали, так и по горизонтали. Адресатами данных текстов являются сотрудники подразделений (кафедр, факультетов, учебных или научных центров), а авторами – руководители этих подразделений или сотрудники, в зависимости от предмета сообщения. Предварительный анализ дискурса оперативного взаимодействия (ОВ) в англоязычной ДКК показывает что, электронный канал коммуникации доминирует в письменном модусе дискурса. Причем, если учесть, что письменный

модус дискурса ОВ, в свою очередь, доминирует над устным, то электронный канал коммуникации можно назвать главенствующим в англоязычном дискурсе ОВ.

В русскоязычной ДКК тексты докладных и служебных записок, а также приказы, распоряжения и информационные письма являются наиболее распространенными текстами, репрезентирующими письменный модус дискурса ОВ. Докладные и служебные записки составляют большую часть рутинной офисной документации и обеспечивают коммуникацию подразделений организации по вертикали (между руководителем и подчиненными) и по горизонтали (между руководителями или сотрудниками структурных подразделений).

В таблице ниже представлены некоторые предварительные данные сопоставления англоязычного и русскоязычного дискурсов ОВ в сфере высшего образования.

Параметры сопоставления	Дискурс ОВ	
	Англоязычный	Русскоязычный
модус	Доминирование письменного модуса	Сочетание устного и письменного модусов дискурса, в котором устный модус доминирует в аспекте решения оперативных вопросов, а письменный – в аспекте фиксации \ оформления \ документирования решений.
форма	Доминирование электронной формы интеракции	Сочетание электронной и традиционной (бумажной) форм интеракции
обратная связь	Дискурс диалогичен: Инициативный ход (текст) дискурса предполагает аналогичный по форме реактивный ход (текст).	Дискурс монологичен: Инициативный ход (текст) дискурса не обязательно предполагает аналогичный по форме реактивный ход (текст). Обратная связь может осуществляться посредством невербального действия.
количество адресатов	Дискурс полилогичен: Один и тот же текст направляется неограниченному числу адресатов.	Дискурс полилогичен при направлении интеракции «сверху вниз»: приказ руководителя адресован всем нескольким или всем сотрудникам Дискурс монологичен при направлении интеракции «сни-

		зу вверх»: докладная записка адресуется только руководителю
направление интеракции	Направление интеракции в дискурсе может быть как по вертикали, так и по горизонтали	Направление интеракции в дискурсе может быть как по вертикали, так и по горизонтали
корреляция между типом текста и участником дискурса	Выбор типа текста не зависит от направления интеракции и статуса участников дискурса	Выбор типа текста зависит от направления интеракции и статуса участников дискурса.
типы текста	Основными типами текстов (документами внутренней коммуникации) являются электронные сообщения (emails, memos)	<p>Интеракция «по вертикали»:</p> <p>1) направление сверху вниз (от руководителя к подчиненным) – приказ, распоряжение, информационное письмо</p> <p>2) направление снизу вверх (от подчиненного руководителю) – докладная записка, служебная записка, заявление, ходатайство</p> <p>Интеракция «по горизонтали» (между руководителями, равными по статусу) – служебные записки</p>
корреляция между типом текста и его коммуникативно-прагматической функцией	Универсальность типа текста (emails, memos) предполагает возможность их использования в широком диапазоне коммуникативно-прагматических функций и тем;	Специфичность типа текста определяет избирательность их использования в сочетании с определенными целевыми установками и коммуникативно-прагматическими функциями

В заключение отметим, что данная статья представляет собой попытку определения и моделирования дискурса оперативного взаимодействия, а также описание начального этапа его исследования на материале текстов англоязычной и русскоязычной деловых культур. Траектория дальнейшего исследования предполагает сопоставительное описание дискурсивных

жанров и лингвистический анализ текстов дискурса, а также их последовательное межкультурное сопоставление.

Sarangi S., Roberts C. The Dynamics of Interactional and Institutional Orders in Work-related Setting // Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical Mediation and Management Settings. –Berlin, NewYork: Mouton de Gruyter, 1999. - P. – 66.

Стеблецова А.О. Дискурсивное взаимодействие на работе: лингвокультурная специфика деловой коммуникации // электронный журнал «Гуманитарные и социальные науки», №2 СКНЦ: Южный федеральный университет, 2011. - С. 141-153 [http://www.hses-online.ru]

Saville-Troike M. The Ethnography of Communication: an Introduction. – 3rd ed. – Oxford: Blackwell Publishing, 2003. – 325p.

И.В. Умнова
*Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова*

Анализ коммуникативного поведения персонажей рассказа Сюй Кунь «Кухня»

В настоящее время отношение к современной художественной литературе Китая на Западе неоднозначно. Джулия Ловелл с сожалением заявляет, что она все ещё недооценена британскими читателями. «...японская литература имеет свою публику в Британии, а китайские писатели играют в пустые ворота». В одном из литературных журналов японская литература была возведена в ранг «воспевающей стойкость человеческого духа», а вся китайская литература была отнесена к образцам «социалистического реализма» [Lovell: 1].

С другой стороны, во Франции первый роман Дай Сы-цзе (Дэ Сижи) «Бальзак и портниха-китайночка» стал книгой года и был награжден престижной международной премией «Club Med Literary Prize». По нему был снят ставший популярным фильм.

В 2000 году знаменитый китайский писатель Гао Синцзянь стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

В России прорывом в процессе популяризации современной китайской литературы стал 2007 год, Год Китая в России. К этому событию было выпущено несколько сборников современных китайских повестей и рассказов. «В эти антологии вошло более тридцати репрезентативных произведений самых выдающихся писателей Китая, которые сравнительно полно отражают путь развития современной китайской литературы» [Те Нин 2007: 4].

В списке писателей, попавших в антологию, оказалось имя Сюй Кунь (Xu Kun, род. 1965 г.), современной писательницы Китая, одной из дирек-

торов ассоциации писателей Пекина. После начала проведения в стране политики реформ и открытости во многих сферах стали происходить изменения, в том числе и в литературе. В произведениях Сюй Кунь можно проследить некоторые тенденции развития китайской литературы, среди которых критики называют вестернизацию (влияние западной литературы), смещение интереса к проблемам мегаполисов, уход от политических вопросов, постановку новых проблем (консьюмеризация, освобождение женщины, свобода в обсуждении вопросов пола).

Рассказ «Кухня», напечатанный на русском языке в Антологии «Современная китайская проза. Багровое облако», можно также прочитать на английском языке на сайте <http://engnet.jiangnan.edu.cn>

Нам показалось интересным проанализировать особенности коммуникативного (вербального и невербального) поведения героев рассказа с точки зрения традиционных представлений, а также по сравнению с западным стилем поведения (целесообразно в этом случае в качестве контрастирующего фона рассматривать общеевропейский – вненациональный – стиль поведения как стиль современных образованных жителей крупного мегаполиса).

В центре повествования молодые мужчина и женщина, до настоящего момента являвшиеся хорошими знакомыми. Она бизнесвумен, когда-то предпочла развод, чтобы выстроить карьеру, являлась почитателем его таланта и спонсором художественных выставок. До сих пор их общение проходило лишь в сфере профессиональной деятельности. Сегодня день его рождения, и ей захотелось, с одной стороны, сделать ему приятное и приготовить на его кухне праздничный ужин и, с другой стороны, перейти на новый круг общения (уже в обиходно-бытовой сфере), подсознательно имея в виду возможность близких, вплоть до семейных, отношений. Итак, инициатива исходила от женщины, она получила одобрение. Это уже была победа, поскольку «в Китае гостей редко приглашают домой. Быть гостем – большая честь» [Босрок 2007: 227]. Но здесь же и была заложена её роковая ошибка.

Кухня в китайской культуре наряду со спальней – приватная зона. Приготовление пищи – настоящий ритуал, который с блеском описывается в произведении, добавляя ему национальный колорит. Женщина начинает властвовать на кухне. Подбор продуктов и пряностей, элегантные движения и передвижения – всё должно было бы донести до партнёра желаемую информацию. «Нарезанный на множество кусочков окунь был тщательно приправлен чесноком, луком и имбирем, после чего оказался уложен на решётку пароварки с немедленно за клубившимся над ней горячим паром. Начисто вымытые, покрытые капельками воды кочанная капуста и корень речного лотоса отдавали глянцем. Щедро приправленные салатным соусом, они рядком легли на дно чашки в ожидании дальнейшего перемеши-

вания. ...Всё её (Чжицзы) существо переполнило едва сдерживаемое предвкушение счастья» [Сюй Кунь 2007: 400-401].

Хотя социальный статус персонажей неравнозначен, строго говоря, нельзя сказать, что их общение проходит по вертикальному (вышестоящий – низестоящий) типу. С этой точки зрения, они современные люди. Она ценит талант не меньше денег. Они также переросли и традиционные конфуцианские взгляды о том, что мужчина изначально имеет превосходство перед женщиной. С другой стороны, в идеале мечтают именно об этом: она хочет вновь подчиняться любимому мужчине (хотя, возможно, не на 100%) – «она хотела зависеть от него», а он глубине тяготится тем, что вынужден принимать ее деньги для продвижения своих картин, и хотя «он ни за что не желал, чтобы у него сидели на шее, художник не хотел себя обременять». Новый тип отношений, который зарождается в китайском обществе, не поспевает за выработкой соответствующих поведенческих стратегий. Все в невербальном поведении женщины наполнено символикой любви, но вплоть до последнего момента она делает неверные выводы относительно его поведения. Даже когда её переполняют такие чувства, как «не только любовь, но и разочарование, и нетерпение, и даже временами ненависть», она не пытается задавать вопросы, что было бы типично для западного типа поведения, она продолжает подбираться к краю пропасти.

В то время как в её голове проносилась вся предшествующая жизнь, рождался целый сонм иллюзий, мужчина оставался глух. Он начинает скучать, думать о своем «потерянном» праздничном дне. Однако присущие китайской культуре вежливость и соблюдение светского этикета не позволяют ему демонстрировать свои истинные чувства. Сам с собой он ведет внутренний диалог, сам с собой пытается заключить компромисс относительно того, до каких границ в отношениях можно дойти, чтобы и сохранить лицо, не обидеть женщину, к которой чувствует благодарность, и в то же время не сделать глупостей.

Вербальное общение сведено до минимума вплоть до конца рассказа. Исключения составляют предложения помощи, вежливый отказ, дежурные комплименты и типичные для китайского праздничного ритуала тосты. Тем не менее текст изобилует описаниями непонимания: «Они продолжали играть в молчанку», «Она не знала, что чувствует к ней Сунцзэ, – так или иначе, до сих пор он бездействовал», «Сегодня она ведет себя как-то не совсем обычно! Всё, что она сделала для меня, всё, что пыталась сказать на своём кулинарном языке, словно кричит о том, что она хочет стать хозяйкой на моей кухне, что она – лучший вариант хозяйки всей моей квартиры...», «Мужчина и женщина мыслили по-разному, в корне по-разному», «Неужели всё на этом и закончится? Что он таким поведением желает выразить?», «Её грудь порывисто взметнулась, лицо резко исказилось, но она не смогла выдавить из себя ни слова... Всё это длилось лишь

некий краткий миг, Чжицзы тотчас овладела своей мимикой, придав лицу счастливое выражение», «Без лишних разговоров он поднялся и направился к шкафу за верхней одеждой», «Чжицзы молчала».

С точки зрения представителей европейской культуры, подобный вечер эмоциональных испытаний мог бы уже ни один раз прерваться или приобрести другие очертания в результате выяснения, уточнения, словесной разведки, то есть стиль общения был бы когнитивным. Никому не удалось бы так долго сдерживать свои эмоции и не выразить их на лице или в перепаде настроения.

В произведении вечер, начинавшийся так романтично, закончился полным фиаско женщины, китаянки нового типа, возжелавшей вернуться к традициям, но не сумевшей до конца разобраться в сложном мире мужчины, ошибочно составившей представление о нём по его картинам, «в которых чувствовалось абсолютное мастерство, работа души и непринуждённость». Мужчина же, осознав в какой-то момент угрозу посягательства на свою свободу, проявил чудеса изобретательности и по-китайски деликатно вышел из сложившейся ситуации.

Разная мотивированность коммуникантов, неверная интерпретация событий, предшествующих коммуникации, сведение вербального общения до минимума, приправленные национальной особенностью «сохранять лицо» в любых ситуациях, привело к коммуникативному провалу. Женщина не смогла добиться желаемого результата, изменить свою жизнь к лучшему. В конце рассказа у неё после расставания «неудержимым потоком хлынули слёзы».

Мужчине же наоборот удалось сохранить свою независимость, используя возможность вариативной интерпретации невербального поведения партнерши и свою верно выработанную стратегию поведения.

Данный рассказ может являться одним из примеров того, что «китайская цивилизация – одна из немногих, которая, несмотря на активное западное влияние, по-прежнему сохраняет сильную национальную специфику и самобытность» [Tatjana Ćecet: 71].

Мы наравне с Джулией Ловелл надеемся, что опытные переводчики сегодня смогут создавать элегантные переводы, которые смогут донести до читателя не только псевдо-документальную информацию об истории Китая, но, что более важно, предложить на суд примеры литературного мастерства: «тонкие психологические портреты, описание ситуаций в заданном пространстве и времени, философский анализ человеческих переживаний» [Julia Lovell: 3]. Представителям разных коммуникативных стилей также очень важно узнавать друг о друге, чтобы более продуктивно использовать свои знания при общении.

Босрок Мэри Мерей. Азия: Путеводитель по обычаям и этикету; пер. с англ. Н. Зубкова. – М.: АСТ: Астрель, 2007.

Те Нин. Приветствие по случаю выхода в России Антологии современной китайской прозы // Современная китайская проза. Багровое облако. – М.: АСТ; СПб., 2007.

Сюй Кунь. Кухня // Современная китайская проза. Багровое облако. – М.: АСТ; СПб., 2007.

Šecet Tatjana. Межкультурная коммуникация: некоторые аспекты коммуникативного поведения [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.biblioteka.vpu.lt/zmogusirzodis/PDF/svetimosioskalbos/2004/cecet.pdf>.

Е.П. Черногрудова
Борисоглебский государственный
педагогический институт

Гендерные речевые особенности

(на материале русских народных коммуникативных паремий)

В ходе анализа русских народных пословиц, посвящённых проблемам речи, общения (далее – коммуникативные паремии), было выявлено 17 пословиц, в которых так или иначе раскрываются представления народа о различиях речи мужчин и женщин, об особенностях, которые присущи мужской и женской коммуникации. При этом можно выделить несколько аспектов гендерных отличий общения, которые отражены в данных пословицах.

Так, характеризуя женскую и мужскую речь, пословицы отмечают ряд особенностей.

1. Болтливость женщины, её многословность, излишняя речевая активность.

Бабий язык – чёртово помело; Не ждёт баба спроса, сама всё скажет; Коса до пояса, язык до колен; Где баба, там рынок, где две, там базар (Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Гусь да баба – торг, два гуся, две бабы – ярмарка).

В последней группе пословиц особая невожатанность на язык женщин подчёркивается с помощью иллюстрации зависимости возрастания бестолковой болтовни от количества находящихся вместе женщин.

2. Склонность женщины к передаче разговоров, к сплетням, неумение сохранять тайну, держать в секрете то, что знает.

Знала б насадка, узнает и соседка; Где утка (баба), тут и мутка (сплетня); Сказал петух курице, а та – всей улице.

Интересно то, что все приведённые пословицы передают мысль о склонности женщин к сплетням иносказательно, через образы домашних птиц (утка, курица), которые, видимо, ассоциировались с недалёкой, болтливой домохозяйкой, единственное развлечение для которой – обсуждение всех знакомых с соседкой.

Как и в последней из приведённых пословиц, в другой паремии также выявляется противопоставление участников коммуникации разных полов, но используются при этом персонажи-лица.

Иван был в Орде, а Марья вести сказывает.

В обеих этих пословицах выражается противопоставление персонажей по гендерному признаку: мужчина предстаёт как носитель правдивой информации, сообщаящий её только ближайшему окружению, а женщина – как человек, который говорит, во-первых, то, о чём сама не знает, а, во-вторых, говорит об этом всем. Традиционно считается, что склонность к досужим разговорам, сплетням – это черта, присущая женщинам. И это не только разговоры, источником которых является она, но и сплетни о ней других.

Девушка не травка, не вырастет без славки.

3. На приёме противопоставления основана в пословицах и передача такого качества, как «недеятельное многословие», т.е. пустые разговоры, которые мешают делу или заменяют собой реальную деятельность.

Мужик кочадычком, а чистоплюйка язычком.

То есть мужчина молчаливый и работающий (кочадык – это приспособление для плетения лаптей), а женщина только болтает и ничего полезного не делает.

Противопоставление и иносказательная образность используются в пословицах и для передачи покладистости, умения ладить мужчин и вздорности, скандальности женщин.

Семь топоров вместе лежат, а две прялки – врозь.

В этой пословице эффект противопоставления усиливается благодаря сопоставлению числительных (поскольку возможность ссоры, разногласий тем больше, чем больше количество общающихся).

4. Также в пословицах отражена такая характеристика речи, как правдивость, в её гендерном аспекте. В ходе анализа выявлено 4 пословицы, характеризующие речь женщин с этой точки зрения, и одна, характеризующая речь мужчин. При этом в данных пословицах нет полярного, принципиального противопоставления мужчин и женщин. Среди пословиц, характеризующих степень правдивости речи женщин, выделяются более и менее категоричные. К первым относятся следующие паремии.

Баба бредит, да кто ж ей верит! Из кривого ребра Бог жену создал, оттого и кривда пошла.

В них женщина предстаёт как источник обмана, неправды, как человек, которому нельзя верить в принципе. Третья пословица рассматриваемой группы менее категорична, утверждая, что к словам женщины следует относиться избирательно, не всё принимать на веру, что говорит женщина.

Не всё то правда, что бабы врут.

И в этом смысле, кстати, нет различий между женщинами и мужчинами, поскольку *Не во всяком камне искра, не во всяком муже правда*, т.е. человеку в принципе свойственно иногда говорить неправду, независимо от его

половой принадлежности, поэтому чужие слова следует анализировать, взвешивать, разграничивая правду и ложь. Однако такой анализ женской речи осложняется тем, что слова женщины часто вообще трудно понять, т.к. она склонна не выражать в слове мысль, а скрывать её за словами.

5. Говоря одно, женщина часто подразумевает абсолютно противоположное, поэтому можно говорить о таком качестве речи женщины, как неоднозначность, противоречивость. Вербальное отрицание (отказ) у женщины подразумевает часто фактическое утверждение (согласие) и наоборот. Поэтому адекватно понять слова женщины бывает порой очень сложно.

Меж бабьим ДА и НЕТ не проденешь иголки.

Данная пословица представляет собой как бы наблюдение со стороны, т.е. это оценка речи женщины. А поскольку она весьма критична, то логично предположить, что это оценка со стороны мужчины, поэтому в паремии присутствует невыраженное в словах, но логически предполагаемое противопоставление речи женщин и мужчин, которое, следовательно, характеризуется точностью, логичностью, однозначностью.

6. Кроме того, в одной из современных пословиц отражена мысль о строгом соответствии слов мужчины его делам и поступкам.

Мужик сказал – мужик сделал.

Однако в приведённой пословице значение слова «мужик», помимо компонента «половая принадлежность человека», содержит компонент «настоящий, обладающий достоинствами мужчины в лучшем смысле этого слова», т.е. оценочный компонент. Таким образом, в данной пословице характеризуется речь не любого человека мужского пола, а лишь настоящего мужчины, словам которого можно абсолютно доверять, слово которого полностью соответствует его поступку.

Возможно, именно поэтому мужчина менее многословен, чем женщина. Его слова более весомы. А женщина менее серьёзно относится к своим словам. Она своей речью оценивает и характеризует, оправдывает и обвиняет, хвалит и ругает одновременно.

Она языком и белит и чернит.

Женщина словом может опорочить и возвысить человека в глазах других.

Таким образом, слово, речь, коммуникация – это важнейшая составляющая жизни женщины. В речи полно и объёмно проявляется её личность. Поэтому в пословицах представлены многие качества именно женской речи: многословность и болтливость, склонность к пересудам и праздным разговорам, неправдивость и неоднозначность слов. Тогда как «мужские» качества речи, фиксируемые русскими народными пословицами, не столь многообразны. В них отмечается относительная правдивость слов мужчины и соответствие его слов поступкам как признак лучших представителей сильного пола.

Количественный анализ данной группы паремий также свидетельствует о том, что речь женщин более многоплановое и полнее характеризующее своих носителей явление, чем речь мужчин: 12 пословиц (70%) характеризуют речь женщин, 3 пословицы (18%) сравнивают речь женщин и мужчин, и лишь 2 пословицы (12%) характеризуют собственно речь мужчин.

Немаловажно отметить, что русские народные пословицы в принципе отражают гендерные особенности общения, речи, что отражается и в современных исследованиях, посвящённых проблемам коммуникации, и в основе своей не противоречат им. Так, М.В. Шаманова, основываясь на экспериментальных данных, отмечает, в частности, что для мужчин в общении большое значение имеет наличие личностных качеств и коммуникативных умений, важны дружеские и любовные отношения. Мужчины характеризуют общение с функциональной точки зрения, им в общении важна не только информация, но и чувства (разговор по душам). Для женщин общение более значимо. Для них важно установление взаимопонимания, духовной связи. Общение женщин представляется более динамичным, оно более длительное, чем у мужчин. Подчёркивается потребность женщин в общении. В целом автор отмечает более высокий уровень яркости классификационных признаков общения, составляющих «женскую» концептосферу [Шаманова 2008: 155-157].

Пословицы и поговорки народов мира / Сост. М.П. Филипченко. – М., 2008.

Шаманова М.В. Общение как коммуникативная категория в русском языковом сознании: монография. – Воронеж, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анисимова И.Н. (Чебоксары) Семантика глагольной лексики в составе пейзажных описаний	3
Блудова Е.А. (Ставропольский край) Семантическое развертывание номинации «окно» в поэтической речи М.И. Цветаевой	7
Борисова Е.В. (Борисоглебск) Принципы семантико-функциональной классификации односоставных предложений в современном русском языке	11
Киреева К.О. (Борисоглебск) О некоторых особенностях употребления прилагательных <i>красный</i> и <i>red</i> в русском и английском языках	15
Киселёва Г.В. (Борисоглебск) Замкадье как символ российской провинции	19
Кожанова Л.В., Фролова В.П. (Воронеж) Индивидуально-авторские фразеологизмы в прозе Б.Л. Пастернака	22
Котык Р.А., Смирнова О.В. (Борисоглебск) Компонентный анализ и лексико-семантическая классификация слов, обозначающих огнестрельное оружие	27
Куренкова Т.Н. (Красноярск) Презентация микрополя «Деньги» в ЛСП «Экономика» в произведении И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок»	31
Литвинова Ю.А. (Воронеж) Семантика слова “city” в английском языке	35
Сергеева А.Д. (Армавир) Функционирование колоративов «белый», «синий» в лирике И.А. Бунина	39

КОГНИТИВНЫЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ефимова В.В. (Ярославль) Убедительность текста при разном стилевом оформлении	43
Сироткина Т.А. (Сургут) Особенности репрезентации концепта «этнос» в региональных текстах	48
Стернин И.А. (Воронеж) Закон кумуляции оценочной ин-	51

формации в тексте

Сухарева О.В. (Воронеж) Диатопическая и диахроническая вариативность англоязычных вторичных художественных онимов (в аспекте лингвокультурной концептологии)	64
Талицкая А.А. (Ярославль) Семантическая сфера геометрических фигур как продуктивный способ языковой репрезентации концепта «смерть»	69
Тимошина Т.В. (Воронеж) Проблема индивидуального в семантике слова	74
Хорохордина М.В. (Воронеж) Национально-культурная специфика номинации сценариев (на материале обозначений австрийских обрядов и обычаев)	70
Четверикова О.В. (Армавир) Знаки авторства как средства объективации ядерных структур смысловой сферы художника слова	83
Шаманова М.В. (Ярославль) Психолингвистическое значение лексемы <i>общаться</i> в языковом сознании первоклассников	89
Шахбазян О.Л. (Краснодар) Термин как когнитивная единица языка и мышления: общая характеристика лингвистических параметров (на примере экономической терминосферы языка)	95

ДИСКУРСИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конопелько И.П. (Воронеж) Специфика использования аббревиатур в современной французской прессе	101
Михайлова Е.В. (Минск) Лингвистическая объективация образа флейты в поэтическом дискурсе	106
Пугач В.Н. (Борисоглебск) Глаголы говорения в структуре вторичного дискурса диалогов в романе Б. Акунина «Алтынтолобас»	111
Стеблецова А.О. Дискурс оперативного взаимодействия или workplace discourse: некоторые особенности делового общения в сфере образования	117
Умнова И.В. (Ярославль) Анализ коммуникативного поведения персонажей рассказа Сюй Кунь «Кухня»	123
Черногрудова Е.П. (Борисоглебск) Гендерные речевые особенности (на материале русских народных коммуникативных паремий)	127
Содержание	131

